

Centre for the Rapprochement of Cultures
under the auspices of UNESCO

HALYQARALYQ
MÄDENIETTERDI
JAQYNDASTYRÝ
ORTALYGY
.....
INTERNATIONAL
CENTRE FOR THE
RAPPROCHEMENT
OF CULTURES

«BILGAMESH»

International Almanac of Cultural and Social Studies

№3

**THE ARCHAEOLOGY OF WORD: LANGUAGES,
WRITTEN MONUMENTS AND HISTORY**

**СӨЗ АРХЕОЛОГИЯСЫ: ТІЛДЕР,
ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕР ЖӘНЕ ТАРИХ**

**АРХЕОЛОГИЯ СЛОВА: ЯЗЫКИ,
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ИСТОРИЯ**

Within the framework of the International Decade
for the Rapprochement of Cultures (2013-2022)

Almaty 2020

“Bilgamesh” (International Almanac of Cultural and Social Studies). Issue №3. The archaeology of word: languages, written monuments and history. – Almaty, 2020.

The almanac of series «The Library of the Centre for the Rapprochement of Cultures» is published by the International Center for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, the creation of which was approved by the 39th session General Conference UNESCO in 2017.

Editorial board:

Chairman: Suleimenov O.O.

Executive editor: Krupko I.V.

Members: Tolmachev V.G., Kapalbekov N.K., Auezov E.K., Nurpeisov M.M., Sydykov A.Zh., Ashimova S.A., Omiralieva S.K., Krupko I.B.

The authors are responsible for the choice and the presentation of the facts contained in this edition and for the opinions expressed therein, which are not necessarily those of and do not commit the Editorial board and Centre for the Rapprochement of Cultures. Denominations and classifications employed in this publication do not imply any opinion on the part of the Editorial board or the Centre for the Rapprochement of Cultures concerning the legal or other status of any territory or any endorsement or acceptance of any boundary. The Editorial board is also not responsible for mistakes, made during typing, layout and proof-reading.

Publisher: ИП «WEST»

Designer: Aigul Kim

Circulation: 100

Format 70×100¹/₁₆. Offset printing. 16,5 cond. peps sheets.

© RSOC «State Museum «Centre for the Rapprochement of Cultures», 2020
© Authors, 2020

«Бильгамеш» (Мәдениеттану және әлеуметтік зерттеулер Халық-ралық альманахы). №3 Шығарылым. Сөз археологиясы: тілдер, жазба ескерткіштер және тарих, 2020.

Альманах сериясы «Мәдениеттерді жақындастыру орталығының кітапханасында» жарияланады. 2017 жылғы ЮНЕСКО Бас конференциясының 39-сессиясында ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы құрылды.

Редакциялық кеңес:

Төрағасы: Сүлейменов О.О.

Жауапты редактор: Крупко И.В.

Мүшелері: Толмачев В.Г.,

Қапалбеков Н.К., Ауэзов Е.К.,

Нурпеисов М.М., Сыдықов А.Ж.,

Әшімова С.Ә., Өмірәлиева С.К.,

Крупко И.В.

Редакциялық кеңес пен Мәдениеттерді жақындастыру орталығының пікірімен сәйкес келмейтін осы басылымда ұсынылған фактілер мен пікірлерге авторлар жауапты. Осы жарияланымда пайдаланылған белгілеулер мен жіктемелер, Редакциялық кеңестің немесе Мәдениеттерді жақындасу орталығының аумағының құқықтық немесе өзге де мәртебесі туралы немесе кез-келген шектерді мақұлдау және тану туралы пікірін білдірмейді. Сонымен қатар теру, беттеу және түзетулер кезінде кеткен қатерге Редакциялық кеңес жауапты емес.

Баспа: ИП «WEST»

Дизайнер: Айгүл Ким

Таралымы: 100

Пішімі 70×100¹/₁₆. Офсеттік басу.

16,5 шартты баспа табақ.

© РМҚК Мәдениеттерді жақындастыру орталығы, 2020
© Авторлар, 2020

«Бильгамеш» (Международный альманах культурологических и социальных исследований). Выпуск №3. Археология слова: языки, письменные памятники и история. – Алматы, 2020.

Альманах серии «Библиотека Центра сближения культур» издается Международным Центром сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, создание которого утверждено 39-ой сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2017 г.

Редакционный совет:

Председатель: Сулейменов О.О.

Отв. редактор: Крупко И.В.

Члены: Толмачев В.Г.,

Қапалбеков Н.К., Ауэзов Е.К.,

Нурпеисов М.М., Сыдықов А.Ж.,

Ашимова С.А., Омирәлиева С.К.,

Крупко И.В.

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов и мнений, содержащихся в настоящем издании, которые могут не совпадать с мнением Редакционного совета и Центра сближения культур. Обозначения и классификации, используемые в данной публикации, не обязательно отражают мнение Редакционного совета или Центра сближения культур относительно правового или иного статуса какой-либо территории или относительно любого одобрения и признания каких-либо границ. Редакционный совет также не несет ответственности за ошибки, допущенные при наборе, верстке и корректуре.

Типография: ИП «WEST»

Дизайнер: Айгүл Ким

Тираж: 100

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.

16,5 усл. печ. листов.

© РГКП «Государственный музей «Центр сближения культур», 2020
© Авторы, 2020

HALYQARALYQ
MÄDENIETTERDI
JAQYNDASTYRY
ORTALYGY
INTERNATIONAL
CENTRE FOR THE
RAPPROCHEMENT
OF CULTURES

Library of the Centre
for the Rapprochement of Cultures

BILGAMESH

SUMMARY

МАЗМҰНЫ * СОДЕРЖАНИЕ

The etymology of knowledges

Білім этимологиясы

Этимология знаний

Olzhas Suleimenov

Which came first – five or six? (Beginning of Archaeology of Numbers) 6

Erden Kazhybek

Principles of reconstruction of Pra- and Proto-Linguistic systems: Benefits of an integrated approach 9

Aleksandr Garkavets

A Turkic reading of the inscription on the silver bowl of a “golden man” from Issyk..... 20

Jesus Gill Fuensanta

Beginnings of writing in the north Euphrates. The case of the middle turkish Euphrates 31

Zhanar Abitzhanova

Metaphors in the language of ancient Turkish monuments semantical characteristics 38

Amangeldy Narymbaeva-Ualieva

To the question of the proto-turkic origin of the languages of the world 45

Syrym Sablin

Petroglyphs of Kazakhstan in personal funds Central state archive scientific and technical documentation 56

Margarita Dubrovina

The contacts of the ancient Turks writing with other original writing systems of the Ancient East..... 64

Aesthetics of meaning: creativity in the rapprochement of cultures

Эстетика смысла: творчество в сближении культур

Мәнді эстетика: мәдениеттерді жақындастырудағы шығармашылық

Enkar Kakilbaeva

Hypertext strategies for the analysis of the Olzhas Suleimenov poetry... 71

Igor Krupko

Abai: poetics of individuality 79

Svetlana Ananyeva

Abai Kunanbayev in the modern world literary process 88

Library of the Centre for the Rapprochement of Cultures

Mykola Vas'kiv

Literature as endless speech-communication in theory and creative practice by Vyacheslav Medvid 97

Code of peace: memory and modernity

Әлемдік код: саясат және заманауи

Код мира: память и современность

Fatima Muminova

Culture of Uzbekistan and Central Asia in the context of their interactions..... 111

Rahmon Farmonov

Some aspects of political, cultural and state activities of Alisher Navoi 121

Aleksandr Kadyrbayev

«Aktaban shubyryndy» – «years of the great disaster».
(to the history of kazakh-jungar relations) 129

Challenges of global consciousness

Вызовы планетарного сознания

Әлемдік сананы ояту

Mikhail Akulov

Paradoxes and daily life of eternal archaic modernity 150

HALYOARALYO
MADENIETTERDI
JAQYNDASTYRY
ORTALYGY
INTERNATIONAL
CENTRE FOR THE
RAPPROCHEMENT
OF CULTURES

2013-2022
INTERNATIONAL DECADE
for the RAPPROCHEMENT OF CULTURES
DÉCADE INTERNATIONALE
du RAPPROCHEMENT DES CULTURES

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ
МИНИСТРЛІГІ

Almaty
Office
Education, Youth and
Culture Department

AUEZOV
INSTITUTE

А. АУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
«ҚАЗАҚ 175 ЖЫЛ»
МЕРКЕЗІ

**«THE ARCHAEOLOGY OF WORD: LANGUAGES,
WRITTEN MONUMENTS AND HISTORY»**

September 10, 2020

Almaty

**PROCEEDINGS OF THE I INTERNATIONAL ALMATY CONFERENCE
FOR THE CULTURE OF KNOWLEDGE DEDICATED
TO THE-175TH ANNIVERSARY OF ABAI (ABSTRACTS)**

Олжас Омарович Сулейменов
Директор Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО

Olzhas Suleimenov
Director of the International Centre for the Rapprochement of Cultures

ЧТО РАНЬШЕ – ПЯТЕРКА ИЛИ ШЕСТЕРКА? (НАЧАЛО АРХЕОЛОГИИ ЦИФР)

WHICH CAME FIRST – FIVE OR SIX? (BEGINNING OF ARCHAEOLOGY OF NUMBERS)

Я давно убедился, что если удастся объяснить какую-то сложность студенту, то и до академиков может дойти. Поэтому теперь стараюсь говорить короче и просто.

Цифры – последние первоиероглифы, сохранившиеся в нашей письменной культуре. Происхождение цифр легче установить, чем этимологии слов, и поэтому результаты археологии цифр могут очень помочь понять истоки первых письменностей, а, может быть, и самой первой.

Что отличает и что роднит цифровые ряды первых десятков, дошедших до нас из древних культур?

Лат. I II III IV V VI VII VIII IX X (Известны с VI в. до н.э.)

Кит. 一 二 三 四 五 六 七 八 九 十 (Со II тысячелетия до н.э.)

Араб. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 (С VII в., но возникли, видимо, раньше) (В средние века две последние цифры выглядели иначе: ٩ – девятка, ٠ – десятка)

Для сравнения привожу здесь с самый древний цифровой ряд.

Шумерский I II III IIII И т.д. до десятки ➤ (IV тыс. до н.э.)

Потом выясним, что приведенные выше цифровые ряды сохранили более ранние цифры, чем шумерские.

«Римские» (проще – протолатинские) содержат в своем ряду самую первую цифру раннего письма – V (U), производные, полученные от неё – IV VI VII VIII и даже X (*X).

Эти цифры сочинены не латинянами. У кого-то заимствованы.

Две самых ранних I и V получили названия (в алфавитное время?) I – i, V (U) – u, использовались как буквы и как цифры «единица», «пятерка», но их названия не стали в латинском числительными со значениями «один», «пять». Это говорит о заимствовании названий письменных знаков уже или еще не понимаемых как цифры.

Повторяю, «римская» пятерка древнее шумерской цифры, правда, изменившей положение в письменном поле на 90° и значением, успевшее измениться: ➤ «десятка» (шум.). Но название знака сохранилось, стало шумерским числительным: u – «десять» (шум.).

И форма первой единицы шумерской изменилась: была точкой (●), стала вертикальной чертой (I).

О шумерских цифрах поговорим потом, а пока – о более близких по времени.

Ни в одной книге об истории письма происхождение арабских или китайских цифр не рассматривалось. Мы попробуем коснуться темы в этой новелле. Сначала о самом понятном даже школьнику.

Три первые «римские» цифры – натуралистические, как и три первых китайских. О чём они нам расскажут? «Римские» – вертикальны, чтобы побольше таких цифр вмещались в горизонтальную строку. Китайские – горизонтальны, потому что таких больше вмещалось в вертикальную строку, которой пользовались китайцы.

«Римляне» писали горизонтальной строкой слева направо. Поэтому черта-единица, продолжающая цифру вправо – увеличение на единицу: I II III. Китайцы писали вертикальной строкой снизу вверх. Поэтому черта, продолжающая цифру вверх, – увеличение на единицу. Например, *四 – «четверка», *五 – «пятерка», ныне – 五. (Поэтому рассматриваем праформу.)

Черта, уходящая от «римской» влево (т.е. против направления строки) – уменьшение на единицу: IV, (так же IX), а вправо – увеличение значения на единицу: VI, VII, VIII.

В китайской вертикальной строке тоже действовал позиционный принцип, но еще более сложный. Черта, добавленная сверху, – увели-

чение на единицу; черта, уходящая вниз справа от цифры, – уменьшение на единицу: **+** – «десять», **+** – «девять». А уходящая вверх от левой части цифры – увеличение: ***U** – «пятерка», ***U** – «шестерка», **+** – «семерка».

Теперь два слова о китайско-арабских цифровых связях.

Древние семиты в III тысячелетии до н.э. появились в Двуречье. Они пришли морем с юга Аравийского полуострова, прошли Персидский залив, в который впадали Тигр и Евфрат, поднялись по рекам до Ура, Урука, Аккада (*Акканда), захватили полиэтнический Шумер, вызвав исход многих этносов. Но исход, видимо, происходил в течение долгого времени (век, другой), и народы ещё успели культурно пообщаться и между собой, и с семитами. Возможно, в то время и произошли первые встречи протоарабских грамматистов с китайскими цифрами.

Китайцы, создав первые цифры **— = ≡**, вероятно, и четверку пытались сделать подобной, но орфография подсказала новое более практическое решение – некоторые единицы расположить и вертикально. Так был создан квадрат-четверка. А далее и ***+** – «пятерка» (4+1). В практике письма верхнюю черту-единицу пришлось присоединить к квадрату более прочно – т.е. перемычкой: **+** – «пятерка» эта, слегка видоизменяясь, дошла до наших дней. Китайцы понимали, что «перемычка» выполняет только функциональную роль. Этого не понял протоарабский знакотворец, познакомившись с китайской цифрой. Он увидел в «перемычке» черту-единицу, и потому переписал цифру, соответствующе удлинив соединительную черточку **+**. Подсчитав все детали сложного знака (4+1+1), выяснил «настоящее» значение китайской цифры. Из новой шестерки формирует еще одну цифру: убирается «лишняя» сторона квадрата и рождается пятерка **+**.

Даже этого примера вполне достаточно, чтобы очень серьезно подойти к теме – происхождение всех приведенных здесь цифр, которые являются плодами культурного взаимодействия народов Древней Передней Азии III тысячелетия до н.э. В том числе протоарабов с протокитайцами, о чем сообщает история двух арабских цифр – 6 и 5.

На этом я хочу сделать паузу. Послушаем отзывы китайских, арабских, да, и других ученых, кого заинтересует затронутая тема.

Ерден Задаевич Кажыбек
*Заведующий Отделом тюркологии и
алтаистики Института языкознания
им.А.Байтурсынова КН МОН РК*

Erden Kazhybek
*Head of the Department of Turkic and
Altaic Studies A. Baitursynov Institute
of Linguistics*

ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРА- И ПРОТОЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ: ПРЕИМУЩЕСТВА КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

PRINCIPLES OF RECONSTRUCTION OF PRA- AND PROTO-LINGUISTIC SYSTEMS: BENEFITS OF AN INTEGRATED APPROACH

I. Теоретическая часть.

В компаративистике принято язык-предок (~ языки предки) живых или мертвых языков (~ языковых семей) обозначать термином с приставкой пра-. В свою очередь, праязыки восходят к *proto*-предкам. Каждый пра- и (~ или) протоуровень, соответственно, подразделяется, минимально, на ранний, средний и поздний этапы развития пра- и протоязуров всех элементов языковой системы.

Для каждого конкретного среза реконструируются соответствующие фонетические, семантические, лексические, морфологические и синтаксические правила и наиболее характерные маркеры-сигнализаторы.

Верхним обозримым пределом для истории собственно тюркских, а также других уральских и алтайских языков, является прото-урало-алтайская общность, точнее, – ее ранне-прото-урало-алтайское состояние, за пределами которого уже должны фиксироваться дотюркские, доалтайские и доуральские языковые формы, «отпочковывающиеся» от предыдущих стадий.

Поздне-прото-урало-алтайское состояние (через промежуточный переход) трансформируется в ранне-пра-урало-алтайское качество и завершает пра-урало-алтайский цикл на его самой поздней стадии. Далее генерируются аналогично троичные черты протоалтайской общности, которые на последующем праалтайском уровне уже имеют выраженные языки-предки для последующих прототюркских, прото-монгольских, прото-тунгусо-маньчжурских, протокорейских и прото-японских языковых семей [см. Рис. 1].

Для полноты протоуралоалтайской реконструкции¹ важны данные японских² и корейских³ реконструкций, индейско-тюркские параллели⁴. При анализе древних текстов, например, шумерских, важно строго соблюдать грамматические, синтаксические и лексико-семантические особенности языка⁵. В «Большом шумерском словаре» турецкого ученого Нафиза Айдына только (выделенных самостоятельно) морфем

---

¹ На фоне собственно компаративистических работ типа – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996; *Мудрак О.А.* Опыт реконструкции фонологической системы берингоморских и американских эскимосов. Палеоазиатские языки. Ленинград, 1988; *Idem.* Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. Языки русской культуры, М., 2000; *Хелимский Е.А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982; *Ponne Н.Н.* Система глухих смычных в алтайских языках. – Доклады Российской Академии наук. Ленинград, 1925, с. 11-13; *Musaev К.М.* Turco-Finno-Ugric language contacts. – *Aspects of Altaic Civilization III.* Ed. by D.Sinor. Bloomington, 1990, p.154-166; *Кудайбергенев С.* О связях алтайских языков. – В кн.: Тюркологические исследования. Фрунзе, 1983, с. 20-36 и мн. др. заметно отличается комплексом глубинных и многочисленных примеров из разных лексико-семантических групп казахского и монгольского (и что особенно ценно – старомонгольского) языков, которые представляют собой богатую почву для сравнения результатов внутренней реконструкции по каждому конкретному языку – цикл исследований Б.Базылхана (Б.Базылхана), ср.: *Базылхан Б.* Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков. Доклад ... работ, представленных на соиск. ученой степени кандидата филол. наук. А., 1974; *Базылхан Б.* Монгол қазақтарының тілі және оның кейбір алтай тілдеріне қатысы. Баспадан шыққан еңб. негізінде ... филол. ғыл. докторы атағын алу үшін ... баяндама. А., 1993

² *Сыромятников Н.А.* Древнеяпонский язык. М., 1972, с. 17-25; *Syromiatnikov N.A.* The ancient Japanese language. М., 1981, p. 20-23

³ *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. – В кн.: *Idem.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968, 156-164; *Ramstedt G.J.* Studies in Korean etymology. I-II. Helsinki, 1949-1953; *Idem.* Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, II. Formenlehre. Helsinki, 1952; см. также великолепное продолжение трудов учителя силами его талантливого последователя проф. Ко Сонгму: *Kho S.* Paralipomena of Korean etymologies by G.J.Ramstedt and Songmoo Kho. Helsinki, 1982

⁴ *Каримуллин А.* Прототюрки и индейцы Америки. М., 1995; *Ахметов Ә.* Ғасыр ғибраты. Астана, 2018; *Türkkan R.O.* Kızılderililer ve Türkler. Istanbul, 1999 и др.

⁵ *Aydın N.* Büyük sümerce sözlük. Ankara, 2013, 18-26

Рисунок 1

a, *-a* и *a-*, в том числе корневых, насчитывается 17, морфем *saġ* – более 100, в том числе корневых – более 20¹. Ср. результаты многолетнего труда татарского профессора Марселя Бакирова².

Скрупулезно восстанавливая прото- и пратюркские общности, важно акцентировать внимание не на одностороннем наращивании словарных массивов и лексических сопоставлений, а – на установлении типологических (по большей части, гетерогенных) и типичных (в подавляющем большинстве – исконных) структурных и системных закономерностей фонетического, морфологического, синтаксического и семантического блоков. Необходимо попытаться, хотя бы отчасти, дифференцированно хронологизировать закономерно чередующиеся звуки прото- и пратюркских языков. Так, в этом плане, на фоне популярных суждений о древности **d* или **z* в линейке звукоряда *d ~ θ ~ ð ~ z ~ r // y* и т.д., заслуживает внимания вывод Э.Р.Тенишева об архаичности и зачастую – пратюркской первичности **y* (йот)³. Старо- и древнеогузские чередования гласных и согласных звуков систематизированы азербайджанскими учеными⁴, турецким проф. Тунжером Гуленсом⁵ и др.

¹ *Ibid.*, 580-589 s.

² Бакиров М. Прототюрки: изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура. Казань, 2018

³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984, с. 296

⁴ Прежде всего, это труды В. Асланова – см.: Aslanov V. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər. I-III. Bakı, 2002-2012; Асланов В., Гукасян В. Исследования по истории азербайджанского языка дописьменного периода. Баку, 1986

⁵ Gülensoy T. Doğu Anadolu Osmanlıcası: Etimolojik sözlük denemesi. Ankara, 1986 и, особенно, его труд Köken Bilgisi Sözlüğü. I-II. Ankara, 2011

Аналогичный подход применим для прото- и праалтайских параллелей. Так, в свое время, двоичность гуттуральных *k- и *g- для пралтайского так же, как и традиционная реконструкция для пратюркского одинарного *k-, по правомерному мнению В.М.Иллича-Свитыча, не учитывают прототунгусо-маньчжурские и прототюркские данные, в частности праогузские и пратувинско-карагасские факты¹, которые позволяют для древнейших этапов восстанавливать не только одинарные или двоичные, а также – троичные ряды сопоставлений².

В этом плане нельзя не вспомнить и не упомянуть отдельно великолепную монографическую работу А.М.Мамедова, посвященную всестороннему анализу (одного! – *Е.К.*) первого звука тюркского моносиллаба, причем, что также необходимо выделить особо, выполненную на прото- и даже отчасти до-тюркском уровне с выверенными параллелями из древнейших зафиксированных языков, включая шумерский, и данные собственных реконструкций³.

Повторим важнейший тезис компаративистического исследования: важно систематизировать «рефлексии протофоном», «регулярные фонетические соответствия»⁴, не замыкаясь на отдельных соотношениях словоформ.

II. Практическая часть.

Последние десятилетия ознаменованы целой серией археологических сенсационных открытий, которые существенно изменили отношение ученых к возможностям учета данных материальной культуры при анализе палеоархаики. В итоге мнение о том, что археологические артефакты, в силу временной протяженности и естественного «износа», не могут служить надежными источниками для восстановления цельных фрагментов доисторических эпох – оказалось неверным. Не пытаясь быть исчерпывающими в вопросах, в которых мы не являемся (профильными) специалистами, отметим несколько самых заметных событий, имеющих непосредственное отношение к прототюркской (хронологически) реальности.

Начнем с *аркаимского феномена* – обнаружения наидревнейшего комплекса рубежа III – первой трети II тыс. до н.э. – одновременно

---

¹ *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские гуттуральные: *k' , *k, *g. – В кн.: *Этимология* 1964. М., 1965, с. 338-339

² *Ibid.*, с. 343

³ *Мамедов А.М.* Тюркские согласные: Анлаут и комбинаторика – сравнительно-исторические и историко-типологические проблемы фонологических и морфонологических изменений согласных в тюркских языках. Баку, 1985

⁴ *Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. – В кн.: *Этимология* 1965. М., Наука, 1967, стр. 321-373

протогорода¹ и протокрепости, протометаллургической фабрики (протосети мастерских), протодоместикационного (лошадь, овца, собака) и ирригационного (плотины, запруды, система орошения и полива) центра, протоастрономической обсерватории, протокультурного центра и т.д и т.п.

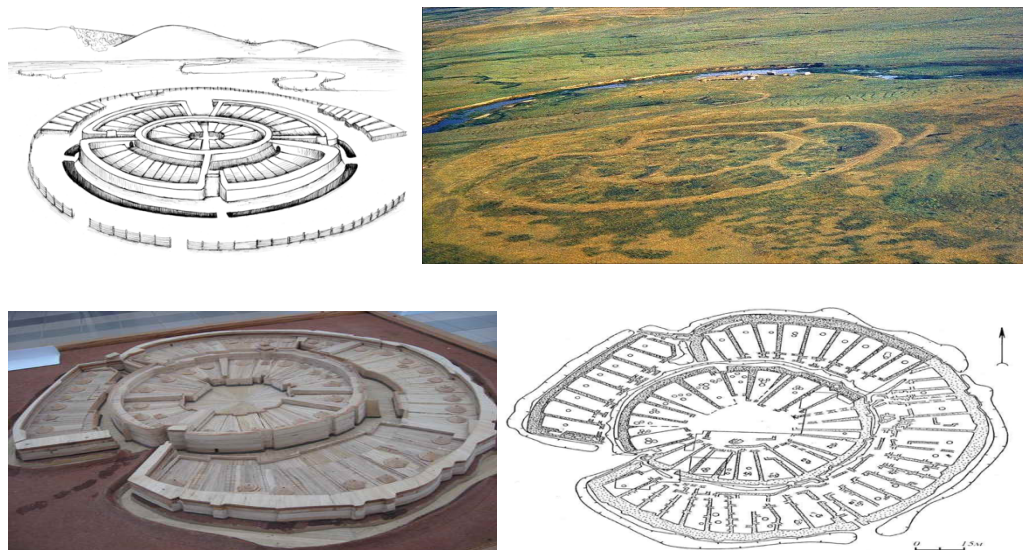

Рисунок 2

Как мы знаем, вначале был обнаружен у подножия горы Аркаим Челябинской области первый сенсационный объект, сразу же послуживший основанием для создания многофункционального музея-заповедника. А затем были обнаружены – еще 21 аналогичный объект в прилегающей к Казахстану российской части и 30 «аркаимских» объектов уже собственно в Актюбинской, Костанайской и Карагандинской областях нашей республики. Таким образом, была обнаружена целая «страна протогородов» – древнейшая база протокультуры угорских, индоевропейских и тюркских народов Евразии [см. Рис 2]².

Второй комплекс открытий – назовем условно «цивилизация золотых людей». После открытия первого «золотого человека» близ города Иссика

¹ Зданович Г.Б. У истоков цивилизации. Челябинск, 2009, с.15

² Более подробно – см.: Зданович Г.Б. Аркаим – страна городов: Пространство и образы. Челябинск, 2007

Рисунок 3

в окрестностях Алматы только в Казахстане было обнаружено уже более десяти (! – Е.К.) аналогичных захоронений: и в центральном Казахстане, и в западном, и на востоке и на юге... [см. Рис 3]. Особенно показательным в этом плане был Берель [см. Рис 4], где в результате создания естественной системы охлаждения (высоко в горах) была обнаружена «свежая» человеческая (и не только – также погребенных вместе животных) кровь. «Генетическая карта выявляет важные исторические факты»¹ и анализы, ДНК, оперативно проведенные зарубежными и отечественными антропологами, расставили все точки над і – автохтонность древних насельников и их «принадлежность» (родство) коренному этносу и, в целом, тюркским народам была подтверждена лабораторно².

Примечательно, что надпись на чаше первого «золотого человека», многочисленные прочтения которой долгое время не могли выйти за пределы гипотез, была, наконец, недавно достоверно расшифрована по-тюркски (древне- или поздне-пратюркски) главным научным сотрудником отдела тюркологии и алтаистики Института языкознания им. А.Байтурсынова известным медиевистом, проф. А.Н.Гаркавцом³.

¹ Резерфорд А. Краткая история всех, кто когда-либо жил: история человечества, рассказанная через наши гены. М., 2019, с. 153

² Более подробно о проблеме – см.: Исмагулов О., Исмагулова А. Происхождение казахского народа. По данным физической антропологии. Алматы, 2017 и др.

³ Гаркавец А.Н. Иссыкская надпись: новый вариант прочтения. – В кн.: Эпиграфика Востока. – Москва: РАН, Ин-т востоковедения, 2018. Вып. 33. Стр. 25-38.

Берел

Рисунок 4

Следует выделить ряд открытий карагандинских археологов под началом И.А.Кукушкина, А.З.Бейсенова, например, сарыаркинскую пирамиду [см. Рис 5] несколько тысячелетней давности и, вообще, похвальную приверженность карагандинской школы компаративистической тематике ¹.

¹ Ср., например, некоторые работы только одного представителя этой школы – В.А.Новоженова: *Новоженов В.А. Наскальные летописи Сарыарки. Карағанды, 2017; Idem. Колесный транспорт эпохи бронзы урало-казахстанских степей. – Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989, с.110-122; Idem. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994; Idem. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации. – Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012, с.183-187; Idem. Заметки по этнокультурной истории племён эпохи бронзы Центральной Азии. – Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. Алматы, 2012, с. 44-67; Idem. Индоевропейские коммуникации в свете распространения древнейшего колёсного транспорта: модель кочевой прародины. – Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам в эпоху бронзы и РЖВ. Алматы., 2013, с. 19 – 71; Idem. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины III тыс. до н. э. – Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай – Алматы, 2015, с. 314–331; Idem. Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних кочевников. – «Stratum plus», № 3, 2015, с. 57-88; Idem. Археологические маркёры идентичности. – Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015, с. 40-45; Idem. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев). – Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социо-культурных процессов в степной Евразии. Алматы, 2015, с. 171-193 и др.*

Рисунок 5

Итог. Как бы то ни было, современным ученым придется сопоставлять и объяснять данные гео-археологических реконструкций, например, известного «медного пути», мифологические реконструкции¹, результаты генетических исследований для того, чтобы попытаться привести их в соответствие с показателями собственно лингвистических восстановлений.

Примечательна в этой связи реплика В.А.Шнирельмана, с которой трудно не согласиться: «Казалось бы, речь идет о «присвоении чужого наследия», и именно так это трактуют армяне и таджики... Но вопрос

---

¹ Ср.: *Ögel V. Türk mitolojisi. I-II. Ankara, 2014; Толстова А.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984; Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции. Автореф. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1990; Қондыбай С. Арғықазақ мифологиясы. I-IV. А., 2004; Idem. Маңғыстау-нама. А., 2006; Idem. Казахская мифология. А., 2005; Idem. Байырғы қазақ дүниетанымының негіздері. А., 2018 и др.*

о лингвистической мозаике в степной зоне в эпоху бронзы и в раннем железном веке остается открытым. Если с большой долей вероятности можно говорить о наличии там языков индоиранской группы, то у нас нет оснований полностью исключать отсюда тюркские языки. Если их следов там до сих пор не найдено, это не означает, что они не будут найдены в дальнейшем. В любом случае остаются безусловными сходства в культуре и образе жизни, а также факт массовой тюркизации степного населения в раннем средневековье. Поэтому у нынешних тюрков имеются определенные основания претендовать на наследие степняков бронзового века»¹.

Позволим себе еще одну цитату ученого, которому мир признателен открытием удивительной «страны прото-городов» – Аркаима: «Древние люди строили свою цивилизацию... И кто знает, не были ли их примитивные, как мы считаем сегодня, способы «вписывания» в мир более эффективными, чем сегодняшние головокружительные компьютерные технологии. Дело не в возврате, но в пересмотре нашей картины мира»².

Только сопряжение результатов языковой, антропологической, археологической, этнографической, культурологической, искусствоведческой, фольклорной, паремиологической, мифологической и палеографической реконструкций древнейшей архаики позволит ученым приблизиться к пониманию и более или менее достоверному восприятию главных этапов древнейшей истории человеческого глоттокультурно-этногенеза, основные пути которого, как линии на ладони одного и того же человека, скорее сходятся друг с другом воедино в связанной судьбе, чем разделяют и разводят нас на диаметрально противоположные участки обособленного развития.

Литература

1. Aydın N. Büyük sümerce sözlük. Ankara, 2013
2. Aslanov V. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər. I-III. Bakı, 2002-2012
3. Асланов В., Гукасян В. Исследования по истории азербайджанского языка дописьменного периода. Баку, 1986
4. Ахметов Ә. Ғасыр ғибраты. Астана, 2018
5. Базилхан Б. Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков. Доклад работ, представленных на соиск. ученой степени кандидата филол. наук. А., 1974
6. Базылхан Б. Монғол қазақтарының тілі және оның кейбір алтай тілдеріне қатысы. Баспадан шыққан еңб. негізінде ... филол. ғыл. докторы атағын алу үшін ... баяндама. А., 1993

---

¹ Шницрельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима. – «Сибирские исторические исследования», № 2, 2015, с.58

² Зданович Г.Б. У истоков цивилизации. Челябинск, 2009, с. 109

8. Бакиров М. Прототюрки: изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура. Казань, 2018
9. Гаркавец А.Н. Исыкская надпись: новый вариант прочтения. В кн.: Эпиграфика Востока. – Москва: РАН, Ин-т востоковедения, 2018. Вып. 33. Стр. 25-38.
10. Gülensoy T. Doğu Anadolu Osmanlıcası: Etimolojik sözlük denemesi. Ankara, 1986
11. Idem. Köken Bilgisi Sözlüğü. I-II. Ankara, 2011
12. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996
13. Idem. Дентальные взрывные в пратюркском. – Аспекты компаративистики. Вып.1. М., 2005, с. 49-82
14. Зданович Г.Б. У истоков цивилизации. Челябинск, 2009
15. Idem. Аркаим – страна городов: Пространство и образы. Челябинск, 2007
16. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные: *k', *k, *g. – В кн.: Этимология 1964. М., 1965, с. 338-339
17. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. – В кн.: В кн.: Этимология 1965. М., Наука, 1967, стр. 321-373
18. Исмагулов О., Исмагулова А. Происхождение казахского народа. По данным физической антропологии. Алматы, 2017
19. Каримуллин А. Прототюрки и индейцы Америки. М., 1995
20. Kho S. Paralipomena of Korean etymologies by G.J.Ramstedt and Songmooh Kho. Helsinki, 1982
21. Кудайбергенов С. О связях алтайских языков. – В кн.: Тюркологические исследования. Фрунзе, 1983, с. 20-36
22. Қондыбай С. Арғықазақ мифологиясы. I-IV. А., 2004
23. Idem. Маңғыстау-нама. А., 2006
24. Idem. Казахская мифология. А., 2005
25. Idem. Байырғы қазақ дүниетанымының негіздері. А., 2018
26. Мамедов А.М. Тюркские согласные: Анлаут и комбинаторика – сравнительно-исторические и историко-типологические проблемы фонологических и морфологических изменений согласных в тюркских языках. Баку, 1985
27. Мудрак О.А. Опыт реконструкции фонологической системы берингоморских и американских эскимосов. Палеоазиатские языки. Ленинград, 1988
28. Idem. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. Языки русской культуры, М., 2000
29. Musaev K.M. Turco-Finno-Ugric language contacts. – Aspects of Altaic Civilization III. Ed. by D.Sinor. Bloomington, 1990, p.154-166
30. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции. Автореф. канд. ист. наук. Ижевск, 1990
31. Новоженев В.А. Наскальные летописи Сарыарки. Қарағанды, 2017
32. Idem. Колесный транспорт эпохи бронзы урало-казахстанских степей. – Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989, с.110-122
33. Idem. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994
34. Idem. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации. – Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012, с.183-187
35. Idem. Заметки по этнокультурной истории племён эпохи бронзы Центральной Азии. – Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. Алматы, 2012, с. 44-67

36. Idem. Индоевропейские коммуникации в свете распространения древнейшего колёсного транспорта: модель кочевой прародины. – Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам в эпоху бронзы и РЖВ. Алматы, 2013, с. 19 – 71
37. Idem. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины III тыс. до н. э. – Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай – Алматы, 2015, с. 314–331
38. Idem. Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних номадов. – «Stratum plus», № 3, 2015, с. 57-88
39. Idem. Археологические маркёры идентичности. – Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015, с. 40-45
40. Idem. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев). – Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоцио-культурных процессов в степной Евразии. Алматы, 2015, с. 171-193
41. Ögel B. Türk mitolojisi. I-II. Ankara, 2014
42. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. – В кн.: Idem. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, 156-164
43. Поппе Н.Н. Система глухих смычных в алтайских языках. – Доклады Российской Академии наук. Ленинград, 1925, с. 11-13
44. Ramstedt G.J. Studies in Korean etymology. I-II. Helsinki, 1949-1953
45. Idem. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, II. Formenlehre. Helsinki, 1952
46. Резерфорд А. Краткая история всех, кто когда-либо жил: история человечества, рассказанная через наши гены. М., 2019
47. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984
48. Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. М., 1972, с. 17-25
49. Syromiatnikov N.A. The ancient Japanese language. М., 1981, p. 20-23
50. Толстова А.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984
51. Türkkan R.O. Kızılderililer ve Türkler. Istanbul, 1999
52. Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982
53. Шнирельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима. – «Сибирские исторические исследования», № 2, 2015

Александр Николаевич Гаркавец

*Главный научный сотрудник
Отдела тюркологии и алтаистики
Института языкознания
имени А.Байтурсынова КН МОН РК*

Alexander Garkavets

*Chief researcher
Department of Turkic and Altaic studies
A. Baitursynov Institute of linguistics*

**ТЮРКСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ НАДПИСИ НА СЕРЕБРЯНОЙ
ЧАШЕ ИССЫКСКОГО “ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА”**

**A TURKIC READING OF THE INSCRIPTION
ON THE SILVER BOWL OF A “GOLDEN MAN” FROM ISSYK**

Аннотация. Новое чтение рунической надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана основано на тщательном анализе письменных, графических и случайных штрихов. Порядок письма – справа налево. Сначала написана строка у края чаши, затем – посередине, обе – в направлении к месту крепления отвалившейся ручки. Текст занимает место, не поврежденное коррозией. Письмо в основном тождественно древнетюркскому. По содержанию это поминальная фраза, запись сделана на чаше покойного при захоронении: **Qiz-er, ičiŋ, oqu-sünjügü čezib, / köčü aŋsağ** “Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья, / будем поминать кочёвку”. Вариант: **Qiz, egir, ičiŋ, oqu-sünjügü čezib, / köčü aŋsağ** “Дева, выпей аир, когда мы, отторочив стрелы и копья, / будем поминать кочёвку”.

Ключевые слова: Иссык, курган, саки, руническое письмо, тюркский язык.

Первым попытался понять руническую надпись на малой серебряной чаше из Иссыкского кургана V-IV веков до н. э. [1] Олжас Сулейменов, воспользовавшись только что вышедшим «Древнетюркским словарем». 31 октября 1970 года он опубликовал свое чтение в «Комсомольской правде» и местных газетах: “Сын хана в двадцать три (года) умер, имя и слава (народа) обратились в прах / иссякли”. Попытка О. Сулейменова читать надпись по-тюркски не нашла поддержки в силу устоявшегося мнения, что орхоно-енисейское письмо возникло не рань-

ше V-VI веков н. э., и еще потому, что по содержанию это не может быть эпитафия. В. А. Лившиц и С. Г. Кляшторный предположили, что надпись содержит ираноязычный или семитский текст, но прочесть не смогли.

Венгерский лингвист Янош Гарматта в 1999 году прочел ее по-ирански – на хотано-сакском диалекте:

za/m/-ri ko-la/m/ mi/m/-vam-vam-va pa-zam pa-na de-ka mi/m/-ri-to

na-ka mi pa-zam vam-va va-za/m/-na vam

“Чаша должна содержать виноградное вино, добавлена приготовленная пища, [пусть да] приумножится для смертного. / Затем туда добавлено приготовленное свежее масло” [2, С. 411-412].

Свои иранские чтения предложили Селахи Дикер и Эдуард Хуршудян, а Ф. Хамори прочел по-венгерски [3].

Сергей Рябчиков – на славянском:

p(i)-u-r-u v(e) n-r v(e) l-e-sh / s-e v(e)-e-r A-n-i p(e)-u-t n-b-e-u

“Сказочная лошадь, в, в ярости, стремление / Огонь, небесная тропа; поворачиваться, это пожар / верх; небо”.

Игорь Сергеевич Кузнецов прочел эту эпитафию с помощью “влевовицы» и перевел так: “И бых ище Арсатану Пещуру, хто весь зря узащан, т. е. и был еще Арсатан Пращур, кто весь зорко защищал”.

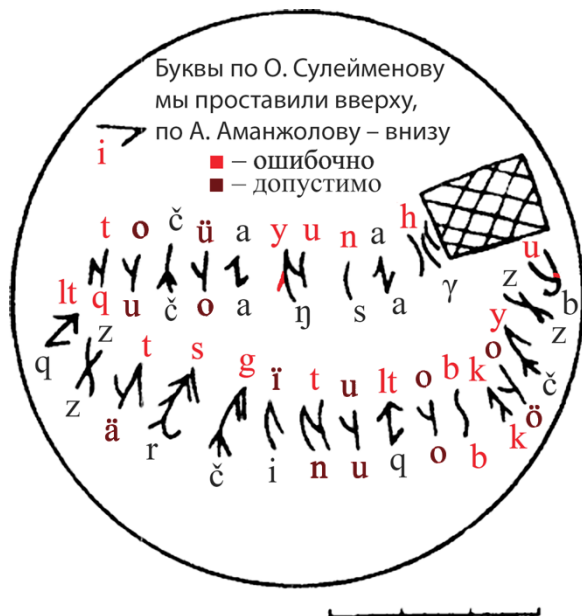
Его подход поддержал Валерий Алексеевич Чудинов, а Галина Григорьевна Котова дала свою не менее изощренную интерпретацию:

БОХ ИЩЁ АКСАУХАНУУ ПИЩУ СИУСИ ХУХ / ХаЗЯИН УЖАЩАН

“БОХ ЕЩЁ АКСАХАНУ ЗАБОТУ СЕСЬ ГРОХНУЛ, / ХОЗЯИН УЖАСНУЛСЯ” или “БОХ, ЕЩЁ ПЕЧАТЬ ОБ АКСАХАНЕ, ТАК НЫНЕ / ГРОХНУЛ, ЧТО ХОЗЯИН УЖАСНУЛСЯ”.

Линию тюркских чтений далее повёл наш крупный специалист в области руники Алтай Сарсенович Аманжолов [4]. Как и другие, он продолжил читать надпись справа налево, как было заведено у тюрков, но, увы, тоже вверх ногами, то есть в обратном направлении. При этом все же не ошибся в определении значения около половины букв-перевертышей.

Вот чтение А. С. Аманжолова 1971 и следующих годов:

N Y A Z N (Z) (

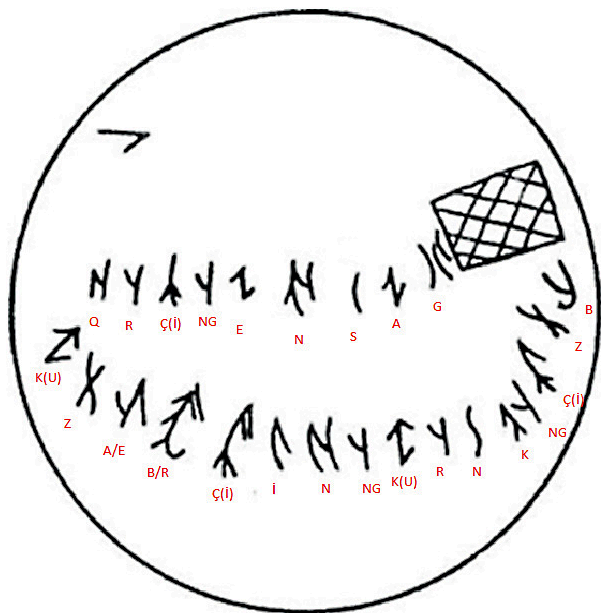
↑   ↑ Y A Z A A ↑ N ↑ Y S A Y A X Y

aya saņa oçuq = Aya, saņa oçuq!

büz çök boqun içr(?)ä uzuq ...i = Bez, cök! Boqun içrä [r?] azuq! ...i

“Старший брат, тебе (этот) очаг. / Чужой, опустишь на колени! (Да будет) у поколения пища”. Вариант: “Старший брат (это) очаг для вас! / Незнакомец, преклонись! Потомство [пусть имеет] еду!”

От предложенного О. О. Сулейменовым ракурса не отклонился и выдающийся турецкий ученый Ахмет Бижан Эрджиласун, возглавлявший Турецкое лингвистическое общество в 1993-2000 годах. Некоторые идентичные символы им толкуются как разные по значению, а разные – как идентичные:

Транскрипция надписи и турецкое толкование А. Б. Эрджиласуна:

Aga, esen, eņ iç arak abız için. Eke anruk eņ iniçre azuk

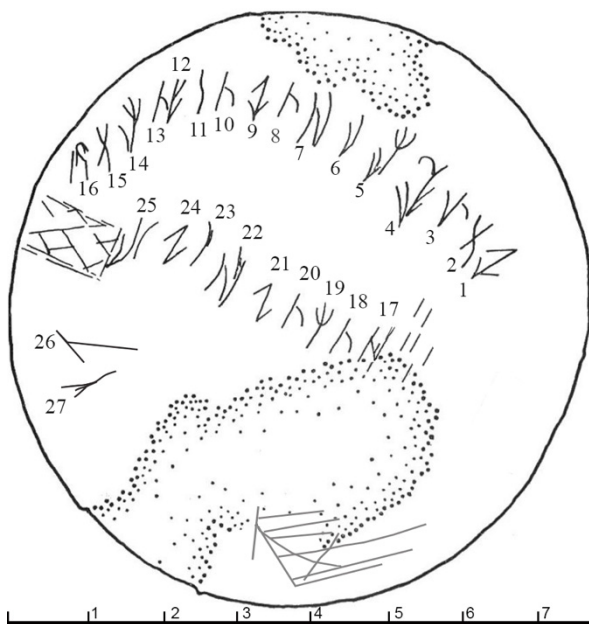
“Yükselerek, esenlikle (afiyetle), en içten (yanan) mumlar ile (eşliğinde) için. Abla hazırlatmış (tır) en küçük kardeşçağıza azık” – “Возносясь, выпей на здоровье при пылающих из самых недр свечах. Старшая сестра велела приготовить съестные припасы самому младшему братику” [5].

В литературе и в интернете имеется огромное множество и других толкований. Однако все они, как и приведенные здесь примеры чтения вверх ногами и наоборот, неубедительны по причине бросающейся в глаза неестественности.

Скруплезное исследование артефакта показало, что надпись наносилась не штихелем, а закруглённым концом лезвия стального ножа и не процарапывалась, а продавливалась, причем правой рукой и от себя, не в один прием и не вполне уверенно. Это видно по характеру бороздок, они извилисты и прерывисты, вытесняемый металл сдвинут преимущественно влево и вперёд. Острые углы и зигзаги букв, типичные для надписей в виде насечек и резьбы, превратились в плавные дуги поворотов ножа. Еще одна важная техническая деталь – неоднократные попытки нанести одни и те же элементы. Надпись производилась на месте захоронения, буквально на колене. Чашечка малюсенькая, а нож большой и работа мелкая. Строку приходится загибать, буквы прыгают, перекашиваются, промежутки становятся меньше, текст уплотняется. Из-за этого элементы символов зачастую дублируются. Да еще помимо воли возникают странные завитушки, словно неопытный гравёр делал это чуть ли не впервые в жизни. Многие из этого хорошо просматриваются на прорисовке Кималя Акишева 1978 года. Прорисовка уточнена нами в отношении не показанных ранее штрихов внизу и слева (один из элементов внизу посередине А. С. Аманжолов принял за букву *i*), и первой буквы нижней строки, начертание которой, как я понимаю, содержит доработку и двойную правку. Правее нее на разном расстоянии друг от друга имеется еще несколько пробных вертикальных прямых коротких штрихов.

Геометрически правильный рисунок слева сверху имеет одно значение. Это – намеренно процарапанное для лучшего сцепления место крепления отпавшей ручки, на что указывают следы окалины. Сама ручка для ношения чаши на поясе могла быть сделана из другого металла в виде перстня с плоской прямоугольной печаткой.

Царапины слева посередине и рисунок внизу образовались случайно в ходе пользования. Все их разной глубины тонкие черточки заметно залощены, одни больше, другие меньше, а значит появились они не одновременно.

Рельеф надписи, напротив, однороден в целом и в частности и в равной мере лишь немного потёрт, вероятно, во время очистки.

Для более-менее адекватного изображения исыкских символов в следующей таблице использованы рунические знаки трех шрифтов:

Символы Исыкской надписи
(Öztürk, Segoe, Proto-Bulgarish)

Буква	Звук	Буква	Звук
↱	a	ʁ	ğ
↲	e	† ↔ = ʁ	k
↴	i	N = ʁ ʁ ʁ	n = η
h	o u ö ü	↓ = ↓	q
S ↷ = J	b	ʁ	r
Υ	č	l	s
Ɔ † = Ɔ	g	ʁ	z

ʁ ʁ ʁ h Ɔ l h ↓ h ʁ ↷ ʁ ↷ ʁ ↷ ↲ ↲ ʁ ↲
 b i z e č ü g s u q o η i č i r e z i q
 [Grid] ʁ ↱ l ʁ ↱ h ʁ h ʁ = ʁ < N
 ğ a s η a ü č ö k

Отбросив технические помарки и учтя перемены в написании символов к эпохе орхоно-енисейских рунических памятников, мы получили две довольно чёткие строки, идущие против часовой стрелки. Первая – ближе к краю чаши, вторая – по центру. Строки мы набрали внешне несколько отличающимися стандартными тюркскими руническими символами шрифта Öztürk, иногда зеркальными по горизонтали или по вертикали либо повернутыми на 180°, но авторские версии правой буквы нижней строки все-таки пришлось перерисовать.

Определившись с направлением письма, к нашему собственному удивлению, мы ясно прочли, как по учебнику, следующий древнетюркский текст, который как бы сам собою перевёлся на украинский и русский языки:

Qiz-er, için, oqu-sü^{ηü}gü čezib, köčü aᅇsağ

То же самое казахской кириллицей:

Қыз-ер, ісін, оқу-сү^{ηү}гү чезіб, көчү аңсағ

“Дівчино-герою, випий, коли ми, відторочивши стріли-списи, поминатимемо кочівлю” – “Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья, будем поминать кочёвку”.

И в переводе на казахский:

Қыз-ер, ішің, оқ-сүңгі шешіп, көшті аңсақ (еске түсірсек).

Перевод на татарский Ильнура Мидхатовича Миргалеева:

Кыз-ир, эчең, ук-сөңге чишеп, күчне аңсақ (аңга китерсек).

По своему строю это ритуальное обращение представляет собой лаконичное стихотворение из трёх ритмических групп в 2, 3 и 2 двух-сложных стопы. Первый слог каждой стопы – короткий, второй – долгий, что-то вроде ямба античной силлабической метрики. В угоду ритму в слове **süñük** ‘копьё, пика’, выступающем в винительном падеже, редуцирована группа $\eta\ddot{u}$: **süñügü**.

Впечатляет изящество грамматики. В этой эмоционально прочувствованной и абсолютно выверенной по содержанию фразе, символизирующей высокую мудрость единства мира живых с миром усопших, каждая частица несёт максимальную смысловую нагрузку. Обращение кратко, без междометий и притяжательных формантов. Призыв к общению через совместное испытание освященного напитка передан не грубо-императивно вроде **iç** ‘пей’, а более интимно, как на коротке обращаются к кому-то одному в кругу присутствующих, выделяя его из многих: **içiñ** ‘выпей вот ты’.

Пауза.

Далее – мир живых. Они отягощены бременем оружия, постоянных войн и мирской суеты. Снова винительный падеж оформлен аффиксом, что придает оттенок определенности: **oqu-süñügü** ‘вот эти стрелы и копья, о которых ты знаешь’. Не абстрактное **oq-süñük** ‘всякие стрелы и копья’, а конкретные тяготы собравшегося народа, который, освободившись от повседневных уз тривиальной жизни, может посвятить какое-то короткое время общению с дорогим человеком, без временно покинувшим этот мир. И далее – ключевое слово **köç** ‘кочёвка’, переход в другую область, а может – и в другой мир. Тоже в оформленном аффиксом винительном падеже. То есть не кочёвка вообще, а та конкретная перекочёвка, когда любимый человек покинул мир живых и перекочевал со своим скарбом в инобытие. Завершается поминальный стих утраченным многими современными тюркскими языками глаголом **añ-** ‘вспоминать, напоминать, поминать’ в условной форме первого лица множественного числа, объединяющей мир живых в едином порыве вселенской скорби по усопшим.

Но поначалу на языке вертелся османский вариант с арабским союзом не из тенгрианской, а из совсем другой – исламской эпохи:

قز ار اچيناڭ اوق و سونگو چزب كوچو آڭساغ

В турецкой транскрипции:

Qız-er, içiñ, oq u süngü çezib, köçü añsağ.

На современном турецком:

Kız-er, için, ok ve süngü çözüb, göçü ansak.

С этой надписью перекликается поминальное выражение, услышанное мною от тюркоязычных греков-урумов Северного Приазовья на кыпчакском и на огузском наречиях:

**Ічкенім сінсін – бойуна тійсін / Ічтігім сінсін – жанына дэгсін
(İçkenim sinsin – boyuna tiysin / İctigim sinsin – canına degsin)**

“Пусть впитается моё питьё – пусть (моё слово) достигнет его души”.

Это древнее тюркское речение, пережившее тысячелетия, отражает изменение взгляда на загробный мир. Покойному уже не ставят в могилу продукты, посуду и вещи, которыми он пользовался. Плоть обратилась в прах. Поминающие обращаются к его бессмертной бесплотной душе, отделившейся от тела. В более древнем кыпчакском варианте ещё неразделимо – **бой (boy)** ‘тело; рост; сущность, душа’, в огузском – **жан (can)** ‘дух, душа’, по-персидски.

Я счастлив, что надпись наконец прочлась, так легко и естественно. И лишь одна мысль не даёт мне покоя. Какая вдохновенная сила направляла руку автора надписи, чтобы он на оставленной для усопшего чаше выбрал именно эту часть, которая более чем за две тысячи лет не подверглась коррозии? Ведь вся остальная поверхность кесушки вокруг надписи изъедена до дыр, а изумительный по своей духовности и поэтической красоте стих совершенно не затронут, словно написан недавно. И вспоминаю, что и знаменитый кыпчакский письменный памятник «Кодекс Куманикус», невзрачный, написанный на бумаге, чуть ли не один-единственный уцелел – посреди кучи отсыревших, истлевших и превратившихся в кирпичи пергаментных фолиантов Петрарки в заброшенной на столетия кладовке. Поразительно! Как в этих строках из 90/91-го псалма Давида в кыпчакском переводе 1575 и 1580 годов:

¹Kim dä tınıptır boluşluxundan / ¹Kim ki dä turuptur boluşluxuna
Biyiktäğiniñ, kölegäsi tibiñä Teñriniñ köktä tıngay... ⁷Tüşsün / Tüşkäylär
yanıñdan seniñ miñlär da tümänlär oñuñdan / sañıñdan seniñ, ki saña nemä
/ çaysi ki saña heç nemä yovuxlanmagaylar

¹Живущий с помощью / при поддержке Всевышнего под сенью Бога-Тенгри покоится... ⁷Пусть падёт рядом с тобою тысяча, и десять тысяч справа от тебя, но к тебе не приблизятся.

Поразительно и другое. Выходит, и в IV веке до нашей эры в Великой Степи, в том числе среди ираноязычных саков, тюркский был языком межнационального общения, а для большинства ее обитателей – и родным, как и во времена «Слова о полку Игореве», Плано Карпини, Виллема Рубрука и Марко Поло!

И еще один вопрос. Его ставили многие с самого начала. Центральное, собственно царское, дважды ограбленное захоронение археологами не было инвентаризовано и не описано. А при усопшем, похороненном в боковом склепе, не было лука со стрелами, типичного для мужчины-воина, но была туалетная сумочка с зеркальцем и кусочком красной краски. Да еще бусы: 10 бусин из сердолика (одна крупная круглая) и 16 цилиндрических из пасты, все очень мелкие, около 3 мм в диаметре. Эта тоненькая, коротенькая, простенькая ниточка бус, по моему, носимых с детства, может рассказать о личности не меньше, чем статусная золотая гривна с царственными львиными головами на концах, тремя с половиной витками обнимающая шею, и не цельно золотые, а лишь обернутые золотой фольгой бесчисленные бляшки парадного кафтана. Потому предполагалось, что это член семьи царя и не “алтын адам”, а “алтын мадам” или скорее – “алтын мадмуазель”. Надпись подтверждает последнее.

Кстати, кое-что подобное обнаружено в могильнике Акбейит неподалеку от Каркаралинска, где погребена 10-11-летняя сакская принцесса: при ней были золотые серьги с бирюзой и литая золотая гривна, а в ее косметичке, обтянутой кожей, лежало похожее бронзовое зеркальце. Вспоминается и головной убор 40-45-летней сакской царицы из Урджарского района Восточно-Казахстанской области – он тоже представляет собой саукеле. Но оружия ни при той, ни при другой не было обнаружено.

По поводу макияжа и косметики, распространенной среди народов региона, заслуживает внимания следующий фрагмент из словарного отдела арабского учебника “по чисто тюркскому, то есть кыпчакскому языку” Халила бин Мухаммада бин Юсуфа ал-Кунави 743 / 1343 года, составленного в Египте при мамлюках:

الْحُمْرَةُ الَّتِي تَصْنَعُهَا الْمَرْأَةُ فِي وَجْهِهَا الْكَلِيكُ.
 وَلَهُمْ الْحُمْرَةُ النَّبَاتِيَّةُ وَهِيَ الْحَشِيشَةُ الَّتِي
 تَطْلُعُ عِنْدَنَا مَعَ الرَّيَاجِينَ وَتُسَمِّي بِهَا الْيَمَانِيَّةُ
 كِرْتِي الْكَلِيكُ يَغْنِي الْحُمْرَةَ الصَّادِقَةَ
 الْإِسْفِيدَاجُ الَّذِي يَدُهْنُ بِهِ وَجُوهَهُنَّ قَبْلَ
 الْحُمْرَةِ كِرْشَانَ. الْكُحْلُ سُرْمًا. الْمُكْحَلَةُ
 19r7-13 سُرْمَالِيكُ. نِقَابُ الْمَرْأَةِ يَشْمَقُ. الْمِرْأَةُ كُوزُوكُو = كُوزُوكُو

“Румяна, которые наносят женщины на свои лица, – *eηlik*.

У них есть румяна на растительной основе, из травы, которую нам привозят парфюмеры, и мы называем ее йеменской, – *kerti eηlik*, то есть – истинный румянец.

Белила, которые наносят на лицо перед

румянцем, – *kerşān*. Сурьма – *sürmä*. Сосуд для сурьмы –

sürmälük. Женский платок с вуалью никаб – *yaşmaq*. Зеркало – *küzgü*”.

Если анализ ДНК покажет, что исыкский скелет принадлежит все-таки юноше, а не девушке-батыру, то выходит, что надпись была адресована некой иной тюркоязычной Томирис и что ритуальная чаша из ее могилы попала в исыкское боковое захоронение уже как бы не по изначальному адресу. Тем более, что и золотые перстни, приплюснутые, дабы не сползли с тонких пальцев нашего загадочного усопшего, скорее всего, тоже были трофейными – с чужой, более крупной руки.

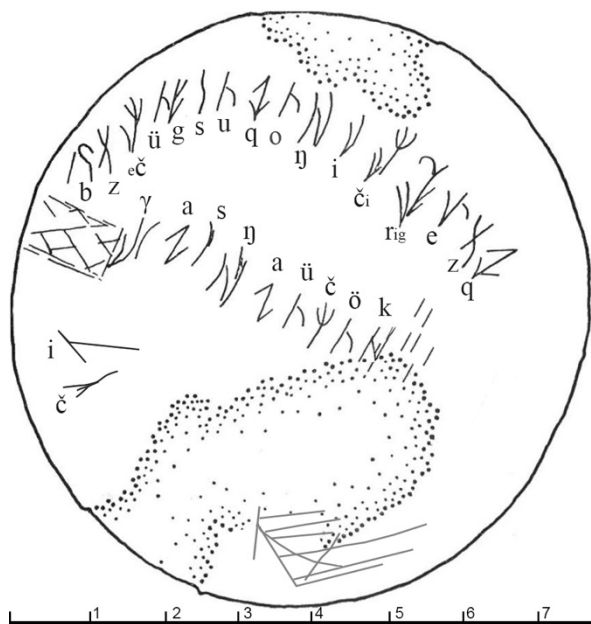
Остаются неразрешенными и другие сомнения: когда и кто именно нанес звучащую довольно по-турски древнетюркскую надпись, из какого металла сделан инструмент для письма, адекватно ли прочитаны все символы и пр.

Одно из них касается группы штрихов 26+27. Не попытка ли это написать для пробы на еще одном свободном от коррозии месте слово $\Upsilon\Gamma$ (iç “пей, выпей”), причём не с принятой в данной надписи повернутой на 180° буквой i (J), а с обычной, как в Древнетюркском словаре 1969 года?

Имеется вопрос в отношении знака для η (7 и 22). Поскольку в орхоно-енисейских и других памятниках он отсутствует, мы транслитерируем его имеющейся буквой $\mathfrak{H}$ шрифта *Öztürk* для звука n_2 . В шрифте *Segoe UI Historic* есть более похожая и более зигзагообразная ее разновидность: $\mathfrak{H}$. Если последнюю рассечь наискось слева-сверху через центр направо-вниз, получится ровно две буквы, похожих на ту, что в нашей надписи обозначает η , только поменьше: N^N ($\mathfrak{H}$). Может быть, все-таки нам стоило отойти от рунического набора символов и ради

наглядности воспроизводить ее родственной греческой буквой N или производной от нее тождественной латинской N без засечек?

Мне порою также кажется, что слишком уж легко вкуче с повторными штрихами мною были отброшены и “завитушки” внизу букв 4, 5 и 14. А вдруг это не помарки, а полнозначные символы, помещенные в позицию нижнего индекса? Ведь они и вправду напоминают буквы, употребленные в этом тексте самостоятельно.

Попробуем их воспроизвести компьютерным руническим шрифтом и затранскрибировать латиницей:

В этой версии чтение немного меняется:

Qiz, egir ičiq, oqu-sü^ügü čezib, köcü aŋsağ “Дочка, выпей айр, когда мы, отторчив стрелы и копыя, будем поминать кочёвку”.

Вместо эпитета “герой” имеем название ритуального напитка из корня айра болотного, называемого еще татарским зельем, который шаманы использовали для достижения транса. По наблюдениям наркологов, доза корня айра в 5 см вызывает эйфорию и по действию равна амфетамину, а в 25 см – это уже психоделик, сопоставимый с современным наркотиком экстази. В результате – видоизменение сознания, в данном случае – иллюзия сверхъестественного контакта между мирами. Может нет, а может и да, если писавший обращался к этой девушке не как батыру и герою, а просто советовал испытать конкретный чудодейственный напиток в момент, когда близкие объединяются для общения с ней на границе бытия и инобытия.

Однако мы вряд ли узнаем, что было в чаше на самом деле, потому что наши археологи, привезя скарб к себе домой в Алма-Ату, поступили с ней, как аккуратная хозяйка со случайно подгоревшей любимой кастрюлькой, – тщательно очистили от грязи и серебряные чаши, и золотые пряжки-бляшки, соскребли с них ржавчину, вымыли дочиستا кухонными средствами и довели до блеска чем попало, дабы – “О чудо!” – поразить их невообразимым допотопным сиянием сбежавшихся родственниц.

Список литературы

1. Акишев К. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978.
2. Harmatta J. Languages and scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms // History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / Ed. J. Harmatta. Co-ed. B. N. Puri, G. F. Etemadi: UNESCO Publishing, 1996: 411-412.
3. Гасанов З. Г. Иссыкская посвятельная надпись // Эпиграфика Востока, XXXI. – М.: 2015: 34-59. Обзор чтений 28 авторов на полдюжине языков: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/30_Writing/CodexIssykInscriptionEn.htm.

4. Аманжолов А. С. 1) Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алматы // Вестник АН Казахской ССР, 1971, 12 (320), с. 64-66; 2) Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дисс. – Алма-Ата, 1975; 3) Генезис тюркского рунического алфавита. – Алматы: Мектеп, 2003.

5. Ercilasun A. B. Bilinmeyen metinlerin çözülmesi konusunda teorik bir yaklaşım ve Altın Elbiseli Adam yazıtı için yeni bir okuma denemesi // Dil Araştırmaları, Bahar 2017 / 20: 7-14.

Jesus Gil Fuensanta

*Assistant Professor of the
Autonomous University of Madrid*

BEGINNINGS OF WRITING IN THE NORTH EUPHRATES. THE CASE OF THE MIDDLE TURKISH EUPHRATES

The earliest evidences of writing in the North Euphrates areas old as some of the earliest temples in southern Mesopotamia (see Göbekli Tepe, Urfa, Southeastern Turkey). However, we have not yet able to decipher and read cuneiform texts that were created before the beginning of the third millennium BC.

Throughout this millennium of the first dynasties and cities referred to in the texts, different cultures with different linguistic origins follow one another: Sumerians in the south, or Akkadians, Suberians and Eblaites in the north, among others.

Those mentioned civilizations lived in the midst of a technology and mentality proper of the Bronze Age of the region (III and IV Millennia B.C.).

The Late Chalcolithic of Northern Mesopotamia (late V and IV millennia B.C.) is a key period for the development of writing and administrative systems. This is a time when the whole Mesopotamia experiences a “world cultural system”: the post-Ubaid and Uruk cultures.

This presentation focuses on recent findings in recent decades from some parts of the Northern Mesopotamia, such as southeastern Turkey, where some of the earliest legible writing texts appeared.

This study is particularly concentrated on the cuneiform scripts, both in Semitic languages and non- cuneiform scripts of other Semitic languages of Bronze Age that originated from the province of Urfa (mainly coming from

the Tilbes Project evidence at Surtepe, or Tilbes Höyük), and surroundings, in Turkey.

*In memory of the first two directors of the Urfa Museum,
Adnan Misir and Eyyup Bucak*

Introduction. The dawn of the regional temples and the early writings

The beginnings of writing have been traditionally linked to ancient Mesopotamia (Western Asia), specifically to the cuneiform writing of southern Mesopotamia during the period of the first cities and the Early Dynastic phase, to cities with a familiar echo for all readers of Samuel Noah Kramer's work "history began in Sumer", and of course the Sumerian people.

But archaeological excavations carried out in the last decades of the 20th century in the northern region of Mesopotamia, especially in northern Syria and especially southern and eastern Turkey, highlighted the presence of analogous writing systems during the same time. Let us remember, for example, the Ebalitic, Semitic and written in cuneiform characters discovered in the archives of the Royal Palace of Ebla and dated to the middle of the third millennium BC (see Archi 2015); or the case of the cuneiform documents found in the city of Tell Beydar/Nabada (Syrian Khabur) and dated in the first half of the same millennium (Milano, Sallaberger, Talon, Van Lerberghe 2004).

In fact, in ancient times this area was known as Subir "the country of the north" as opposed to Sumer, "the country of the south".

But the path of writing begins much earlier, in northern Mesopotamia. At the dawn of the first central Neolithic villages, in the context of an important place, Göbekli Tepe, discovered by a joint mission of the University of Heidelberg and the Urfa Museum, in the mid-1990s, led by the late professors Harald Hauptmann and Klaus Schmidt, and the direction of the Urfa museum.

This place is located on top of a mountain, and was the site of a series of circular stone temples in the first phase of its three periods of occupation, during the Pre-ceramic Neolithic (PPNA), dated at the end of Tenth Millennium BC (see Gil Fuensanta, Mederos Martín 2018). There, among the stone monoliths that weighed about a ton and a half, one was discovered that had two pictograms on its side, that represent a circle and two symbols similar to the monoliths of the site described. They could well convey the image of the place as a union of different clans, since the place has been interpreted as a meeting point and rituals for various prehistoric tribes in the region before the appearance of agriculture and domestication of animals (Gil Fuensanta, Mederos Martín 2018).

These symbols already demonstrate both the knowledge and the desire to convey written information from the early Neolithic period in northern Mesopotamia, the time of the end of the first open-air regional religious centers. Similar documentation has not been found in the territory of Sumer for the Early Neolithic period, understandable by the environmental characteristics of the region.

Another important step for the transmission of written messages is achieved after the invention of the first clay pottery in Mesopotamia, around the 7th millennium BC. At the end of this Neolithic, an agrarian culture expanded, Halaf, whose place of origin is supposed to be in the area of Lake Van, initially to the entire globe of what will be the later territory of the Subir of the III millennium, reaching the coasts of the Mediterranean, in Turkish Cilicia (case of the Yumuk Tepe deposit, cf. Caneva, Koroglu 2010). Earlier of contemporary Ceramic Neolithic cultures such as Hassuna or Samarra in the later Sumer territories showed similarities in the administrative transmission systems.

Very valuable specimens of this ceramic are on display in the Pushkin Museum in Moscow, originating from excavations carried out by Rauf M. Munchaev's Soviet team at Yarim Tepe in northern Iraq during the 1970s (see Merpert, Munchaev 1993)

In the painted ceramics of the culture of the late Neolithic Halaf we can contemplate a desire to transmit stories and events of that world, whose concrete reading eludes us, but thanks to the knowledge of symbols and analogies we can deduce meanings of waves like water, structures such as houses or villages and another series of figures that due to their naturalistic characteristics make it easier to deduce their meaning.

This Halaf culture is also known for its extensive use of administrative seals with varied images and symbols, but repetitive and that may well refer to different families or tribal clans, in the same way as those human groups that in the Early Neolithic used the temples of Göbekli, each linked to a clan animal-totem.

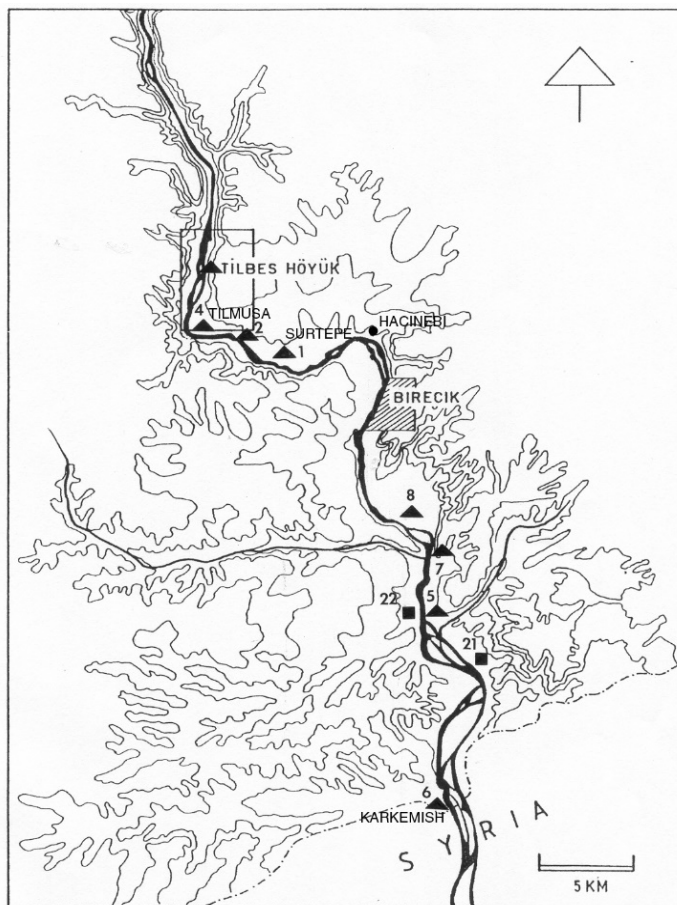
The middle euphrates evidence in the IV and III millennia: the tilbes project (birecik, urfa, eastern turkey)

Halaf was gradually replaced by the Ubaid culture, born in southern Mesopotamia, at the end of the 6th millennium BC. It was a culture with a different mentality from the Halaf people, although they had a first agrarian base, and like that other culture of northern Mesopotamia, this one came to expand through the same territories and even go further (the Gulf countries in the Arabian peninsula).

The Ubaid "corporative" mentality is reflected in the use of painted ceramics, which may seem analogous to us at first, due to the use

of similar signs, but with a greater progressive tendency towards geometrization.

The Tilbes Project is a Spanish-Turkish project in cooperation with scientists from other countries¹, and that developed his work in the Birecik dam area since 1995 in a series of mounds in the Birecik area of eastern Turkey (Figure 1).

Figure 1 - Map with the main archaeological sites, named in the text, of the Birecik-Karkemish region.

In the place of Tilbes Höyük a first occupation was demonstrated towards the end of the Ubaid culture, and one of the elements associated

---

¹We thank the courtesy of the Turkish government, and specifically the General Directorate of Antiquities (Anıtlar ve Kultur Varlıklari Genel Mudurlugu) and the Sanliurfa Museum, for the permits and administrative help provided during the development of the field work (1995- 2008) of the Tilbes Project, developed as a response to salvage the heritage of the Euphrates River in the framework of the Birecik Dam.

with it is one of those characteristic stamp seals, with the image of a goat, and a crescent and a circle (Figure 2); Made of red hematite, its raw material was brought from long distances and evokes long-distance exchanges.

Tb. 96. 014

Figure 2 – Stamp seal from Tilbes Höyük, Late Chalcolithic 1-2.
Tilbes Höyük, 1996. Operation E1.

Just one kilometer from the tepalik of Tilbes, there was an extensive town from the same period, transitional between the V and IV millennium BC, the Late Chalcolithic 1, Tilbes-Korche where both stamp seals and administrative counting devices, so-called jetons, were used, which indicate numbers of various comforts, such as the use of the same painted ceramic from the Ubaid tradition, geometric, and the precise messages referred to above (Figure 3).

An important step towards cuneiform writing occurred during the Uruk culture, developed in southern Mesopotamia, when the Ubaid culture was in its decline. In a cultural context from the beginning of the Late Uruk period (circa 3500-3000 BC) from Surtepe (Birecik), several administrative copies were found as imprints of cylinder seals, a development that started from stamp seals, in addition to clay tablets with signs that represent numbers and fractions (Figure 4)

The Uruk culture belongs to the period when the first writing developed with pictographic signs, the antecedent of the cuneiform writing of the Mesopotamian area, which appeared only a few human generations later.

The Ancient Bronze Age in northern Mesopotamia broadly coincides with the third millennium BC and is a period when the first monarchs and the first cities considered as such reigned. The first literary texts are dated from

this period, such as those clay tablets with cuneiform signs that appeared near the old town of the modern city of Urfa in the mid-1990s. From a later period in Mesopotamian history, the New Assyrian Empire (VII century BC) are the tablets that reflect part of the “History of Gilgamesh” found in the nearby excavation of Sultantepe (see Gurney 1952: 25 ff.), Some texts that are known from other places since the aforementioned Bronze Age. From this time and its later successor in the region, the Achaemenid Persian Empire come examples of writing notorious in Tilbes and Surtepe, including a letter from an Achaemenid general in gratitude to a goddess or a scarab with Egyptian hieroglyphic signs (Gil Fuensanta, Arslan, Söyük 2019).

Figure 3 – Painted ceramics from the Late Chalcolithic 1-2, Tilbes Körche 2001-2004.

Figure 4 – Clay tablet with numeral signs from Surtepe (Birecik), Late Chalcolithic 5. Circa 3500-3300 BC. Squares E40-41, Surtepe 2005. All the figures belong to the Tilbes Project/MAET (Spanish Archaeological Mission in Turkey).

The third millennium BC in the area of Birecik (Urfa) shows that it had administrative ties with the area of Ebla in Syria, as evidenced by a seal imprint in the style of the Royal Palace of Ebla, and discovered in the archaeological site of Meteler / Tilvez Höyük.

Cuneiform writing continues to be used in the Birecik area during the dawn of the Middle Bronze Age, forty centuries ago, with ties to the Old Assyrian merchants of Kanish / Kultepe in Central Anatolia, who in turn came from the metropolises of present-day northern Iraq. It is evidenced in the same Tilbes Hoyuk, the use of signs, crescent and circles, similar to those used in previous cultures and centuries.

During the preparation of this article, Petr Charvat (Plzen University, Czech Republic), Eduardo A. Crivelli (CONICET, Buenos Aires) and Güner Çoskunsu (Seminario de Estudios Orientales Adolfo de Rivadeneyra / UAM, Madrid) mentioned several suggestions. Thanks are due to the collaboration provided during the realization of the regional map drawn by Ben C. Cockson.

Bibliography

1. ARCHI, A. (2015): *Ebla and Its Archives: Texts, History, and Society* (Studies in Ancient Near Eastern Records, Walter De Gruyter, Wiesbaden).
2. CANEVA, I., and KOROGLU, G. (2015): *Yümüktepe: A Journey Through Nine Thousand Years*, Ege Yayinlari, Istanbul.
3. GIL FUENSANTA, J.; ARSLAN, P. and SÖYÜK, M. (2019): "El edificio monumental persa aqueménida de Surtepe: Reflexiones sobre el final de la Edad del Hierro en la comarca de Biredyik-Karkemish (Urfa, Turquía)", in J. Gil Fuensanta, A. Mederos (eds.), *Orientalística en tiempos difíciles. VII Congreso Nacional del Centro de Estudios del Próximo Oriente* (UAM, Madrid, 2016), Zaragoza, Libros Pórtico, pp. 147-165.
4. GIL FUENSANTA, and J., MEDEROS, A. (2018): "The Late PPNB 'World' Systems in Northern Mesopotamia and South Levant: Agglomeration, control of Long Distance Exchange and the Transition of Early Religious Centers to Central Villages", in L. Berrocal, A. Mederos, L. Ruano (eds.), *Ex Lectione Doctrina. Homenaje a la profesora Isabel Rubio de Miguel. Anejos a Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad Autónoma de Madrid* 3, pp. 45-68.
5. GURNEY, O.R. (1952): "The Sultantepe Tablets: A Preliminary note", *Anatolian Studies* Volume 2, pp. 25-35.
6. MERPERT, N.I., and MUNCHAEV, R.M. (1993) "Yarim Tepe II: the Halaf levels", in N. Yoffee and J.J. Clark (eds.), *Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in northern Iraq*, University of Arizona Press: Tucson. Pp.129-162.
7. MILANO L., SALLABERGER, W., TALON, P., VAN LERBERGHE, K. (2004): *Third Millennium Cuneiform Texts from Tell Beydar, Seasons 1996-2002*, Brepols Publishers.

* LA SEI-ICFS (*Instituto de Ciencias Forenses*), Universidad Autónoma de Madrid, Campus de Cantoblanco, 28049 Madrid. Email: Eurasia.icfs@uam.es <https://orcid.org/0000-0002-6455-4470>

Жанар Алтынбековна Абитжанова

*А. Байтұрсынов атындағы ТБИ-ның
аға ғылыми қызметкері*

Zhanar Abitzhanova

*Senior researcher of the A.Baitursynov
Institute of linguistics*

КӨНЕ ТҮРКІ ЕСКЕРТКІШТЕРІ ТІЛІНДЕГІ МЕТАФОРЛАРДЫҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ СИПАТЫ

METAPHORS IN THE LANGUAGE OF ANCIENT TURKISH MONUMENTS SEMANTICAL CHARACTERISTICS

Аңдатпа. Мақалада метафоралы ойлау, ауыспалы атаулар сипатталады. Метафоралық атаулардың семантикалық сипаты Орхон-Енисей ескерткіштері тілінің негізінде талданады. Көне түркі ескерткіштерінде кездесетін метафоралар халықтың тұрмыс-тіршілігімен, салт-дәстүрімен байланысы бар. Ұқсату арқылы біз заттар мен құбылыстарға өз қатынасымызды, бағалауымызды, өлшемiмiздi, сезiмдерiмiз бен әуесқойлығымызды бiлдiре аламыз. Орхон-Енисей ескерткіштері тіліндегі метафоралар – абстрактілі ойлау жемісі, бейнелі тартымды образ. Олар адам танымымен тікелей қарым-қатынаста, әлемдік бейненің көрінісін таңбалаушы үдеріс ретінде бағаланады.

Түйін сөздер: ескерткіштер тілі, ауыспалы мағына, лингвомәдени сипаты, әлемдік бейне, метафоралы ойлау.

Тілде жиі қолданысқа түсетін көріктеу құралдарының бірі – метафора. Метафора – (гректің *metaphora* – ауысу, ауыстыру мағыналы сөзі) – белгілі бір ұқсастығына қарай екі, я одан да көп зат немесе құбылыстың бір атаумен келуі. Метафора ауыстыру не ұқсату деген мағынада ғана емес, сөздің мән-мағынасын түрлендіруге немесе өзгертуге де қызмет етеді. Метафораның басты қызметі – жаңа ұғым туғызу, ал оны түсінудің негізгі шарты – қабылдаушы субъектінің ойлау қабілетінің өзіндік дәрежесі.

Соңғы кезде көркем номинацияны (метафора, метафоралы салыстыру) тек қана көркемдік тәсіл мен номинация құралы ретінде ғана емес, сонымен бірге ойлаудың ерекше тәсілі ретінде, яғни адам дүниені өзінің заттық және теориялық әрекет ретінде қарастыру қолға алынып келеді. Сондықтан метафора қазіргі кезде антропорталықты ғылыми парадигманың ішіне енуде.

Тіл білімінде метафора мәселелері көне ойшылдар Аристотель, Цицерон, орыс тілі зерттеушілері Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А.А. Потебня, В.Н. Телия, В.К.Харченко т.б., қазақ тіл білімінде А. Байтұрсынов, М. Балақаев, Ә. Болғанбаев, Ғ. Қалиұлы, Б. Қалиев, Б. Қасым, Б. Хасанов т.б. зерттеу еңбектерінен орын алып, ғылыми жұмыстың негізгі өзегі болып келе жатыр.

Қазақ тіл білімінде А. Байтұрсынов метафораға «ауыстыру» деген атаумен ғылыми талдаулар жасап, теориялық анықтама жазған: «сөздің көбісі өз мағынасында жұмсамай, өзге мағынада жұмсаймыз. Арасында тек ұқсастық жоқ, екі нәрсенің ететін әсері бірдей болса, біріне ғас қамалды екіншісіне ауыстырып айтамыз. Мәселен, «күн құтырып кетті», «аяз қарыған», «қырау соққан» дейміз. «Құтырып кетті», «қарыған», «соққан» деген сөздер нақ өз мағынасында емес, өзге мағынада айтылып тұр. «Құтыру» жанды, есті нәрсенің күйін көрсететін сөз. Мұнда күннің желдетуі адамның құтырған күйіне ұқсас әсер ететіндіктен жанды нәрсенің күйін көрсететін сөз күннің күйін көрсетуге ауыстырылып алынып тұр. Осындай ұқсастығымен ауыстырылып, өз мағынасын сөзді өзгелеп айту – ауыстыру деп аталады», – деді ғалым [1, 69 б.].

Орыс тіл білімінде метафоралар тағы да лексикологиялық, лексикографиялық, психологиялық зерделенді. Тілдік метафоралардың сипатын морфологиялық, сөзжасамдық, синтаксистік мәселелер шеңберінде айқындауға тырысқан А.А. Потебня, В.В. Виноградов, В.В. Лопатин, Н.Д. Арутюнова еңбектерін атауға болады. Әсіресе метафораның синтаксисі терең зерттеледі. В.В. Виноградов орыс тіліндегі метафоралық мағыналы сөздің бір нәрсені жекелеп көрсетуіне байланысты ерекше синтаксистік позициясын ескере отырып қарастырады [2, 102 б.].

Метафора дәстүрлі зерттелуде көбінесе тілді көркемдеуші құрал ретінде танылады. Ол көркем әдебиет пен шешендік өнердің адресатқа әсер ету қызметі тұрғысынан зерттеліп келді. Оның тілдік сипатына соңғы уақыттарда ғана көңіл бөліне бастады. Бұл ретте, ең алдымен метафораның адамның ойлау үрдістерімен байланыстылығы және тілдегі әлем туралы білімінің бейнелеу заңдылықтарына қатысы ескеріле бастады.

Белгілі қазақ ғалымы Б. Хасанов «Қазақ тілінде сөздердің метафоралы қолданылуы» атты зерттеу еңбегінде метафора туралы былай дейді: «Белгілерінің ұқсастығына қарай бір заттың не құбылыстың атауымен аталуының негізінде сөз мағынасының ауысуы – метафора деп аталады немесе метафора – сыртқы не ішкі ұқсастығына қарап, бір нәрсені екінші нәрсеге балау. Екі нәрсенің арасына тепе-теңдік белгісін қою» [3, 23 б.]. «Метафора – екі зат пен құбылысты салыстырудың негізінде сөздің ауыс (мағынада) қолданылуы» [3, 8 б.].

Сөз сарасын таппаса, образды ой көрік алмақ емес, озат ой өріс алмақ емес. Көркем суретті образ жасағанда жалпы халық тіліндегі күнде қолданылып жүрген қарапайым сөздер тура мағынада үнемі кәдеге жарамас мүмкін. Мұндайда тура мағыналы сөздер эмоционалды әр, эффектілі түр, бояу-бедер беріп, әр түрлі стильдік сферада метафораландырып сөз саптау қажеттігі туады [3, 134б.]. Метафора – тіл байлығын құлпыртқан қат-қабат мағына туғызушы әрі терең сырлы мән беріп, сөзді астарлай қолдану тәсілі. Метафора – көркем әдебиетке ғана тән құбылыс емес, сөйлеу мәдениетіміздің көне тарихымен құрдас қалыптасқан, образды ойдың дамуынан көрініс беретін маңызды элемент [3, 190 б.]

Көркем проза да болсын, поэзиялық шығармада болсын метафора – сөз мәнісін түрлендіре, өңдендіре, құлпыртып, өзгертіп айту үшін тартылатын тілдік бірлік. Суреттеліп отырған затты яки құбылысты образды бейнелеу үшін, оларды өзге затқа не құбылысқа балау арқылы беру, автордың айтпақ ойын әсірелеп, суреттеліп отырған жайттың мағынасын тереңдетіп, оқырман сезіміне әсерін күшейте отырып жеткізу үшін, оқиғаның немесе заттың, құбылыстың мазмұнын тереңдетіп, әсерін күшейту үшін метафора бірден-бір көркемдегіш тәсіл.

Орыстың тілші ғалымы А.И. Ефимов метафора құбылысының қызметі туралы былай дейді: «метафоризация – это область формирования образных средств, непрерывно появляющихся в процессе общенародного речевого творчества, а также деятельности выдающихся художников слова» [4, 121 б.].

А.И. Гвоздев: «Меткие стилистические метафоры рода (и сравнение) представляют своего рода открытия, выявляющие скрытые сходства между предметами, привлекающие внимание и незамечаемым сторонам и деталям изображаемого, вызывающее разного образные дополнительные, побочные представления, сопровождаемые эмоциями, тем самым они создают яркую образность изображаемого и выражают авторскую оценку» [5, 106 б.], – дейді.

Джон Р. Сель «Метафорическое значение – это всегда значение высказывания говорящего [6, 340 б.]», – дейді. Эрл Маккормак «Когни-

тивная теория метафоры» деген еңбегінде іштей қарастырылатын метафоралар әлем туралы танымдық білімді тереңдетіп, жаңа болжамдар жасауға көмектесетін когнитивті процесс ретінде, ал сырттай қарастырылатын метафоралар адам ақыл-ойы мен мәдениеті арасындағы делдал ретінде қызмет атқаратындығын айтады. Ол метафоралар күнделікті қолданыстағы тілді өзгертумен бірге дүниені қабылдаумен танып-түсіну тәсілдерін өзгертетіндігін айтады. Зерттеушінің мына пікіріне назар аудармай кетпеуге болмайды: «Производство метафор это не просто лингвистическое явление, которое происходит на поверхностном уровне языка; оно берет начало в более глубинном когнитивном процессе творческого характера, открывающем новые возможности развития значения. Создатель жизнеспособных метафор тем или иным образом объединяет понятия, на первый взгляд не связанные, чтобы вызвать к жизни новое подвижное понятие, выявляющие сходство между некоторыми из своих черт и обнажающие расхождения между другими», – дейді [6, 377 б.].

3. Қабдолов «II томдық таңдамалы шығармалары» (1983) еңбегінде былай дейді: «метафора сөз мәнін түрлендіре өзгертіп айту, суреттеліп отырған затты не құбылысты айқындай түсу үшін, ажарландыра түсу үшін оларды өздеріне ұқсас өзге затқа не құбылысқа балау, сөйтіп, зерттеліп отырған заттың не құбылыстың мағынасын үстеу, мазмұнын тереңдетіп, әсерін күшейту» [214 б.].

Әдебиеттанушы З. Ахметовтың «Абайдың ақындық әлемі» (1993) еңбегінде мынадай пікірі бар: «Бір нәрсені, бір құбылысты басқа нәрсемен, құбылыспен салыстыру соларды әдейілеп күшпен жақындастырудан, байланыстыруға әуестіктен тумайды, табиғи түрде адамның өмір құбылыстарын сезіну, зейінге алу, көркем ойлау процесіндегі жарқ етіп елес беріп, бір сәтте көрініп қалатын сезім-әсер жалғастығы – ассоциация арқылы жасалады, ... ақынның, жазушының сезім-әсерінің күшін, суреткерлік шеберлігін танытады».

М.М. Кожина метафора туралы былай тұжырымдайды: «... Именно свежесть, новизна метафоры являются одним из главных ее признаков. Как образного средства характерного прежде всего для поэтической речи. Для создания неповторимой метафоры необходимо образное восприятие мира и особый талант... При этом метафора соответствует некоторым требованиям. Она не должна быть надуманной, неестественной...» [74, 96 б.].

Метафора туралы А. Салқынбай төмендегідей лингвистикалық тұжырымдамасын береді: «Метафора – сөздің басқа мағынада қолданылуы. Риторика мен лексикологияда метафора номинациялық құрал ретінде қарастырылады» [7, 124 б.].

А. Сыбанбаева «Метафораның тілдік болмысы және концептуалды метафоралар» (2002) атты еңбегінде: «метафораның қызметі арқылы тілдің лексикалық және фразеологиялық қабаты, жалпы сөздік құрамы, бір ұғым аясы кеңі түседі. Сөздің метафоралануы арқылы сөз саны өспегенімен, мағына аясы көбейеді, сөз мағынасы дамиды. Метафора – көптеген тіл қабаттарының шығу көзі. Мәселен, фразеологизмдер, мақал-мәтелдер, қанатты сөздер метафораға негізделіп жасалады» [12 б.], - деген.

Лингвостилистикалық әдебиеттерде метафора екіге бөлініп қарастырылады: бірі дәстүрлі метафоралар. Олардың мағынасы халықтың таным-түсінігіне байланысты болып келеді, әрі көпшілікке ұғынықты, жиі қолданылатын бейнелі метафора болып табылады. Сонымен қатар, дәстүрлі метафоралар тілде тұрақты түрде қолданылады. Екіншісі – автордың өзінің жеке қолданысынан туындаған метафоралар. Метафораның бұл түрі қаламгердің тіл байлығымен, сөз қолдану шеберлігімен байланыста болып келеді.

Метафораның тілде бірнеше қызмет атқаратындығы, сөзге атау беріп, жаңа мағына тудыратындығы, көркем образ жасай отырып, сөз мағынасына көркемдік қана бермей, айтылатын ойға тереңдік, жандылық беретіндігі көптеген ғалымдар еңбектерінде сипатталады. Мысалы, ғылыми метафораның жасалуын, оның қызметін айқындауға бағышталған А.С. Сыбанбаеваның зерттеу жұмысында концептуалдық метафораның тілдегі сипатына назар аударылады. Зерттеу еңбегінде метафораның осы түрін тілші былай көрсетеді: «метафоралар ғылым тілінде де қолданады. Ғалымдар да ақын-жазушылар сияқты тілде жаңа метафоралар жасайды. Таным процесс негізінде жаңа болжаммен бірге тілде метафоралар пайда болады. Ғылым тілінде метафора бейнелілігінен толық, не жартылай ажырап, деректі, дерексіз ұғымдарға атау береді. Ғылым тілінде қолданылатын метафораларды жаңа ұғымды танытып, осы тілдік белгіге айналдыру қызметіне байланысты концептуалдық метафора деп атадық» [66 б.]. Зерттеу жұмысында концептуалдық немесе ғылыми метафораның ғылымның барлық салаларында кең қолданылатыны көрсетіліп, олардың мағыналық топтарына, жиі кездесетін түрлеріне талдау жасалынады. Тілші ғылым тілінің қалыптасуында метафораның маңызын аталым бірліктерінің жасалуы арқылы дәлелдеді. Мысалы, сөзге эмоционалды-экспрессивті мағына үстейді. «ол – адамның эмоционалды реакциясын білдіретін құралдардың бірі. Сонымен бірге метафораның белгілі жағдайға баға беру қасиеті де бар.

Метафораның түп тамыры тілдің, сөздің туу тарихымен тікелей байланысты. Оны тарихи жағынан тұрақты әсер ететін негізгі семантикалық заңдылықтардың бірі деп танымыз. Тілдік метафо-

ралар – туынды сөздерде метафоралық қасиеттер күңгірттеніп, соның нәтижесінде жаңа лексемалардың пайда болуы. Метафора атамалық тұрғысынан бейнелілік қасиетінен өтіп, тек ұғымға атау беру қызметіне көшеді.

Ж.А. Абитжанова «Орхон-Енисей ескерткіштері тіліндегі метафоралардың уәжділігі мен семантикасы» (2008) атты кандидаттық диссертациясында Күлтегін, Білге қаған, Тоныкөк, Онгин, Мойын Чор, Тариат, Суджа, Енисей ескерткіштері тіліндегі метафораларды анықтап, олардың номинативтік, образдық, когнитивтік ерекшеліктерін ашып көрсетті. Сондай-ақ метафоралардың уәждеу үрдісін фонетикалық, синтетикалық, аналитикалық, семантикалық тәсілдермен айқындаған. Көне түркі ескерткіштеріндегі метафоралық қолданыс пен метафоралық мағынаны саралады. Автор Орхон-Енисей ескерткіштері тіліндегі метафораларды, олардың ерекшеліктерін айқындау арқылы бүкіл көне түркілердің көркем ойлау жүйесін анықтаған.

Орхон-Енисей ескерткіштері тілінде дене метафоралары (теле-ная метафора) немесе соматикалық атаулардың негізінде жасалған бейнелі оралымдар баршылық. .... Адам ең алдымен өз дене мүшелерін танып, оның қызмет және қасиет-белгілерін бағамдай алған соң, өзге зат пен құбылыстар арасындағы ұқсастықты айқындауға тырысады. Нәтижесінде номинативті метафоралар пайда болады. Орхон-Енисей ескерткіштері тілінде кездесетін метафоралы атаулардың бірсыпырасы соматикалық атауларға қатысты сөздерден жасалған. Мәселен: аяқ, бас, көз, жүрек, тамақ, жота, қол, т.б. [8, 81 б.].

Тоныкөк ескерткішінде қол/әскер метафорасы жұмсалған: Кділг дгсар, къ дг укыг қол қасылса күш өсер (Тон 32) [17, 114, 194 бб.].

Тамақ соматикалық атауының негізінде географиялық метафоралы атау жасалған: Тамақ ыдук башда сяняшдіміз қасиетті Тамақ басында соғыстық (КТ 41) [17, 184 б.].

Етістіктерге құрылған метафоралар да кездеседі: турк елін анта булғадым түркі елін сонда бүлдірдім (МЧ); Менің сабымын сымады Менің сөзімді бұзбады (КТ жж 11); qara tärim jügürti қара терім жүгірді (Тон 52) т.б. Мұндағы елді былғау «елді бүлдіру», сөзді сындырмау «сөзді бұзбау», тер жүгірді «тер ақты» деген ауыспалы метафоралы мағынада тұр.

Орхон-Енисей ескерткіштерінде адам өзін қара құсқа, бураға, жыланға ұқсатады. Бұл көне түркі мәдениетіндегі тотемдік құбылысты танытады. Мысалы: Алтун қанатлығ талым қара қуш мен Алтын қара құспын /бүркітпін/ (Ырқ бітіг 3); Тітір буғра мен өруң көрүкімін сачармен үзе теңріне тегір асра йірке кірүр, – тір, удығмағ одғұру йатығлығ тұрғұру йорыйды мен антағ күчлүг мен Мен жараған бурамын, ақ

көбікті шашам жоғарыда көкке жеткен, төменде жерге сіңген, – дер, ұйықтағандарын оятып, жатқандарын тұрғызып жүрермін. Мен сондай күштімін (Ырық бітігі 20); алтун башлығ йыланмын (Ырық бітігі) т.б. Метафораға бір-біріне сәйкес келмейтін, үйлеспейтін ұғымдарды байланыстыру қабілеті тән.

Орхон-Енисей ескерткіштерінде жұмсалған метафораларды қарастыра отырып мынадай қорытындыға келуге болады: біздің метафораларымыздың басым көпшілігі көне түркі мәдениетінен бері ұзақ даму жолын бастан кешірген. Көне метафоралар – ежелгі сананың нақты көрінісі, әрі көркем жүйесі болып табылады.

Пайдаланған әдебиеттер

1. Байтұрсынов А. Әдебиет танытқыш. Шығармалар. – Алматы, 1989. – 298 б.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ., 1953. – №5.
3. Хасанов Б. Қазақ тілінде сөздердің метафоралы қолданылуы. – Алматы: Мектеп, 1966. – 208 б.
4. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – Москва, 1957. С.295.
5. Гвоздев А.И. Очерки по стилистике русского языка. – Москва, 1965.
6. Языковая номинация. Виды наименований. – Москва: Наука, 1977. – С. 304.
7. Салқынбай А., Абақан Е. Лингвистикалық түсіндірме сөздік. – Алматы: Сөздік-Словарь, 1998. – 301 б.
8. Абитжанова Ж.А. Орхон-Енисей ескерткіштері тіліндегі метафоралардың уәжділігі мен семантикасы. Ф.ғ.к. дисс. – Алматы, 2008. – 132 б.

**Амангелды Касымовна
Нарымбаева-Уалиева**

*Специалист по истории археологических
комплексов*

Amangeldy Narymbayeva-Ualieva

Expert in history of archaeological complexes

К ВОПРОСУ О ПРОТОТЮРКСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКОВ МИРА

TO THE QUESTION OF THE PROTO-TURKIC ORIGIN OF THE LANGUAGES OF THE WORLD

Почему тюркоязычно население Земли в древности? В миллионы лет длившемся палеолите экономический взрыв произошёл в верхнем палеолите в урало-казахстанском регионе, благодаря яшмовому поясу, залегающему протяжённостью в 1200 км от г. Миаса вниз до Центрального Казахстана. Актюбинский яшмовый пояс протянулся с севера на юг от горы Вишнёвая до реки Шандаш на 75 км.

Эту яшму люди в верхнем палеолите научились расщеплять на микролиты (маленькие камни), которые имеют часто правильную геометрическую форму: трапеции, треугольника, ромба и т.д. и стороны их всегда скошены под одним и тем же углом. Из них, вставляя в пазы деревянных и костяных орудий, получали вкладышевые орудия труда в 60 раз производительнее прежних.

Именно здесь создана индустрия высоко совершеннейших пластинчатых микролитических вкладышевых орудий, изобретены впервые лук и стрелы, заложены основы для свершения неолитической революции: зарождения скотоводства, земледелия, изобретения керамики и т.д. Г. Н. Матюшин замечает: “По определению известных английских классиков археологии Гордона Чайльда и Грехэма Клар-

ка. те люди, которые делали такие микролиты, создали всю мировую цивилизацию” [Г.Н. Матюшин. У истоков цивилизации. М. 1992. С. 12].

Стоянка Мысовая (Башкирия) – один из древнейших многослойных памятников, содержит не только слои энеолита, неолита, мезолита, но и раннего и верхнего палеолита. Археологами обнаружены здесь не только остатки жилища и орудия неандертальского человека (120 тыс. до н.э.), но и орудия ашельского периода (1,76 млн.-150/120 тыс. до н.э.).

Уже в верхнем палеолите наблюдается продвижение племён с урало-казахстанского региона на запад, восток и юг. О продвижении их в западном направлении свидетельствует идентичность материальной культуры и пещерных рисунков на Южном Урале (Капова пещера), на юге Франции (стоянка Ла Мадлен, пещеры Фон де Гом, Ласко) и на севере Испании (Альтамир). Впервые это выявил О.Н. Бадер, исследователь Каповой пещеры.

О распространении верхнепалеолитической культуры в восточном направлении свидетельствует знаменитая стоянка Мальта в Западной Сибири, открытая в 1928 г. М.М. Герасимовым, и стоянка Буреть, открытая в 1936 г. А.П. Окладниковым в 25 км от Мальты. На стоянке Мальта обнаружен скелет мальчика, обладавшего Y-хромосомной гаплогруппой R, датирующейся 22800 лет. Исследование ДНК обитателей Каповой пещеры (межовская культура XIII-VIII вв. до н.э.) показало, что они обладали Y-хромосомными гаплогруппами R1a и R1b и митохондриальными гаплогруппами I5, M1 и U5. Межовская культура сформировалась на основе черкаскульской андронидной культуры лесного Урала и алексеевско-саргаринской культуры Казахстана в процессе продвижения андроновского населения.

Высокая концентрация данной гаплогруппы встречается у популяций башкир (бурзян, гайна и др.) – до 87 %. Башкирские варианты могут быть свидетельством исконной тюркской гаплогруппы. R1b у башкир Абзелиловского района – до 47 %. У башкир высокие показатели как M269, так и M73. На Алтае гаплогруппа R1b (субклад R1b-M73) – встречается у кумандинцев (алтайских кыпшаков) – 49 %. В Центральной Азии обнаружена, в частности, у следующих тюркских народов: у туркмен – 37 %, узбеков – 21,4 %, казахов (в основном, у кыпшаков – 47 %), уйгуров – 17,2 %, киргизов 1,9 %. В Киргизии у киргизов R1a1a – 65%, у казахов рода ошакты – 26,7 %, суан – 31,7 %, казахов рода Ходжа 3- 5 % и узбеков -18 %.

Носители гаплогруппы R1 являются распространителями генов светлой кожи, светлых и рыжих волос.

Археологические данные показывают, что в верхнем палеолите на Ближнем и Среднем Востоке наблюдается перерыв в развитии куль-

тур, регресс и уменьшение населения. Дж. Мелларт об этом пишет: “Несмотря на то, что нам малоизвестны природные условия Ближнего Востока в конце позднеледникового периода (X тыс. до н.э.), несомненно то, что можно считать, что климат в этой тёплой зоне был менее суровым, чем в Европе. Тем не менее, недавними исследованиями установлено наличие перерыва в заселении пещер горных районов Курдистана, Анатолии и Ливана, а также уменьшение численности населения между XXV и X тыс. до н.э. Возможно, что около начала X тыс. до н.э. некоторые районы Анатолии были охвачены местными оледенениями, но во время археологических исследований их следы не обнаружены” [Дж. Мелларт. Древние цивилизации Ближнего Востока. М. 1982. С. 18].

Как видим, Ближний и Средний Восток отставали в своём развитии, и культур верхнего палеолита фактически здесь не обнаружено, а значит, не была создана основа для возникновения последующих мезолитических, тем более, неолитических культур. Дж. Мелларт при этом подчеркивает, что протонеолитические культуры на Ближнем и Среднем Востоке создаются не автохтонным населением, а некими пришельцами с севера: “Около 12000 лет назад на Ближнем и Среднем Востоке обитали группы людей, хозяйство которых продолжало оставаться присваивающим. Появились в это время и новые орудия, например, кремневые микролиты, часто геометрической формы. Они, очевидно, вставлялись в костяные или деревянные основы, образуя составные орудия. Многочисленные мелкие наконечники указывают на то, что население пользовалось луком и стрелами – это было важным достижением в технике охоты. Только в одном пункте – в Зарзи, в горах Загроса, – найдены материалы, позволяющие говорить о приходе носителей этой культуры с севера – может быть, из русских степей, из-за Кавказа.

Далее к востоку, в пещерах Белт, Хоту у Каспия, в пещере Джебел в Западном Туркестане, найдена сходная мезолитическая культура” [Там же. С. 18].

Как видим, микролиты появились здесь на десятки тысяч лет позже. Существенным фактом является то, что в этих регионах верхнепалеолитические культуры не переросли в следующие стадии развития, ибо не было условий для их дальнейшего поступательного развития. Поэтому на Балканах и в Передней Азии орудия труда раннепалеолитического облика сохранились до позднего неолита. Как установлено наукой, то же наблюдается и в Юго-Восточной Азии, о чём в “Истории древнего мира” читаем: “В Юго-Восточной Азии не было верхнепалеолитических сменяющихся культур. Там вплоть до неолита существовали культуры раннепалеолитического облика” [Д.Г. Редер, Е.А. Черкасова. История древнего мира. Ч. I. М. 1970. С. 33].

Итак, экономический взрыв, начавшийся в верхнем палеолите, произошёл в урало-казахстанском регионе. Именно здесь свершилась неолитическая революция: одомашнены все виды домашних животных, возникло скотоводство и земледелие, изобретена керамика.

Индейцы. С XIX в. учёные обнаруживают в языке американских индейцев много лексических единиц, напоминающих тюркские слова. А в XX веке эти сходства были установлены по многим позициям, и учёными сделан вывод о том, что в языке американских индейцев следы тюркских языков сохранены очень чётко. Общее происхождение индейцев и тюрков установлено и на уровне ДНК.

О. Сулейменов в работе “Тюрки в доистории” показывает эти следы тюркизмов в языке американских индейцев: *кајак* – лодка, судно (майя), *кајук* – лодка (эск.), *кайык* (каз.) – лодка; *os* (майя) – три, *os* (*us, is*) (тюрк.) – три. **Тек (каз.) – происхождение, род, *tekti* (каз.) – породистый, родовитый.** Этот термин представлен в названиях многих американских индейских народов: *ацтек, сапотек, агуатек, хакальтек, оспантек* и др.

“Индейское слово ураган – шторм, тайфун, этимологизируется благодаря тюркским языкам: *ура* (тюрк.) – заверни, закрути, *ураган* (тюрк.) – закручивающийся. Вероятно, описание спиралевидного знака вихря. Слово родственно тюркским терминам, оставшимся в Евразии: *буган, бугаан* – буран, буря (*bur* – поверни, повороти, *буга* – сверли, крути, *буган, бугаан, руган* – сверлящий, крутящий). Отсюда и русское слово *пурга*” [О. Сулейменов. Тюрки в доистории. Алматы. 2002. С. 303].

Майя и инки восприняли у прототюрков также знак Солнца, его название и сам культ Юного Солнца. Тому свидетельство – некоторые убедительные доказательства: *кин* (майя) – солнце, *коп* (инки) – солнце, *Јас кин* (майя) – Юное Солнце, *јас* (майя) – юное (новое), зелёное, *јас* (др.-тюрк., каз.) – юное, зелёное.

“Тюркский словарь позволяет понять семантический переход «юное» (новое) – зелёное: *јас* – входит в группу слов, обозначающих весну; ср. *јас* – (кирг.) – весна, *јаз* (древнеуйг.) – весна. Весна – это “первая зелень”, “новая зелень” в северных широтах Евразии. Именно там слово обрело переносное значение – зелёное, т.е. весеннее. В Южной Америке в Гватемале, где обитали майя, – крае вечной зелени, такого семантического развития (весна – зелень) не произошло бы” [Там же. С. 304-305].

Исследователи отмечают, что миграция населения из Азии в Америку происходила в несколько этапов. Последняя миграция, видимо, происходила более 6 тысяч лет назад, и индейцы с тюрками больше не общались, ибо индейская цивилизация не знает колеса, плуга, железа и др. основных достижений тюрков.

Наличие следов развитого тюркского пласта в языке индейцев доказывает, что тюркский язык сформировался задолго до перехода предков индейцев на Американский материк.

Индейцы строили курганы и храмы с пирамидальным покрытием, подобно тюркским. Обнаружено много общего в традициях, обычаях, методах землепользования между тюркским народом и индейскими племенами. Очень схожи тюркские и индейские орнаменты. Как не поражаться тому, что одни и те же орнаменты до сегодняшнего дня украшают тюркские (ковры и паласы) и индейские изделия?!

Тюркоязычность андроновцев и саков. На основе культур каменного века и накопленных там навыков обработки камня в Центральном Казахстане зародилась и эпоха бронзы.

Выступая на конференции, посвящённой 110-летию М.П. Грязнова, В.А. Новоженов поясняет причину распространения культур эпохи бронзы из Казахстана: “В урало-казахстанских степях – ядре андроновской культурно-исторической общности – на рубеже III и II тыс. до н.э. (на рубеже V-IV тыс. до н.э. – Н.А.) возникает и активно распространяется мощная и мобильная андроновская цивилизация скотоводов. Они владели рядом прогрессивных для того времени навыков и инноваций, обеспечивавших им явное конкурентное преимущество во взаимоотношениях с известными оседлыми цивилизациями Старого Света. Среди важнейших революционных инноваций андроновцев – “протогорода” типа Синташты и Аркаима, а позднее – Кента, раскопки которых продемонстрировали развитые и осмысленные навыки фортификации, сырцового (глиняного) и каменного градостроительства и архитектуры. Развитие коневодства привело к изобретению персонального транспортного средства – легкой и маневренной пароконной колесницы. В настоящее время в урало-казахстанских степях уже раскопано более полусотни памятников с колесничной атрибутикой (Новоженов. 2011: 247–256). Андроновские могильники этого типа демонстрируют устойчивый и развитый культ коня, колесницы и их хронологический приоритет относительно других регионов Древнего мира, включая Китай, Египет и Хеттское царство (Епимахов и др. 2005). Обладание передовой металлургической технологией (изготовление бронзовых сосудов, втульчатых копий, мобильные способы бронзового литья) позволяло производить самые продвинутые для того времени типы вооружения. Перечисленные инновации обусловили монополию и технологическое превосходство андроновских кланов над их соседями и обеспечили им значительную территориальную экспансию. Представляется, что существование трансконтинентального транспортного коридора – “Великого оловянного пути” в течение всего III тыс. до н.э. (Черных, 2009) – есть ключ к сути этно-

культурных процессов в Великой степи” [Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. В. А. Новоженев (Казахстан, Караганда). Книга 2. СПб. 2012. С. 185].

Впервые наличие тюркских слов в шумерском языке высказал немецкий исследователь Хоммель. А развил эту тему Олжас Сулейменов.

А. Эванс, открывший минойскую и следующую крито-микенскую культуру, уже на 3-й день раскопок в своём дневнике запишет: «Исключительное явление – ничего греческого, ничего римского!» [Иллюстрированная энциклопедия. Всеобщая история. Религии мира. М. 2009. С. 168].

Ничего греческого потому, что эти культуры не греками создавались.

Отмечая близость отдалённых друг от друга по времени языков носителей этих культур и греческого языка, А Казанский замечает: «Нужно очень чётко разделять язык и культуру. После Микен греки в языковом отношении остались практически теми же, а в археологии – всё другое, ну никакой преемственности!» [Л.С. Клейн. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб. 2007. С. 69].

В археологии никакой преемственности потому, что не только неолитическую, крито-минойскую (начала II тыс. до н.э.) и крито-микенскую (XV-XIII вв. до н.э.) культуры, но и греческую (V-IV вв. до н.э.) культуру создавал периодически прибывавший сюда один и тот же прототюркский народ, отчего население в языковом отношении оставалось тем же.

Тюркоязычность андроновцев доказывает расшифровка крито-минойской и этрусской надписей А. Айзахметовым на основе современного казахского языка. Оказалось, что на острове Кипр (в Кафизине) минойская письменность употреблялась вплоть до III в. до н.э. Обнаружено 14 текстов, относящихся к VI-IV вв. до н.э., но сохранивших прежнее кипро-минойское состояние языка.

Вот отрывок из работы А. Айзахметова “Рождение тюркского мира”: “Раз гидронимы, топонимы, этнонимы и антропонимы древнего минойского мира поддаются осмыслению с точки зрения современного казахского языка, то почему бы к дешифровке, например, этеокипрского письма не подойти с позиции именно этого языка. Тем более, нам уже известна слоговая система минойской письменности, известны её знаки и их звучание. Возьмём для начала ту самую этеокипрскую надпись, в которой, по мнению А. Харсекина, *ana matorī* – это “город”, а *kerakertnuloše*, по мнению и А. Харсекина, и Э. Зиттига, является этеокипрским эквивалентом “благородный”.

Вот эта надпись: “a-na/ ma-to-ri/ u-mi-e-sa-i-mu-ku-la-i-la-sa-na/ -ri-si-to-no-se/ a-ra-to-va-na-ka-so-ko-o-se/ ke-ra-ke-re-tu-lo-se-ta-ka-na-ku”.

Мы не будем в данной надписи заменять или переставлять знаки, всё оставим, как оно есть. Только лишь произведём словораздел, чтобы были видны выделяемые слова, подлежащие пониманию с точки зрения современного казахского языка: “a-na-ma/ to-ri/ u-mi-e-sa-i/ tu-ku-la-i/ la-s/ a-na/ a-ri-si/ to-n/ o-se/ a-r/ a-to/ va-na/ ka-so/ ok/ o-ose/ ke-ra-k/ e-r/ e-t/ u-l/ o-se/ ta-k/ a-na/ k-u”. В казахском варианте это будет звучать так: “анама тори емес-ай макул кул лайлас ана ари-си тон ессе, ар ата пана касы ок ессе, кырак ер ет ул оссе, так ана ку”. В переводе это будет звучать так: “матери моей не царь, а глупый раб достоин, если её мать шубу кроит, а если в убежище праотца стрелы строгаются, сын в мускулах мужчиной растёт, трон, гоняйся за матерью”. Слово “кырак” в переводе с казахского – это “то, что собрано из кусков, лоскутков”. Дословный перевод словосочетания “kerak/ er/ et/ ul/ ose” будет “если в лоскутках (кусках) из мяса мужчин сын растёт”. По всей видимости, сочетание слов “kerak et” есть синоним современного казахского “булшук ет”, означающего в переводе – мускулы. Естественно, возникает вопрос: А почему “мать моя достойна не царя, а глупого раба, если её мать кроила шубу”? А потому, я думаю, это изречение появилось в ту эпоху развития человечества, когда возникли классовые различия и неравенство между родовыми общинами. Когда большее преимущество стали иметь те родовые общины, где больше внимания стали уделять военному делу, где стали цениться мужество и грубая сила мускулов. Те родовые общины, в которых ещё сохранялись традиции матриархата и во главе которых стояла женщина-мать, занимавшиеся, в основном, мирным трудом, становились зачастую порабощёнными более воинственной родовой общиной и оказывались на положении их рабов. Отсюда, наверное, казахская поговорка: “ана көрген тон пішер, әке көрген оқ жанар”, что в переводе означает: “видевший мать будет шубу кроить, видевший отца будет стрелы строгать” [А. Айзахметов. Рождение тюркского мира. Тараз. 2002. С. 278-279].

Минойский язык слово в слово оказался идентичен с современным казахским языком, относящимся к кипчакской группе тюркского языка. Шумерские и аккадские клинописные тексты расшифровал Таризэл Азертюрк, американский лингвист азербайджанского происхождения. Клинописные тексты состояли из 650 тюркских слогов. Свою книгу в 1300 страниц он назвал “Золотая книга Тюрка” или “Генезис Тюрка и Тюркского языка”.

Сенсацией стало открытие Галиной Шуке тюркского субстрата в латышском и русском языках. В постинге к труду Г. Шуке читаем: “Чудо современной европейской этимологии не менее удивительно, чем ходьба пешком по воде. Этимологические шоры ограничива-

ют горизонт латинским и греческим, как детьми Ноя, и далее идут звёздные реконструкции библейского типа, играющие роль лингвистических Адама и Евы. Русская этимология следует тому же примеру, останавливаясь на глубине славянской письменности, что-то около X в. В большинстве случаев флексивный характер европейских языков, а также различные индивидуальные местные наречия создают варианты, достаточно удалённые от основ необыкновенно жёстких тюркских корней, позволяющие подслеповатым и нелюбознательным не видеть явного субстрата. Этимологический карточный домик, однако, может быть легко потревожен невинным любознателем, и достаточно обнаружить один субстрат в одном европейском языке, чтобы обрушить всю европоцентристскую лингвистику. Там, где этимологические определения зависают в воздухе, как в случае с германской ветвью, пробелы могут быть заполнены субстратным тюркским языком, закрыв цепочку без изобретённых реконструкций. Это чудо может быть легко выполнено элементарно, убрав с глаз шоры. Вместо множества тупиков и фокусов мы проследим генетическое направление, и в одно мгновение этимология станет рациональной” [Галина Шуке. Были ли латыши тюрками? Феномен обнаружения тюркского субстрата Прибалтики. Даугавпилс. 2010. Постинг].

Разъяснение: ещё в начале XX в. этимологические пробелы германской ветви языков были заполнены тохарским субстратом, что доказывает общее происхождение германских и тюркских народов. С тех пор тохаров в науке ошибочно причислили к индоевропейцам.

Присутствие тюрков в регионе Прибалтики в доисторический период Галина Шуке доказывает на основе знаков, нанесённых ими на предметы быта. Она показывает наличие тюркского субстрата во всех классах слов: предки, божества, имена людей, символы, человек, земля, вода, дом, родители, праздники, части тела человека, предметы, действия, животные, растения, явления природы, абстрактные понятия и т.д. [Там же. С. 35-43].

Более того, не только в словах, но и в грамматике она находит следы влияния тюркского языка, о чём пишет: “В морфологии и синтаксисе латышского языка, так же, как и в его фонетике и словообразовании, отчётливо выявляется рудимент турецкой грамматики” [Там же. С. 40].

И разъясняет причину сохранения тюркского субстрата в латышском языке: “Развивавшийся на территории современной Латвии язык имел в своей основе именно турецкие корневые морфемы и аффиксы. Фонетический и грамматический строй современного латышского языка сохраняет рудименты языка – основы, того языка, на котором на новой территории вырос в конце концов новый язык, но язык, не

утративший связи с основой, на которой он вырос. Население, формировавшее этот язык, выделялось и выделяется тем, что традиционно сохраняло и сохраняет культ великих знаний, доставшийся ему в наследство вместе с языком – основой, знание астрономии и астрологии, природы и человека, ремесел и земледелия и пр. Население это отличалось тем, что оно трепетно сохраняло культ языческих традиций, обожествляя всё, что окружало человека. Это помогало человеку не только выжить, но и глубже постичь то, к чему он испытывал уважение и интерес” [Там же. С. 61].

И приходит к выводу: “Восстанавливая праиндоевропейский язык, учёные столкнулись с так называемой проблемой субстратной лексики. Анализируя субстратную лексику латышского и русского языков, мы приходим к выводу, что прибалтийский субстрат есть ни что иное, как тюркский язык, на котором росли и развивались латышский и русский языки, а следовательно, и другие балтийские и славянские языки, причём, каждый язык прошёл свой, неповторимый путь развития. Именно по этой причине поиск единого прабалтийского и единого праславянского языков не увенчался успехом. Прабалтийского и праславянского языков, которые тщетно пытаются восстановить, должно быть, в природе не существовало” [Там же. С. 65].

И заключает: “Бесконечное множество географических названий тюркской этимологии, которые мы находим не только на карте Европы, но и мира, как свидетельство того, что, вероятно, были времена, когда у человечества не было другого языка, и единственным языком людей мира был тюркский язык” [Там же. С. 17].

В 2017 г. группа ведущих палеогенетиков и др. специалистов ведущих исследовательских институтов США, Франции, Германии, России и Казахстана провели масштабное генетическое исследование. Их целью было изучить, связаны ли генетически друг с другом западные и восточные сакские племена, расселившиеся на территории в более 3500 км, имеют ли они общее происхождение и какие генетические отношения имеют с современными живыми популяциями. Для генетического анализа были взяты образцы материалов с Аржана-2, представителей тагарской культуры (Хакасия), с запада – причерноморских скифов и сарматов, а с юга Сибири (Алтай) – образцы от представителей пазырыкской культуры.

Результаты исследований опубликовал журнал “Nature Communications”. Было установлено: 1) скифская культура моложе сакской культуры и имеет восточноевразийское происхождение.

2) Происходил процесс смешения между западными и восточными евразийскими популяциями, который начался в более ранние периоды, до I тыс. до н.э., отчего оказалось, что носители ямной и андронов-

ской культур генетически неотличимы от афанасьевцев, культуры народов Алтае-Саянского региона. Это подразумевает, что носители андроновской культуры мигрировали не только в Европу, но и на восток, неся в эти регионы и свой язык.

3) Все анализы подтверждают гипотезу, что генетический состав скифов и саков – это смесь ямной, андроновской родословной и элементов Восточной Азии и Северной Сибири” [Там же].

4) Что касается наследия кочевников железного века, то современные человеческие популяции имеют тесное генетическое родство со скифскими группами и преимущественно расположены в непосредственной географической близости от выбранных захоронений, что свидетельствует о некоторой степени преемственности населения в исторические времена.

5) Современные потомки западных скифских групп находятся среди различных групп на Кавказе и в Средней Азии, в то время как сходство с восточно-скифскими более широко распространено, но почти исключительно среди тюркоязычных кочевых групп, особенно из кипчакской ветви тюркских народов”. [Unterländer, M., Palstra, F., Lazaridis, I. et al. Родословная, демография и потомки кочевников железного века Евразийской степи. Нац Коммуна 8, 14615 (2017). <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>].

То есть, сегодняшние тюркские народы проживают там же, где их предки: андроновцы и саки. И из всех современных народов евразийских степей по составу генофонда к сакам оказались близки только тюркоязычные народы, что опровергает евроцентристскую гипотезу об ираноязычности населения Великой Степи.

Ещё в письменном источнике шумеров зафиксировано, что “в те времена всё благочестивое человечество, вся вселенная говорило на одном языке и истину искренне восхваляло”. Огромные архивы Богазкёя (Малая Азия) и Эль-Амарны (Египет), относящиеся к XIV-XIII вв. до н.э., показали, что переписка между царями хетов, хурритов, египтян, ханаанов, ассирийцев, вавилонян велась на одном языке; в VIII-V вв. до н.э. (в новоассирийский и древнеперсидский периоды) арамейский (сакский) язык и арамейское (сакское) письмо стало средством общения для всего Переднего Востока, вплоть до Египта, Малой Азии и Индии; в последующие годы вся Вселенная вела богослужение на одном языке (кумранские, христианские, манихейские и турфанские религиозные тексты как по языку, так и по содержанию оказались идентичными, написанными на одном арамейском (тюркском) языке.

Если достаточно было найти один субстрат в одном европейском языке, чтобы разрушить этимологический карточный домик (искус-

ственно созданную индоевропейскую систему языков), то на сегодняшний день тюркский субстрат открыт в шумерском, этрусском, балтийском, русском и германском языках.

Список использованной литературы:

1. Г.Н. Матюшин. У истоков цивилизации. М. 1992.
2. Дж. Мелларт. Древние цивилизации Ближнего Востока. М. 1982.
3. Д.Г. Редер, Е.А. Черкасова. История древнего мира. Ч. I. М. 1970.
4. Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. В. А. Новоженев (Караганда, Казахстан). Книга 2. СПб. 2012.
5. Иллюстрированная энциклопедия. Всеобщая история. Религии мира. М. 2009.
6. Л.С. Клейн. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб. 2007.
7. А. Айзахметов. Рождение тюркского мира. Тараз. 2002.
8. Unterländer, M., Palstra, F., Lazaridis, I. et al. Родословная, демография и потомки кочевников железного века Евразийской степи. Нац Коммуна 8, 14615 (2017). <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>
9. Галина Шукке. Были ли латыши тюрками? Феномен обнаружения тюркского субстрата Прибалтики. Даугавпилс. 2010.

Сырым Олегович Саблин

*Научный сотрудник
Центрального государственного архива
научно-технической документации
Республики Казахстан*

Syrym Sablin

*Scientific researcher of the Central state archive
of scientific and technical documentation,
Republic of Kazakhstan*

**ПЕТРОГЛИФЫ КАЗАХСТАНА В ЛИЧНЫХ ФОНДАХ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ**

**PETROGLYPHS OF KAZAKHSTAN IN PERSONAL FUNDS
OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE
SCIENTIFIC AND TECHNICAL DOCUMENTATION**

Аннотация. В статье рассматривается коллекция копий наскальных рисунков петроглифов, хранящаяся в личном фонде Мариковского П.И. в ЦГА НТД РК. Данная коллекция была собрана Мариковским во время энтомологических экспедиций по территории центрального и юго-восточного Казахстана со второй половины XX века, в ней представлено несколько каталогов изображений нарисованных Мариковским, фотографии наскальных рисунков, иллюстрации к опубликованным произведениям и рукописям, а также коллекция копий, созданная Мариковским вручную на пластинах аргиллита. В коллекции представлено большое количество изображений животных, мифологических символов, картин отражающих сцены жизни древних людей.

Введение

Ввиду специфики архивных фондов личного происхождения в документах таких фондов откладываются самые разнообразные исторические источники, которые кардинально отличаются от основной сферы деятельности фондообразователя, в данном случае рассматривается личный фонд Мариковского Павла Иустиновича (1912-2008 гг.)

– доктора биологических наук (1950), профессора, члена Союза писателей Казахстана, действительного члена Международной академии информации (1995). Мариковский награжден орденом Красной Звезды (1945), Золотой Медалью Центрально-Азиатского географического общества «Полярная звезда» I степени (2007)

В большей степени он известен как энтомолог, писатель и популяризатор науки, который посвятил свою жизнь изучению природного мира насекомых Казахстана. Но помимо своей основной деятельности он также увлекался изучением наскальных рисунков петроглифов [1, с. 201-204.] [2, с. 1.].

В Центральном государственном архиве научно-технической документации хранятся документы Мариковского П.И.: рукописи, дневники, брошюры, заметки, фотографии, опубликованные статьи и др. Путешествуя по Казахстану, профессор зоологии Мариковский П.И. одновременно изучал наскальные рисунки, которые представляют большой интерес как для зоологической, так и исторической науки. При передаче документов личного архива Павла Иустиновича, наряду с другими документами была также представлена картотека копий наскальных рисунков, скопированных П.И. Мариковским в районах Центрального, Южного Казахстана и Жетысу за период с 1947 г. по 2005 г. (электронный и, частично, бумажный вариант) [2, с. 3.].

Коллекция рисунков пополнялась одновременно с исполнением непосредственных обязанностей зоолога-натуралиста во время продолжительных путешествий по территории центральных и южных районов Казахстана. Были посещены северные хребты Тянь-Шаня, Заилийского Алатау, Таласский, Киргизский и западные отроги Джунгарского Алатау, предгория Чу-Илийские гор Семиречья, а также к северу от них небольшие участки обширной пустыни Бетпақдала и полупустыни Сарыарка Центрального Казахстана.

В течение многолетних экспедиционных поездок по юго-востоку Казахстана П.И. Мариковский открыл и описал многочисленные рисунки в горах Чулак, Матай, Алтын-Эмель, Куянды, Катутау, Кульджабасы. Им просмотрено несколько десятков тысячи рисунков и часть из них Павел Иустинович перерисовал или сфотографировал [3, с. 9.].

Петроглифы

Наскальные рисунки, их еще называют петроглифами, можно разделить на две группы. Первые из них исполнены разноцветной глиной в пещерах и найдены в Африке, Франции, Приморском крае России и других местах. Они защищены от разрушающего влияния ветров, дождей, колебаний температуры и хорошо сохранены.

Вторая группа – наскальные рисунки, нанесенные на камнях выбивкой, гравировкой. Но и они, несмотря на, казалось бы, гарантированную сохранность, не вечны и постепенно разрушаются силами природной обстановки и человеком по равнодушию, незнанию.

подавляющее большинство рисунков загадочны, их очень трудно расшифровать. Отчасти эта трудность объясняется слабой их изученностью, а также еще потому, что они выбиты на одних и тех же камнях в разное время и разными народами, к тому же нередко наслаиваясь друг на друга [4, с. 9-10].

Рисунки наносили камнем. Способов нанесения рисунков было несколько. Первые наскальные рисунки были сделаны отколом камня. Впоследствии рисунки делали гравировкой, выстукивая на поверхности ударом инструмента.

Когда камнем пробивался поверхностный черный загар породы, получался яркий, далеко видный, хорошо различимый, почти белый рисунок. Из многих точечных ударов слагался силуэт или линия. Когда рисунок изготовлялся подчеркнуто большим размером, по-видимому, чтобы придать ему большую значимость, его поверхность иногда протиралась камнем, загар снимался и изображение становилось белым. Редкие и очень мелкие рисунки-миниатюры требовали точного удара и, вероятно, выбивались двумя камнями: один из них был резцом, другой – отбойником.

Обычная глубина рисунка не более миллиметра. По аккуратности исполнения, четкости линий и глубине выбивки рисунки значительно отличаются друг от друга, отражая умение рисовальщика, его терпение, трудолюбие и желание сделать свое творение более долговечным и выделяющимся среди других. Рисунки, принадлежащие мастерам-художникам, не столь уж и редки, всегда отличаются от тех, которые наносились неумелыми граверами [4, с. 13]

Первоначальными мотивами рисунков служили только изображения животных. Звери и птицы, особенно те, от которых зависело благополучие охотника, с наибольшей силой действовали на его мышление и воображение. Преимущественно звери и были сюжетом общения с окружающим миром, материальным, духовным, как в конкретном, так и в абстрактном представлении.

Искусство таких древних цивилизаций, как, например, Древний Египет, почти целиком было анималистическим. Постепенно развиваясь и усложняясь, оно приобретало отвлеченное и символическое значение, и впоследствии послужило основой письменности. Древние божества египетского пантеона воплощались в зверообразном облике барана, быка, коровы, льва, крокодила, шакала, коршуна, змеи, мухи, жука, скорпиона, то есть всего того, что человек видел в окружающей

его природе. Анималистические мотивы египтян звучали в древних обычаях поклонения животным, о чем сообщают древнегреческие географы Геродот и Страбон, путешествовавшие по Египту. То же мы видим и в наскальных рисунках Средней Азии. Здесь изображены обитатели гор, пустынь и степей этой территории: горные козлы, горные бараны, быки, лошади, барсы, гепарды, то есть вполне реальные существа [4, с. 11.].

Несмотря на многочисленность, рисунки на скалах, многие из них, однообразны и представляют собою одиночные изображения горного козла, горного барана, оленя и некоторых других животных. К тому же они нередко безыскусны, неумелы, грубоваты. И все же среди этого моря посредственности, попадаются находки, представляющие громаднейший интерес и значимость [3, с. 12.].

Каталог петроглифов в фонде Мариковского П.И.

Всего Мариковским было найдено и просмотрено около 60 тысяч наскальных рисунков. Из них перерисовано и отчасти сфотографировано более полутора тысяч [4, с. 9.].

За пятьдесят лет путешествий накопился большой материал, хранящийся в каталоге. Он содержит копии рисунков на двух тысячах каталожных карточек, многие из них сдвоенные. Копии рисунков снимались с наиболее интересных. На большинстве карточек умещалось до двадцати фигур, так что общее их число равно многим тысячам. И все же было бы грубой ошибкой полагать число найденных рисунков исчерпывающим для перечисленной территории, так как их в действительности в природе существует величайшее множество, для того чтобы запечатлеть более или менее подробно все потребуются несколько десятилетий поисков исследователей.[3, с. 9.]

На сегодняшний день данный каталог хранится в личном фонде Мариковского, картотека включает в себя 9 дел с № 98 по № 106 оп. 2. Ф. 113., в делах под №№ 101-102 собраны копии наскальных рисунков, общее количество карточек составляет 2005 листов [5, с. 14.].

Помимо каталогов представленных выше, изображения петроглифов также сохранились в качестве иллюстраций к опубликованным книгам: «Камни рассказывают», «Рисунки на скалах Южного и Центрального Казахстана», «По Семиречью». и не опубликованным рукописям: «Там где кончается Джунгарский Алатау», «Некрополь племени саков», «Пустыня пустынь», «От оазиса к оазису», «В стране каменных курганов», «Курганы с грядками».[5, с. 12.].

В своих работах Мариковский описал большое количество рисунков. В их числе изображения животных, которые сейчас не обитают на территории Казахстана и тех которые вымерли к данному моменту.

Им описано множество символов мифологического характера. В своих работах он дает толкование многим из них, описывая «лабиринты» на камнях, различные символы и изображения, которые, по его мнению, в разное время дополнялись другими художниками [3, с. 28-35. с. 38-41.].

Кроме нарисованных копий, в фонде имеются фотографии петроглифов, снятые Мариковским во время экспедиций. Но относительно общего количества рисунков они составляют малую часть, так как Мариковский считал что фотография не всегда правильно отражает текстуру рисунков и технику их исполнения.[5, с. 13-14.]

Рисунки послужили материалом для создания коллекции копий, которая включала 450 экспонатов, выбитых молотком на плиточных камнях аргиллита и алевролита в масштабе, уменьшенном примерно на одну треть натурального размера. На оборотной стороне каждого камня приклеена этикетка с подробным описанием сюжета рисунка, приблизительная датировка его создания и место находки. Часть этой коллекции была передана в архив ЦГА НТД РК внуком Мариковского, на нее была составлена опись № 5 в которую вошел 21 экспонат[4, с. 9.], [6, с. 2.].

Заключение

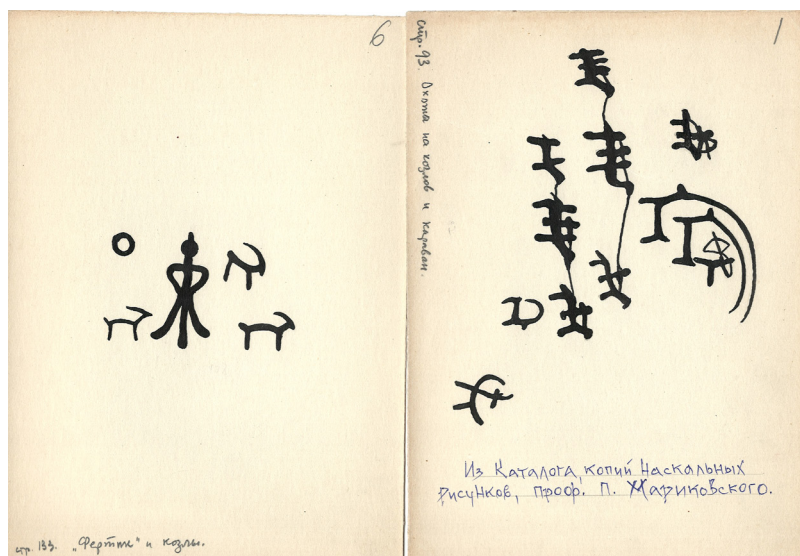
Ввиду того, что на сегодняшний день петроглифы до сих пор остаются мало изученной областью истории, а также учитывая тот факт что среди опубликованных трудов Мариковского представлена лишь малая часть рисунков из его каталога, документы его фонда требуют дальнейшего изучения специалистами в области археологии, антропологии и культурологии и могут представлять интерес для всех кто занимается изучением древней истории не только Казахстана, но и всего мира. Это величайшие памятники человеческой мысли. Эти наскальные изображения могут пролить свет на эпоху перед зарождением письменности. Благодаря любознательности и неравнодушию Мариковского множество петроглифических памятников по всей территории юго-восточного и центрального Казахстана до того практически не известные, были включены в пласт исторических источников. Таким образом, помимо урочища Тамгалы которое уже вошло в список всемирного наследия ЮНЕСКО, было описано и стало известно науке множество других мест на территории нашей страны, которые ждут своего исследователя.

Список использованной литературы

1. «Путеводитель по фондам Центрального государственного архива научно-технической документации (1885–2011 гг.) – Алматы, 2013. – 371 с.

2. ЦГА НТД РК. – Ф. 113. – Оп. 1 1935-1994 гг. 74 ед.хр.
3. Мариковский П.И.: Рисунки на скалах южных и центральных районов Казахстана.– Алматы: ОО «Общество историков и архивистов Алматинской области», 2004. – 213 с.
4. Мариковский П.И.: Камни рассказывают. – Алматы: «Credo», 1999. – 70с.
5. ЦГА НТД РК. – Ф. 113. – Оп. 2 1927-2016 гг. 156 ед.хр.
6. ЦГА НТД РК. – Ф. 113. – Оп. 5 1947-2005 гг. 21 ед.хр.

Приложение

Рисунок 1 – Каталог наскальных рисунков Мариковского.
ЦГА НТД РК Ф. 113. Оп. 2. Д. 74. ЛЛ. 1,6, 41-42.

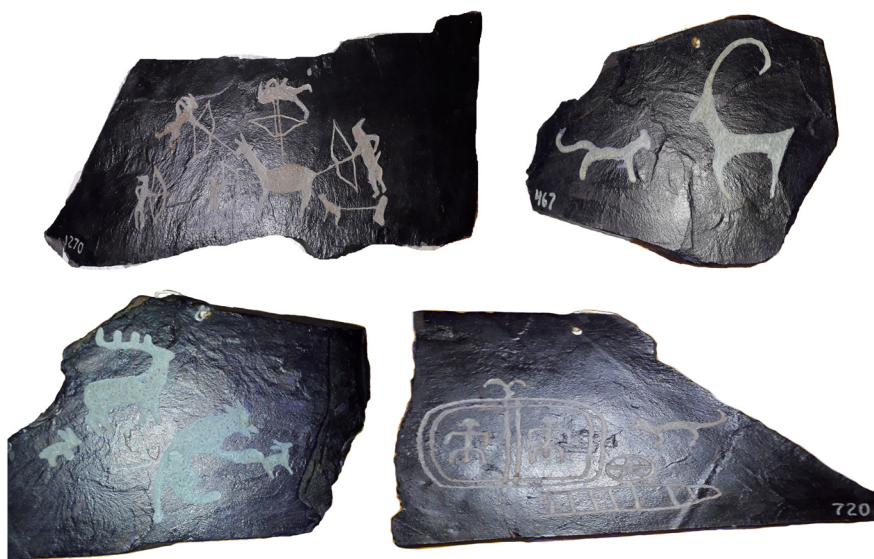
Рисунок 2 – Иллюстрации к рукописи Мариковского «Пустыня пустынь».
ЦГА НТД РК Ф. 113. Оп. 2. Д. 68. ЛЛ. 3-4.

Рисунок 3 – Из каталога копий наскальных рисунков Мариковского.
ЦГА НТД РК Ф. 113. Оп. 2. Д. 73 Л. 6.

Рисунок 4 – Из каталога копий наскальных рисунков Мариковского.
ЦГА НТД РК Ф. 113. Оп. 2. Д. 73 Л. 3.

Рисунок 5 – Из коллекции копий петроглифов выполненных Мариковским на аргиллите. ЦГА НТД РК Ф. 113. Оп. 5. Д. 10, 14, 15, 20

Маргарита Эмильевна Дубровина

*Доцент кафедры тюркской филологии
Санкт-Петербургского Государственного
университета*

Margarita Dubrovina

*Associate Professor of the Department
of Turkic Philology
St. Petersburg State University*

**СВЯЗЬ ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ
С ДРУГИМИ ОРИГИНАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ
ПИСЬМА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА**

**THE CONNECTION OF THE WRITING
OF THE ANCIENT TURKS WITH OTHER ORIGINAL
WRITING SYSTEMS OF THE ANCIENT EAST**

Тюркоязычные народы с глубокой древности оказывали значительное влияние на ход всемирной истории, внесли существенный вклад в развитие мировой цивилизации. Однако подлинная история тюркских народов еще не написана. Немало неясного остается в вопросе об их этногенезе, многие тюркские народы до сих пор не знают, когда и на основе каких этносов они образовались.

Кто такие тюрки? Каково их значение для истории человечества? Представляли ли древние тюркские племена созидательную или разрушительную для эволюции человеческого общества силу? Обладали ли эти этнические группы некими ментальными способностями, позволяющими говорить об их автохтонной значимости? Вот те насущные вопросы, которые беспокоят тюркское сообщество на современном этапе исторического развития. Однако ответить на эти вопросы зачастую мешают не столько отсутствие источников и информации, сколько препятствия политико-идеологического толка.

Тем не менее, в научной парадигме ответить на эти вопросы необходимо без спекуляций, идеологических передедгериваний и национальных искажений. Можно ли найти факты объективно доказывающие наличие созидательных способностей внутри определённого этноса? На наш взгляд, все этносы и народы имеют право на достойное существование и на своё место в истории и все народы так или иначе вносят свой вклад в мировую культуру, одной из составляющих которой является язык и письменность. Анализ тюркских языков, а также памятников древнего тюркского рунического письма могут позволить внести свою лепту в понимании тюркского этноса как одного из духовно-развитых народов древнего мира. Основанием для такого вывода могут служить факты рунической письменности, того, как она была устроена и, самое главное, свидетельства того, что это письмо не было заимствовано, как предполагает официальная наука, а являлось самостоятельным, оригинально созданным самими тюрками.

Рунические памятники древних тюрков имеют длительную историю изучения. Однако сейчас хочется задать вопрос, какую именно информацию мы можем извлечь из этих источников? Сами памятники обладают содержательной стороной, из которой исследователи различных направлений могут получить знания по различным составляющим материальной и духовной культуры тех древних народов, которые запечатлены в текстах. Опираясь на эти источники, ученые получают возможность узнать об исторических событиях, религиозных верованиях, обычаях, конкретных военных походах, о каких-то известных людях, живущих в те времена. Памятники предлагают также ценнейший лингвистический материал, на основании которого возможно выявить некие закономерности развития морфологии или синтаксиса, которые могут быть свойственны тюркским языкам, как языкам агглютинативного типа. Будучи самыми древними из имеющихся письменных источников, именно эти тексты показывают максимально древнюю из наглядно-проверяемых стадий тюркских языков, что позволяет подтвердить ряд тюркологических предположений в области общетюркской грамматики.

Но кроме содержательно-внутренней стороны орхоно-енисейские памятники обладают также и внешней графической стороной. По нашему мнению, на основании анализа и изучения внешней стороны письма древних тюрков можно нащупать связь этого этноса с живущими в предшествующие периоды истории. Связь эта не является прямой и доказательно-наглядной. Тем не менее, она вырисовывается по мере поступления новых данных и применения новых концептуальных подходов.

Руническую письменность возможно поставить в один ряд в самыми древнейшими письменностями Востока, с такими как: шумер-

ская и дальнейшие варианты клинописи Месопотамии, египетским, хеттским и китайским. Научная этика предписывает в случае с новым, еще малоизученным материалом в качестве ведущего метода прежде всего констатацию фактов. В своем сообщении мы также предпочтем констатацию некоторых объективно существующих в грамматологии фактов, надеясь на то, что в будущем эти факты получат достойное объяснение.

Чтобы доказать самостоятельность рунического письма, его необходимо сравнить с древнейшими письменностями Востока, автохтонность которых не вызывает особых возражений в среде ученых. Однако сравнение необходимо проводить не по внешней форме знаков, а по внутренним принципам и приемам, по которым устроено само написание знаков.

Общие элементы, обнаруживаемые в руническом письме, и в древнейших письменностях востока

1. Наличие знаков для слов – логограмм

В сравниваемых письменностях обнаруживаются знаки, которые возможно возникли еще в дописьменные для данных народов периоды. Такие знаки составляют рисуночный фонд рассматриваемых письменностей, показывая, что создатели этих знаков отталкивались от графических изображений предметов объективной действительности. В основном, такие знаки соотносились со звучанием слов, обозначающих самые конкретные и насущные предметы из окружающего мира: названия небесных тел (солнце, луна), названия орудий труда или оружия (лук, стрела, плуг, копье), обозначения значимых для общества людей (человек, царь, воин, мужчина, женщина), названия животных (бык, лошадь, птица, осел, рыба), названия частей тела (рука, нога, голова). [1, с. 75, 100] Также можно обратить внимание на то, что произношение этих слов было в основном однослоговым, типа

Для передачи слов конкретного значения (например, дом, человек, звезда, вода и т. д.) во всех логографических системах письма первоначально служили реалистические или схематические изображения тех предметов или явлений, которые обозначались данными словами. [2, с. 108].

Так, например, в египетском иероглифическом письме слово 'гора' передавалось изображением двух гор, между которыми пролегает долина; 'округ', 'область' – прямоугольником пахотной земли, разделенной оросительными каналами на равные участки; 'солнце' – кружком с точкой; 'вода' – зигзагообразными или волнистыми линиями и т. п. [2, с. 108].

Интересно, что, как в первых письменностях востока, таких как шумерская, египетская, хеттская и китайская, так и в древнетюркской письменности рисуночные знаки формировались по одним и тем же принципам. [1, с. 101; 2, с. 110-112].

Способствовал формированию логографии также однослоговой состав слов в языке (например, в древнекитайском, шумерском, отчасти в египетском), так как, если слово всегда или почти всегда совпадает со слогом, оно особенно легко выделяется из речи. С другой стороны, наличие в языке не только однослоговых, но и многослоговых слов способствовало последующему превращению однослоговых фонетических логограмм в слоговые знаки, применявшиеся для обозначения отдельных частей многослоговых слов.

Логограммы в рунической письменности древних тюрков:

at 'лошадь'

äb 'дом, юрта'

är 'воин, мужчина'

aj 'луна, месяц'

oq 'стрела'

iç 'пей'

äl 'рука'

у 'дерево'

yq 'веретено'

än 'спуск, склон'

ay 'сеть'

ant 'клятва'

art 'горный перевал'.

Необходимо отметить, что все объяснения по поводу рисуночных знаков и их прочтения даны в работе В.Г. Гузева. [3]

Необходимо сказать, что рунические знаки, точно так же, как и знаки других рассматриваемых древних письменностей представляют собой знак для одного слога или односложного слова включающей в себя как гласный, так и согласный звуки.

В каждом словесно-слоговом письме графемы имели определенную структуру, в какой-то письменности присутствовали знаки типа ta ti tu, где после ОПРЕДЕЛЕННОГО согласного обязательно шел ОПРЕДЕЛЕННЫЙ гласный, в каких-то письменностях мы встречаем знаки, в которых после ОПРЕДЕЛЕННОГО согласного мог стоять ЛЮБОЙ гласный и т.д. анализ показывает, что в древнетюркском письме, во-первых, структура знака была ГС, т.е. сначала шел гласный, после него только согласный, а во-вторых, чаще всего гласный был ОПРЕДЕЛЕННЫМ – в большинстве своем широким а/ä. Эти выводы обусловлены несколькими факторами. К утверждению о постановке гласного перед

согласным удается придти на основании практически регулярного неупотребления знака для гласного в начале слов, начинающихся с гласных. Видимо, наличие самостоятельного гласного в звучании графемы допускало такое написание. Кроме того, определить собственно саму гласную становится возможным благодаря изучению звучания рисуночных знаков – логограммам, прочтение которых соответствует звучанию слова, указывающего на предмет. Лишь в редких случаях, начальный гласный отличался от широкого и был узким, как например, при прочтении знака уq ‘веретено’, который исходя из названия предмета изначально имел узкий гласный. Именно логографической природой многих знаков можно объяснить наличие нескольких графем для передачи слога с согласным к. Так, знак oq, связанный со значением предмета ‘стрела’, чаще употреблялся для передачи слога с начальными гласными о/и, знак – соответственно для слогов, начинающихся с узких гласных у/і и т.д.

Рисунок 1 – Египетские изобразительные (первые две колонки) и изобразительно-схематические (третья колонка) логограммы, служившие для передачи слов конкретного значения логограмм слов сложного и абстрактного значения и собственных имен.

Древнее письмо	Позднейшее письмо	Название	Значение	Древнее письмо	Позднейшее письмо	Название	Значение
		жи	солнце			жэнь	человек
		шань	гора			коу	рот
		хо	огонь			му	глаз
		му	дерево			шан	наверху
		цюань	собака			ся	внизу
		ма	лошадь			чжун	средний
		юй	рыба			шэн	расти

Рисунок 2 – Китайские изобразительные и простейшие символические (последние четыре) логограммы.

Идентичные во всех оригинальных письменностях приемы для употребления логограмм в роли знаков для слогов

Все самостоятельно возникшие письменности использовали этот способ. Он становился необходимым для написания, прежде всего, имен собственных, когда не мог быть использован графический рисунок, изображающий какой-то предмет из окружающего мира. Имена собственные не соотносятся с чем-то конкретным, они имеют только фонетическое звучание, именно поэтому их сложно графически обозначить в словесном письме. В таких случаях любое автохтонное письмо шло одним и тем же путем, когда словесный знак или группа таких логографических знаков употреблялись посредством приема, именуемого ребус, для передачи географических названий или имен собственных. Сущность приема «ребус» заключалась в том, что в определенных написаниях содержательная сторона используемой логограммы не принималась в расчет, значимость же приобретало только звучание этого знака. Такое ребусное употребление логограмм позво-

лило им постепенно перейти в иное качество – превратиться в знаки для передачи не слова, а слога. Звучание оставалось неизменным, но знак стал отрываться от своего рисуночного характера и начинал восприниматься более абстрактно. Такой путь перехода словесных знаков в силлабограммы мы наблюдаем во всех естественно возникших древних письменностях. Точно такое же мы видим и при анализе текстов, написанных тюркским руническим письмом.

Как становится понятно из изложенного выше, автор статьи пытается войти в полемику с теми общеизвестными положениями, относительно происхождения древнетюркского рунического письма, согласно которым эта письменность является заимствованной и является консонантным алфавитом. Тем не менее, факты, рассмотренные в сообщении Руника не может быть консонантным буквенно-звуковым письмом, в котором каждый знак передает отдельный согласный звук, так как в науке, изучающей историю письма, среди сформулированных и ставших уже аксиоматичными законов обнаруживаем следующий, «развитие путем перехода от логографического письма к консонантному неизвестно и немыслимо в истории письма, и потому что единственным известным и засвидетельствованным в десятках разнообразных систем путем развития является путь от логографии к слоговому письму». Невозможность же признания рунического письма – алфавитом исключает возможность того, что это письмо было заимствовано, ведь согдийская письменность была именно буквенной. Сложно себе представить что тюрки заимствуя буквенное письмо, вдруг решили ввести в употребление слоговые и словесные знаки.

Таким образом, способность древних тюрков создать свое собственное письмо, что по нашему мнению, вполне доказательно продемонстрировано вышеприведенными фактами, ставит тюрков в один ряд с великими народами прошлого и говорит о том, что тюркский этнос имеет все основания входить в список народов мирового масштаба.

Список использованной литературы

1. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. Основы грамматики. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 368 с.
2. Истрин В.А. Развитие письма. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 395 с.
3. Гузев В.Г. Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // Востокведение. Филологические исследования. Вып. 24. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 24–33.

**Энкар Толымхановна
Какильбаева**
*Исполнительный директор
научно-исследовательского
лингвистического центра им.Олжаса
Сулейменова КазНУ им. Аль-Фараби*

Enkar Kakilbaeva
*Executive Director of the O.Suleimenov
Scientific Research Linguistic Centre
Al-Farabi University*

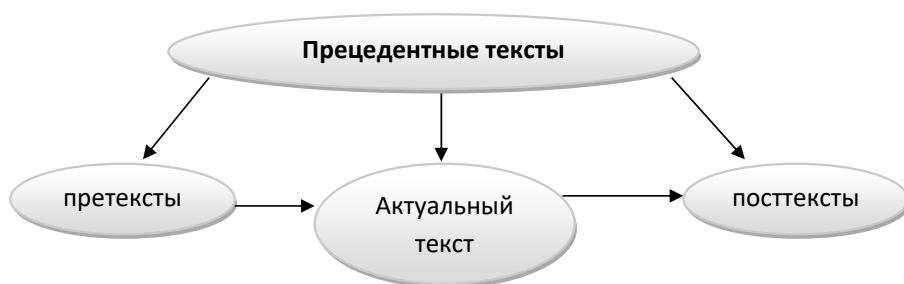
ГИПЕРТЕКСТОВЫЕ СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА ЛИРИКИ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

HYPertext STRATEGIES FOR THE ANALYSIS OF OLZHAS SULEIMENOV POETRY

Современный интернет как особое коммуникативное пространство рождает новые возможности сбора и обработки научной информации. При этом исследователь в качестве одного из представителей глобального информационного общества неизбежно становится виртуальным коммуникантом, человеком кликающим, представителем интерфейсной культуры. Включение его в систему массовой коммуникации меняет технику восприятия им информации. Мышление в результате глобальных информационных процессов по мнению Е.Е. Прониной, приобретает новые свойства как Net-мышление – сетевое мышление [1, 74-80]. Исследователь отмечает такие признаки Net-мышления, как гиперссылки, одновременно позволяющие глубже исследовать суть изучаемого вопроса, отдалиться от основной проблемы в ходе движения по маргинальным текстам; ассорти-композиция, в результате которой необходимое содержание рождается казалось бы из хаотичных разнообразных сведений; особый темпоритм, требующий лаконичности, краткости и своеобразная интерактивная стилистика, позволяющая исследователю определить свое отношение к проблеме.

Для понимания алгоритма действий гипертекста при интерпретации художественного текста, в данном случае лирического, необходимо обратиться к работам французского структуралиста и семиотика Ролана Барта, который воспринимает текст не линейно, а как «многомерное пространство», сотканное «из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [2, 388]. И, во-вторых, согласиться со структуралистами, которые считают, что в новых условиях существования текста автор утратил свои традиционные функции. «Автор не должен стоять за спиной у текста, – закончив свое дело, он должен удалиться и больше не маячить перед глазами. В идеале, завершив текст, автор должен исчезнуть раз и навсегда. Хороший автор – это мертвый автор» [3, 32]. Он создал текст, который гармонично включен в уже готовую гипертекстовую среду. Исследователь, используя гипертекстовые связи, выбирает нужную ему информацию и творит свой текст, в результате становится самостоятельным творцом текста.

Все вышесказанное возможно лишь при условии существования текста в виртуальной среде. В таком случае эффективно и оправданно при интерпретации текста обращение к гипертексту как мультимедийному средству. Гипертекст как один из действенных способов ассоциативного представления знаний в Интернете стирает границы между автором и читателем, постоянно обновляется, то есть не имеет традиционные начало и конец и в силу этого децентрализован и демократичен. Технологии гипертекста построены на принципе свободного выбора читателем последовательности прочтения текста. Сущность гипертекстовой стратегии можно представить следующим образом:

Актуальный текст представляет собой текст автора. Претексты необходимы читателю для понимания актуального текста. Посттексты – своеобразная реакция читателя на текст автора в виде собственного текста, то есть активное использование и передача полученных знаний. Но ведущую роль в понимании текста играют прецедентные тексты. Ю.Н. Караулов определяет этот вид текста как «значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях,

имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, 105]. Прецедентный текст вербализуется семиотически через ссылку, пересказ, цитату, намёк.

Справедливости ради нужно сказать, что такой нелинейный вид организации информации – далеко не новый способ представления знаний. Он использовался в средние века в религиозных текстах, которые содержат многочисленные сноски, ссылки, комментарии и комментарии на комментарии. Прежде всего, в Библии, где пронумерован каждый стих, а в начале каждой главы Библии мелким шрифтом имеется оглавление с указанием стиха, который может сопровождаться ссылками на другие стихи. То есть эту священную для христиан Книгу можно читать нелинейно, самостоятельно выбирать тот или иной алгоритм чтения по ссылкам в зависимости от возникших ассоциаций.

Другой образец гипертекста представлен в любом научном исследовании, в котором имеется большое число ссылок и сносок на источники, дающие возможность найти дополнительную информацию по изложенной теме. По аналогии с вышесказанным можно считать гипертекстом и культуру в целом (к примеру, в гипертекстовый образ культуры Казахстана будут включены исторические, архитектурные, литературные, музыкальные, религиозные и другие образы, обладающие иерархическими и равноправными текстовыми структурами), и творчество отдельного писателя или поэта.

Главное условие при применении гипертекстовых технологий, по нашему мнению, – анализируемый текст должен быть насыщен аллюзиями и реминисценциями. Мы считаем, что интертекстуальная природа лирики Олжаса Сулейменова позволяет широко использовать возможности электронного гипертекста. Гипертекстовое пространство его произведений рассчитано на активного читателя, который не потребляет готовую продукцию, а творит вместе с автором, развивает его мысли. И поскольку в гипертекстовой среде важен не только сам текст, но и вся совокупность альтернативных текстов, задаваемых комбинаторикой отдельных его фрагментов, то в гипертекстовом пространстве творчества О. Сулейменова каждый элемент представляет собой отрывок со сложной «драматургией», а значит, является потенциальным стимулом для реагирования и может породить другие тексты, связанные с ним не формально, а семантически [5, 552].

Такой подход к гипертексту позволяет нам рассмотреть многогранное творчество Олжаса Омаровича Сулейменова как единую гипертекстуальную систему, вписанную в контекст русской и казахской литературы рубежа второй половины XX – первых десятилетий XXI

веков. Интерпретация его разных по родо-видовой принадлежности и различных по композиционной структуре произведений как единого гипертекста возможна, с нашей точки зрения, благодаря существующим между его текстами неоспоримым связям, формируемым системой видимых и скрытых ссылок на события, исторических личностей, литературных героев. То есть, несмотря на разнохарактерность и разновременность его лирики и его исследований, посвященных истории тюркских и славянских языков, они представляют собой не разрозненные тексты одного автора, а единое идейно-семантическое пространство творчества Олжаса Сулейменова, организованное по принципу гипертекста.

Технологии гипертекста особенно действенны в процессе интерпретации интертекста в лирике Олжаса Сулейменова. Объектом анализа в данном докладе является одно из мало исследуемых стихотворений поэта «Декабристы». Гипертекстовая стратегия анализа позволяет рассмотреть этот текст казахского поэта во взаимодействии с русской культурой, увидеть бахтинские «знаки чужой смысловой позиции» [6, 113], то есть «прочитать» в тексте то, что образовалось «из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [7, 418].

«Декабристы» Олжаса Сулейменова посвящены Н. Ровенскому. Заглавие текста вызывает в нашей памяти информацию о трагической судьбе лучших людей России, которые 14 декабря 1825 года вышли на Сенатскую площадь с требованием сверженья самодержавия и отмены крепостного права. Посвящение содержит отсылку к известной в Казахстане исторической личности. Критик и литературовед Николай Степанович Ровенский большую часть своей творческой жизни посвятил казахской литературе, исследованию ее литературных связей и контактов, проблемам евразийства. Он писал об этом, по образному выражению В.В. Бадикова, «патетически приподнято и научно-эвристически».

Обращение Олжаса Сулейменова в стихотворении «Декабристы» к этому имени, думается, не случайно, оно позволяет поэту ввести читателя в мир русской истории и культуры. Сулейменовский сюжет глубоко интертекстуален, насквозь пронизан аллюзиями и отсылками к истории Петербурга как города музеев, декабристов, Пушкина и Гоголя. Отсылки чаще всего даны полупонамеком, неявно, приблизительно, с расчетом на догадку знающего читателя. Структура сюжета в данном лирическом тексте двучастная. В первой части представлен современный Сулейменову-поэту музейный город, где его внимание приковано к «тем церквям, где молчат исповедали», «крепостям и тюрьмам» («что может быть страшней тюрьмы пустой?»). Это город

для туристов, которых поэт осуждает как не знающих «ни обычаев табу, ни цен на памятники исторические» [8, 192]. По нашему разумению, на подтекстовом уровне этот сюжет имеет едва видимые параллели с целью отталкивания со Вступлением «Медного всадника» А.С. Пушкина, где град Петров показан во всей красе и величии. Сулейменовские подробности отдают петербургские улицы во власть полков самоуверенных туристов.

Гипертекст О. Сулейменова предполагает активного и обладающего знанием читателя, который понимает, о чем идет речь и далее строит свой сюжет. Ему понятна деталь «в тех церквах молчат исповедальни». Ю.М. Лотман писал: «Объем культурной памяти и ее состав значительно колеблется даже в пределах читательской аудитории одной эпохи. Поэтому цитата, особенно невыделенная, <...> создавая атмосферу намека, расчленяет читательскую аудиторию на группы по признаку «свой–чужие», «близкие–далекие», «понимающие–непонимающие». Текст приобретает характер интимности по принципу «кому надо, тот поймет». При этом весьма распространен случай двойной отсылки, что создает многоступенчатую систему приближения читателя к тексту: одни воспринимают текст как непосредственное выражение авторской мысли (наиболее «чужие»), другие понимают, что текст содержит намек, но не могут его дешифровать, третьи могут соотнести содержащуюся в тексте цитату с определенным внешним текстом и извлечь смыслы, вытекающие из этого сопоставления. И, наконец, четвертые знают специфическое употребление этой цитаты в тесном дружеском кружке, связанные с нею кружковые ассоциации, ее эмоционально-культурный ореол, домашнюю семантику» [9, 40].

Во второй части параллельно сулейменовскому сюжету в сознании читателя «всплывают» известные в русской литературе петербургские сюжеты. Вступление-зачин к сюжету обозначает при помощи перифраза основную сюжетную тему: «О, город – сын поэм и поздних бурь!». Это вступление к скрытому в тексте сюжету, апелляция к пушкинской поэме «Медный всадник» и гоголевским петербургским повестям. Лирический герой Сулейменова идет по пушкинско-гоголевскому Петербургу, где «воротников крахмальные ошейники //, манжеты, словно белые кандАлы, // под черными крылатыми шинелями». Облик столицы николаевской империи воссоздан через знаковые детали, которые отсылают нас к сюжетам гоголевских петербургских повестей, в первую очередь, к «Невскому проспекту». Вторая часть зачина «О, город – ... поздних бурь!» отсылает к Петрограду, деталь «и там, где вечно на приколе крейсер» напоминает об октябрьской революции 1917 года. Как видим, аллюзии возникают на уровне сюжета и тематики, актуализируют тему зимнего Петербурга и весен-

него Петрограда. А следующий мини-сюжет, заключенный в одной строке: «услышать: «Что-то новое воскрес!»», в подтексте содержит еще несколько ранее известных сюжетов, отсылает нас к мифологии, к гоголевскому «Носу», где необыкновенно-странное происшествие случилось 25 марта накануне Благовещенья, к блоковской поэме о революционном Петрограде. То есть, в сулейменовском тексте эти сюжеты присутствуют одновременно, воспринимаются в комплексе и существование одного не отменяет существования другого. Ассоциации, возникающие при чтении текста, данного в традиционной линейной последовательности, порождают дополнительные смыслы заключенной в тексте информации, что неизбежно ведет к расширению сюжетного поля как этого, так и любого стихотворения Олжаса Сулейменова, этому способствует гипертекст.

Поэт позволяет себе неожиданно оборвать заявленный сюжет, отойти от линейной логики его развития, вступает в диалог с читателем и слушателем. Сюжет в «Декабристах» фрагментарен, переход от одного мини-сюжета к другому произволен, зависит от авторской воли, поэтому и читатель может позволить себе вольно «переходить» от одного фрагмента к другому, погружаться в виртуальный мир героев, визуализировать пространство и время, пейзаж и события, происходящие в частном сюжете сулейменовского лирического текста. Вторая часть сюжета «Декабристов» построена по следующей схеме: в начале текста задана тема, далее идет импровизация на заданную тему – путешествие героя во времени и в пространстве Петербурга и Петрограда. Финал стихотворения – неожиданный, но в достаточной степени он оправдан и логически вытекает из логики развития темы о декабристах: «не быть прохожим на Сенатской // площади». Сулейменов подчеркивает свою причастность к их высокой миссии. Мотив «не быть прохожим» является логическим развитием темы лишних в жизни и творчестве самого поэта, мотива противопоставления поэта и толпы в его стихах и лирике русских поэтов 19 века. В сулейменовском стихотворении явного сюжета о декабристах нет, но они постоянно незримо присутствуют во всем повествовании и заявляют о себе в последних строках, создавая тем самым эффект обманутого ожидания.

Таким образом, приемы гипертекстовой технологии, использованные нами при интерпретации данного стихотворения Олжаса Сулейменова, позволяют сделать вывод о своеобразии его интертекстуальной природы. Текст «Декабристов» в условиях гипертекстовой среды можно представить как «сад расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес), т.е. как текст с множеством различных связей, ведущих к другим текстам,

и поэтому у читателя и исследователя есть возможность создания своего посттекста, своего пути прочтения.

Интертекстуальные отсылки к русской классике XIX-XX веков вписаны в безграничное пространство казахского поэта, пишущего на русском языке. А компьютерный гипертекст вследствие своей свободы позволяет переходить от одного текста к другому и обратно, использовать мультимедийные эффекты, демонстрировать одновременно текст и претексты, посттексты. То есть компьютерный гипертекст обнажает внутреннюю структуру интертекста, одновременно обнаруживает все цитаты, реминисценции и аллюзии в тексте и выявляет место поэта в общем литературном процессе и позволяет рассматривать лирику Олжаса Сулейменова в контексте поэтических традиций мировой литературы.

Гипертекстовые стратегии, представляющие любое его произведение как визуальное многомерное явление, рожают возможность читать его в любой последовательности. С одной стороны, это ведет к децентрализации исходного текста, потому что компьютерный гипертекст дает право одновременного сосуществования на экране компьютера исходного текста и других текстов, к которым направлены отсылки, но, с другой стороны, объективизирует и наглядно представляет сулейменовский интертекст, помогает исследователю увидеть всевозможные литературные отсылки к «чужому слову», первичному тексту, в роли которого чаще выступает родная литература и русская классика, восточная и западноевропейская поэзия. Сулейменовские реминисценции позволяют ему не буквально воспроизводить чужие структуры, а дают намек и отсылку на другие имена и тексты, служат средством организации лирического сюжета Олжаса Сулейменова и, с другой стороны, позволяют нам включить его и названных им поэтов в единое культурное пространство.

Список литературы:

1 Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика – М.: Прогресс: Универс, 1994 – 616 с.

2 Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – С. 413 – 423.

3 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 5-е изд., доп. – Киев: Next, 1994. – 511 с.

4 Какорина Е.В. СМИ и Интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 548 – 578.

5 Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МА-ПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105 – 126.

6 Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодернизма: Интернет как место обитания литературы // Новое литературное обозрение. – 1998.- № 32. – С. 29-47.

7 Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. -М.: Просвещение, 1988. – 352 с.

8 Пронина Е.Е. «Живой текст»: четыре стиливых признака Net-мышления // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 74-80.2

9 Сулейменов О. Декабристы // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С.192-193.

Игорь Владимирович Крупко

*PhD-докторант, научный сотрудник
Международного Центра сближения
культур под эгидой ЮНЕСКО*

Igor Krupko

*Doctoral student, Researcher
at the International Centre
for the Rapprochement of Cultures under
the auspices of UNESCO*

АБАЙ: ПОЭТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО

ABAI: POETICS OF INDIVIDUALITY

*Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я – человек с загадкой, помни это!
Когда умру, не стану ль я землей?[1]
Абай*

Нередко источником вдохновения для рождения текста становится притяжение пространства. Гравитация исследуемого предмета или фигуры бывает прямо пропорциональна ее исторической массе и обратно пропорциональна объему наших знаний о ней. Это определение как нельзя более справедливо для фигур, чья интеллектуальная биография становится судьбой нации – ее жизнеутверждающим кредо. В пантеоне исторической памяти Казахстана такую роль продолжает играть поэт и философ – Абай Кунанбаев. Его влияние на казахскую культуру и традицию письменной литературы последующих поколений – колоссально. Однако, несмотря на монументальность своего мемориального статуса, Абай продолжает волновать умы и вызывать неистовые споры, вершиной своей откровенности и откровений, вырываясь из степного рельефа книжной культуры современности.

Выходя в открытый космос интерпретаций, порожденных значимостью подобной фигуры, исследователь всегда рискует поддаться

искушению метанарратива и стать заложником широких всеобъяснительных моделей, надежных как сама смерть. Поэтому мне намного интереснее не магистральные, а маргинальные теории и методы, позволяющие сквозь бронзу вековых монументов неожиданно увидеть контуры уникального в универсальном и очевидном, свободу – в дидактике.

Существуют темы, на которые люди будут говорить вечно: любовь (эрос), политика (танатос) и Бог (тема, объединяющая две предыдущие). А разговор о Боге – это всегда повод рассказать о себе. Справедливо считаясь демиургом письменной традиции казахской литературы, Абай вызывает своих исследователей именно на такой разговор.

Например, поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов призывает читателей обратить внимание на социально-экономическое измерение абаевской прозы:

«..Абай – это учитель казахского народа, он знал больше, чем все его современники и видел дальше. Поэтому его слова, не только лирика, а именно «Қара сөз», проза, назидания, были хорошим уроком, подготавливающим наш народ к будущему... Второй урок: заниматься активным земледелием. Хватить кочевать, выращивайте зерно, учитесь жить дарами земли. Не смогли мы это выполнить. Увлеклись своим кочевничеством до упора, пока не настал этот час, 30-е годы, когда население кочевой степи чуть не вымерло. Они не послушались своего учителя – Абая. Вот почему мы собираемся сегодня и напоминаем об этом нынешним поколениям..» [2].

Был ли Абай учителем народа? Безусловно, но лишь после жизни. Как писал он в Первом слове: *«Как постичь науку, когда **не с кем** словом умным перемолвиться? Кому передать накопленные знания, у кого спросить то, чего не знаешь? Какая польза от того, что будешь сидеть в безлюдной степи, разложив холсты, с аршином в руке? Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда **нет рядом человека**, с кем можно поделиться радостью и печалью..» [3].* Олжас Сулейменов сам является для казахстанского народа и учителем, и проводником планетарного будущего. А историческая память, как известно, является лучшим способом напомнить о грядущем. Поэтому биография и философия образованного волостного управителя, разочаровавшегося в повседневности и удивительным образом ставшего главным казахским поэтом, обретает в изложении Олжаса Сулейменова эсхатологическое звучание.

На этом фоне резко контрастирует интерпретация Абая, предложенная Зауре Батаевой в статье «Загадка Абая: величайший неизвестный поэт Казахстана» [4], ставшей для казахстанцев в июле 2020 года главной дискуссионной темой (после пандемии). В своей статье автор

деконструирует биографический метанарратив Абая и, ориентируясь на деколониальный поворот, задается вопросом: «Кто был Абай?». Или еще радикальнее: «А был ли Абай?», приходя к выводу о том, что Абай – во многом плод советской национальной политики, нацеленной на изобретение фигур легитимности в истории республик СССР, а его тексты писались и переписывались многочисленными редакторами. Аргументируя свою позицию обширной доказательной базой и обращая к историкам «неудобные» вопросы, Зауре Батаева ставит важную проблему изобретения традиции и конструирования биографий, необходимую для казахстанской исторической науки и осмысления пантеона исторической памяти (что в западной историографии происходит уже много десятков лет). Однако эпистемологические корни ее работы совпадают с эмоциональными. Читая ее текст, создается ощущение, что автор изначально обижен на Абая и исходит из желания восстановить глаорифицированную традиционность, которую критиковал Абай (ведь не мог же он критиковать «своих»! а значит, все это – советская фальсификация, направленная на идеологическую седентаризацию казахов!). Однако возможно и другое прочтение попыток деконструкции Абая. В религиозных традициях разных конфессий воспроизводство сакрального знания и фигуры Бога происходит двумя путями: катафатическим и апофатическим, восходящим и нисходящим. И если катафатическая традиция заключается в познании Бога через утверждение того, чем он является, то апофатическое богословие (или негативная теология) – богословский метод, выражающий суть божественного путем последовательного отрицания всех возможных его определений как несоизмеримых ему, познанию Бога через понимание того, чем он не является. Другими словами, оба этих теологических метода представляют из себя сакрализацию с разных полюсов: апологетики и негативизма. В этом смысле подобное отношение к биографии характерно для главных фигур литературных традиций. Подобные теории существуют и в дискуссии вокруг Шекспира, авторство произведений которого приписывается всем его выдающимся современникам: от Кристофера Марло до британской королевы Елизаветы I (или Сократа, чья жизнь является во многом ролью в диалогах, отведенной ему его великим учеником – Платоном). Так или иначе, значительная часть аргументов Зауре Батаевой не выдерживает критики авторитетного исследователя истории Казахстана конца XIX – начала XX века – Томохико Уяма. Да и можно ли усомниться в реальности существования Абая, прочитав воспоминания его сына Турагула Кунанбаева, написанные об отце, спустя годы после его смерти: живые свидетельства памяти мудрого и незаурядного человека:

«Я вышел на улицу, стараясь скрыть свое состояние, От пива меня тошнило. Я решил спрятаться в темном углу двора... Отец оказался впереди меня. В ночных сумерках я не заметил его. Он застал меня во время рвоты и, приблизившись, сказал:

– Пиво – дурной напиток, действует на сердце. Постарайся очиститься хорошенько.

Еще был такой случай. Вместе с отцом нас пригласил в гости один наш приятель Бекбай сын Бауса. Он купил много хороших вин. Я стал отказываться, притворившись непьющим. Тогда отец сказал:

– Пей, но с умом...» [5]

И совсем иначе увидел и прочувствовал Абая известный культуролог Ауэзхан Кодар. В своем эссе «О философской прозе Абая» он помещает монологи «Қара сөз» в широкий историко-философский контекст, различая в одиночестве их автора истоки мышления и его экзистенциальных собеседников сквозь века: *«Но в данном случае нас интересует не Толстой, и не Ксенофонт, и не их связь с Абаем, а проникнутость последнего античной моделью философствования с его сократовской иронией и майевтикой, легко разрушающими кажущуюся незыблемость привычных представлений. Из прозаических текстов Абая явствует, что он в написании своих «Слов» руководствовался именно западными образцами, а не восточными с их бесконечной регламентацией очевидных вещей. Возьмите, к примеру «Кавус-наме» или «Кутадгу билиг» Юсуфа Балагунского. Они неспешны и монументальны, в них все должно предшествовать из предыдущего или готовить последующее, в них все, начиная с восхваления Аллаха и заканчивая самовосхвалением автора есть дань традиции, суть которой – в отрицании всего нового и нетрадиционного...» [6].* И завершает свое эмпатически точное погружение в мир Абая вопросом, возможно, обращая его и к самому себе: *«К какой ветви культуры относится казахский самородок – восточной или западной? К какому периоду истории его отнести – современному или...? Видимо, это тот случай, когда сама история не позволяет человеку состояться, рождая его на своей периферии и не пуская в мир равнодостойных» [6].*

Искусство – это зеркало. Именно поэтому взгляды трех перечисленных авторов на Абая устремлены на собственные автопортреты. Олжас Сулейменов узнает в нем пророка, Ауэзхан Кодар – исторический разрыв культур интеллектуального маргинала, а Зауре Батаева совершенно справедливо не видит в зеркале ничего.

Мотив избранного одиночества в жизнетворчестве Абая был вынужденным, оборачиваясь поэтикой индивидуального. Истоки ее и причины – универсальны. Индивидуальность в культуре рождалась, перефразируя Ницше, из духа трагедии коллективного. Как известно,

традиционная культура не ориентирована на создание нового индивидуального знания: в ней существует самодостаточный канон, являющийся источником легитимности, облеченный сакральной властью прошлого в настоящем. В традиционном типе культуры с доминирующими мифологическими мотивировками – образцами жизненных сценариев, данных предками и культурными героями, человек практически растворен как субъект, являясь одним из многочисленных воплощений группы – одной из красок коллективной картины мира. Ведь человеческий организм имманентно действует по сценарию стабилизирующей минимизации жизненных рисков и энергетических затрат, неизбежных при перманентном познании мира опытным путем. А в суровых условиях экономики выживания (например, в степи) единственным способом существования может быть только абсолютное слияние с коллективом, стирающее не только пространственные, но и временные границы между членами коллектива, воплощая вечный родовой хронотоп. Более того, многие архаические ритуалы при ближайшем рассмотрении представляют собой сакрализацию коллективной агрессии по отношению к индивиду – жертве, чья кровь была призвана скрепить коллектив – мотив, известный не только в древности, но и отраженный во многих произведениях культуры Нового времени (например, убийство Шатова в романе «Бесы» или принесение в жертву разъяренной толпе молодого переводчика Верещагина в «Войне и мире», запараллеленное с казнью Христа, которая, в свою очередь, была важным условием виктимного закрепления братских уз первохристиан).

И все же, индивидуальность родилась как в человеческой истории, так и в судьбе нашего героя. Я ставлю «Қара сөз» Абая в один ряд с культуuroобразующими текстами древнего мира: «Песнью Арфиста», «Разговором разочарованного со своим Ба» и «Книгой Экклезиаста». Все эти тексты объединяет одиночество, социальная смерть (за которой в традиционном обществе немедленно следовала смерть физическая) в архаическом мире вечного повторения и рождение индивида в истории. Добровольное изгнание из рая традиции в ад индивидуального выбора. Именно поэтому обозначенные тексты пронизывает лейтмотив смерти:

Тела исчезают, другие пребывают, так со времён предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того,

*как вы пойдете туда, куда
ушли они. Следуй своему
сердцу, пока ты живешь!
Следуй желанию его и
благу своему! Совершай
дела твои на земле по ве-
лению своего сердца и не
печалься до того, как при-
дёт к тебе день оплакива-
ния. Проводи день радост-
но, не унывай из-за этого.
Ведь никто не вернулся,
кто ушёл.*

*Песнь Арфиста (ок. XX
в. до н.э.) [7]*

Рисунок 1 – Рисунок арфиста из гробницы Нахта,
ок. 1422-1411 до н. э.

«Видишь, моё имя ненавистно..

Кому открыться мне сегодня?..

Мне смерть представляется ныне исходом из плена страданий..» [8]

Разговор Разочарованного со своим Ба (ок. XXI в. до н.э.)

Рисунок 2 – Фрагмент из Книги мёртвых с изображением крылатой
Ба и человека. Египетский музей в Милане (Италия)

*«Видел я все дела, что делаются под солнцем,
И вот – всё это тщета и ловля ветра..» [9]
Книга Экклезиаста (X-IV вв. до н.э.)*

*Я хоть и живу, живым себя не
считаю. Не знаю, от досады ли
на людей, от недовольства ли
собой, а может, и по какой иной
причине. Внешне жив, внутри все
мертво [3]*

*Абай. Слово 9-е (конец XIX-
начало XX вв. н.э.)*

Если вдуматься, становится очевидной монологическая природа этих текстов. К примеру, «Песнь Арфиста» – зауспокойная песнь того, кто остался один на этом свете (уникальность именно этого текста в том, что функция подобных традиций заключалась в оптимистическом путешествии души в загробный мир, а «Песнь» неожиданно совершает обратное). Ведь подлинное творчество – всегда монолог.

Разговор с собой, со своим Ба, со своей душой: *«Бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли. Если кто найдет в них нужное для себя слово, пусть перепишет или запомнит. Окажутся не нужными мои слова людям – останутся при мне. И нет у меня теперь иных забот» [3].*

Все эти тексты были написаны на разломе эпох, на краю осыпающейся культуры. Отсюда тревожное вопрошание будущего их авторами, не могущими вернуться в ставшее иллюзорным прошлое: *«Бағанағы мақтан, бағанағы қуанған, күлген сөздеріміз қайда?» (Куда сгнули наши былые восторги? Где наш радостный смех?) [3].* Эсхатологическая глубина этих текстов позволяет дойти в них до конца и заглянуть туда, где заканчивается жизнь и начинается искусство. В конечном итоге, именно размышления о смерти и неутешительный вывод о бесконечности жизни, но конечности ее форм во времени, вдохновил человека на создание метафизики, а затем – цивилизации.

Благодаря письменной культуре и литературе, человек совершил переход от безымянности к авторству. А с возникновением протого-

Рисунок 3 – Абай с сыновьями Акылбаем и Турагулом (фото 1896 г.)

родов, городов и началом урбанизации – к намеренному отделению от природы. Постепенно окружающий мир превращается в рамку человека, место, где разворачивается действие, в ландшафт, воплощающий его субъектный мир. Этот процесс никогда не был линейным, то исчезая, то снова возвращаясь, диалектически превращаясь в свою противоположность (например, в современную нам эпоху постмодерна, возводящую мимесис в ранг базового механизма культурогенеза, характеризуемого снижением ценности индивидуального знания и персоналистских стратегий философствования – эпоху после смерти автора).

С глубокой древности акт индивидуального творчества порождал своего творца, превращая его в демиурга: от первых рисунков животных на стенах пещер через изображения *действия* вокруг них – к первым знакам первого письма. Случайно вспыхнув на заре человечества, индивидуальный голос возвращался, смолкал и снова возникал в культуре, создавая новый логос. Одним из его воплощений был Абай – гений поэтики индивидуального:

*Я знаю, мне не стать Фирдоуси,
В вине Хайяма не смочить усы.
Не стать Саади – падишахом слова,
Но я другое ставлю на весы.*

*Мой скромн стих, в нем нет совсем красот,
Меджнун в слезах возлюбленной не ждет.
И Ясави в нем не зовет Мансура,
Мой стих – раздумий одиноких плод.*

*Он – исповедь из пустоши степей,
Где я в зверей цепляюсь как репей.
Где я пытаюсь перекасти-полю
Привить коренья горечи моей. [10]*

Список использованной литературы:

1. Кунанбаев А. Лирика. – Алма-Ата: Жалын, 1980. – 88 с.;
2. Сулейменов О.: Абай – учитель казахского народа / интервью Kazinform // https://www.inform.kz/ru/olzhas-suleymenov-abay-uchitel-kazahskogo-naroda_a3681762;
3. Кунанбаев А. Слова назидания. – Алматы: Алматы кітап, 2020 г. – 224 с.;
4. Батаева З. Загадка Абая: величайший неизвестный поэт Казахстана // Экспресс К https://expressk.kz/news/literatura/zagadka_abaya_velichayshiy_neizvestnyy_poet_kazakhstan_03-163315;
5. Кунанбаев Т. О моем отце (перевод с казахского М.Мырзагельдина) // <http://abai.kaznu.kz/rus/?p=36>;

6. Кодар А. Фарабианские мотивы в творчестве Абая. Журнал «Тамыр», №35, апрель-июнь 2013 г. // <http://tamyr.org/?p=1921>;
7. Песнь Арфиста. Перевод И.С. Кацнельсона и Ф.Л. Мендельсона // Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. М., 1958. С. 222–224.;
8. Тураев Б. А. Египетская литература. Т. 1. Исторический очерк древнеегипетской литературы. — С. 69.;
9. Книга Экклесиаста Дьяконов М. М., Дьяконов И. М. Избранные переводы. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985 // <http://psylib.org.ua/books/knekkle/index.htm>;
10. Кунанбаев А. Монолог (перевод Ауэзхана Кодара) // <http://tamyr.org/?p=2568>;

Светлана Викторовна Ананьева
*Заведующая отделом международных связей
и мировой литературы Института
литературы и искусства
имени М.О. Ауэзова МОН РК*

Svetlana Ananyeva
*Head of the International Relations Department
and World Literature M.O. Auezov
Institute of Literature and art MES RK*

АБАЙ КУНАНБАЕВ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

ABAI KUNANBAYEV IN THE MODERN WORLD LITERARY PROCESS

2020 год стал поистине международным Годом Абая! Мы вслед за Президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым видим свой гражданский долг в разъяснении и пропаганде «бесценного наследия поэта, потому что Абай является гением мирового масштаба. В этом суть концептуальной основы абаеведения. В настоящее время ведется конкретная, целенаправленная работа по введению произведений Абая в международный научный оборот. Его труды переведены на десять языков и готовы к изданию. Эти книги будут направлены в библиотеки и культурные центры ста стран» [1, с.1].

В «Сорок пятом слове» «Слов назиданий» великого поэта, мыслителя, просветителя Абая Кунанбаева читаем: «Мы сами не создаем науку. Мы познаем мир, который мы видим. Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, – тот мудрец, тот ученый, тот овладел миром» [2, с. 269].

Новые переводы поэзии и «Слов назиданий» великого Абая Кунанбаева не только популяризируют его творчество, но и обогащают национальные литературы, на язык которых переводятся. У переводного текста появляется все больше новых читателей в разных стра-

нах мира. Произведения Абая в последние годы зазвучали на многих иностранных языках. «Слова назидания» Абая переведены впервые с казахского языка на польский профессором Познаньского университета Х. Янковски.

Сто произведений Абая переведены на корейский язык. Поэтический сборник «Абай. Песни золотой юрты» [3], по мнению переводчика, автора комментариев и Предисловия Ким Бён Хака, стал открытым окном для корейских читателей, направленным на казахскую литературу. В сборник включены «Слова назидания», философская, пейзажная лирика, лирика скорби, восьмистишия и сатирическая поэзия Абая Кунанбаева. В книге, оформленной иллюстрациями художника Е. Сидоркина, произведения Абая публикуются на корейском и оригинал на казахском языках.

«Когда я читаю стихи Абая, переведенные на мой родной язык, я чувствую, – пишет Джонг Санг Джин, – аромат степи. В степи дует ветер, скачут кони, летают орлы, прелестные девушки поют, а природа цветет. И четко вижу образ Абая как мыслителя, мучающегося человека, просветителя, как страдающего от любви человека» [3, с.163]. О неугасающем интересе к поэзии Абая в России свидетельствуют переводы его стихотворений на русский язык собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Астраханской области и Республике Калмыкия, председателем Астраханского отделения Союза писателей России Юрием Щербаковым, лауреатом I Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна». Переводами двух стихотворений Абая «В нас пылкой юности костер...» и «Поэт витает в облаках» открывается книга Ю. Щербакова «Степное братство». Философские размышления Абая о смысле жизни и дороге степняков, о счастье, дружбе, мечте, о заветной поре справедливости и добра завершаются чеканными строками: «Иной дороги к счастью нет, Чем та, что указал поэт».

В книгу переводов с казахского и ногайского языков «На разбуженной земле» Ю. Щербаков включил 16 стихотворений Абая Кунанбаева, начиная с цикла о временах года: «Лето», «Осень», «Зима», «Весна».

Мы все – от солнца! Вижу наяву,
Как хорошо степи в его тепле.
Люблю, надеюсь, верю – тем живу
Весною на разбуженной земле!

Автор предисловия «Истоки поэтической реки» к книге переводов Ю. Щербакова секретарь Союза писателей Казахстана, поэт, переводчик Бахытжан Канапьянов пишет: «Исторически Казахстан и Астра-

хань веками связаны узами духовного родства и братства. Многие мотивы казахского фольклора вбирают свои истоки из этих легендарных земель, начиная от Доспамбет-жырау, далее через лиро-эпическую поэму «Кыз Жибек» ближе к нам, двадцать первому столетию, к прекрасному поэту Тулегену Айбергенову, чьи стихи переложил на язык Пушкина поэт и переводчик Юрий Щербаков.

Вблизи Астрахани есть и сакральное место – Малый Арал, где покоится прах хана Букея и могила-мавзолей его сподвижника, суфия, дервиша-пилигрима, святого Сеид-баба, проповедника философско-гуманистической линии Ислама, а рядом небольшой аул, где живут ногойцы, до последнего позвонка близкие по фольклору и языку казахскому народу. И уже в двадцать первом столетии в Кызыл жаре Астраханской области открыт культурно-мемориальный комплекс Курмангазы – на родине гениального композитора» [4, с.6]. Лейтмотив книги астраханского поэта и переводчика Ю. Щербакова – абаевские строки: «Домбра моя не ведает покоя...».

Новая книга переводов с казахского языка Ю. Щербакова «О, пламя слов родного языка!», изданная под эгидой Центра литературного перевода, созданного и успешно функционирующего в Астрахани, открывается переложениями на русский язык стихотворений Абая: «У слова есть великий падишах – Поэзия, так повелел Аллах!» [5, с.3]. «Будь милосерден и будь справедлив!», – призывает поэт. В его сердце, окровавленном, старом, на котором «целых сорок заплаток»,

любовь к человеку, как прежде, живет.

А, значит, на свете живу я не даром,

Хотя и не знает об этом народ...» [5, с.14].

Книга переводов Ю. Щербакова «О, пламя слов родного языка!» успешно презентована 7 февраля этого года в Минске в рамках VI Международного симпозиума литераторов «Писатель и время» и вызвала большой интерес не только у белорусских читателей, но и среди участников XXVII Минской Международной книжной выставки-ярмарки.

На стенде XXVII Минской Международной книжной выставки-ярмарки, посвященной 175-летию со дня рождения великого Абая, 6 февраля состоялась презентация поэтического сборника «Абай. Стэпавы прастор. Выбраныя вершы» [6]. Он открывается обращением к читателю «Мысляр, асветнік, гуманіст» Анатолия Смирнова: «Есть поэты, чьих земных дней достаточно, чтобы не только обессмертить свое имя, но и подарить бессмертие народу, которому принадлежат. У русских это Пушкин, у украинцев – Шевченко, у белорусов – Купа-

ла» [7, с.5]. Поэзия казахского мыслителя, просветителя и гуманиста Абая в их ряду. Абай Кунанбаев, как и Янка Купала, прожил всего 60 лет. Но своими литературными произведениями, шедеврами поднял казахскую литературу на новую ступень развития, обогатив мировой литературный процесс.

Бережно перелистываю страницы белорусского издания с трогательным автографом Миколы Метлицкого: «На память о встрече в родной Беларуси». Вспоминается выступление академика НАН Беларуси Владимира Гниломедова на юбилейной сессии НАН РК, посвященной 150-летию Абая. Известный белорусский литературовед сравнил стихотворения «Лето» Абая и «Лето» Янки Купалы. Фигуры красавиц и у Абая, и у Янки Купалы «взяты в динамическом повороте, на ходу, когда на них особенно приятно полюбоваться» [8, с.31]. В «Лете» казахского поэта речь идет о степных шелковых травах, пастбищах, табунах «тяжко дышащих кобылиц», у Купалы же – «стройно загоны бегут колосистые», хлебороб готовится к жатве». В. Гниломедов отметил созвучность «Слов назиданий» Абая и мудрых «Сказок жизни» Якуба Коласа. Просветительство Абая перекликается с просветительским началом Франтишека Богушевича.

Белорусский читатель имеет возможность прочитать Абая на родном языке, восхититься его поэзией. Перевод стихотворений Абая на белорусский язык настолько удачен, что стихи сами ложатся на музыку. Абай, благодаря блистательным переводам лауреата Государственной премии Республики Беларусь, поэта Миколы Метлицкого, зазвучав по-белорусски, идет в широкий белорусский мир, в европейский простор. В этом убежден известный общественный деятель Беларуси, член Правления союза писателей Республики Беларусь Александр Карлюкевич: «Абай важен не только своим оригинальным творчеством, но и самим образом жизни, художественной судьбой. Его «Гаклия» – и философия, и лирика, и гражданственность, публицистическое осмысление современности. Абай переводил на казахский язык А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, И.А. Бунина, русского классика, который только начинал свой путь в художественном осмыслении мироздания. А еще он переводил И.В. Гете, Г. Гейне. Писал музыку на свои лирические стихотворения» [9, с.6].

Завершая предисловие «Откуда мы пришли и куда путь свой вершим?..» к книге «Не ведая границ», включающей произведения писателей Беларуси и Казахстана, А. Карлюкевич благодарит Казахстан и казахскую литературу за мир новых открытий: «И когда в Беларуси, России, других краях и весях кто-то выберется в новую дорогу, в его дорожной котомке, в арсенале его духовного оружия непременно займут достойное место произведения писателей Казахстана» [9, с.6].

Из Берлина от известного переводчика и издателя Леонарда Кошута получено новое издание Абая на немецком языке «Abai. Zwanzig Gedichte» [10]. Книгу открывает дарственная надпись большого друга казахской литературы: «Светлане Ананьевой, послу Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова и рецензенту первого издания книги переводов Абая. С сердечным приветом, словами благодарности и наилучшими пожеланиями, Лео Кошут. Берлин. 2 июня 2019 года».

Опыт постижения Абая на немецком языке обогатился новой книгой. Важным фактом литературного сотрудничества Казахстана и Германии является перевод Абаем Кунанбаевым через Лермонтова гётевского «Wanderer's Nachtlied».

Истоки казахско-немецких литературных связей уходят в XIX век, но на протяжении всей их истории ни одно стихотворение Абая не было переведено на немецкий язык непосредственно с оригинала. Все имеющиеся переводы сделаны с русского. В серии «Kasachische Bibliothek» издательством «OenelVerlag» в 2007 году было осуществлено первое издание книги «Abai. Zwanzig Gedichte». Книга хранится в домашней библиотеке с автографом переводчика: «Светлане Ананьевой дружески, Лео Кошут». Опубликована одна из первых рецензий автора этих строк «Абая читают в Берлине» («Казахстанская правда». 4 января 2008 года). Благодаря Герольду Бельгеру, к этому времени мы не только были знакомы с Лео Кошутом лично, но и встречались в Алматы и в Берлине, в его уютной квартире в центре города и «святая святых» – в рабочем кабинете писателя.

Издание «Казахстанской библиотеки» на немецком языке осуществляется при поддержке Посольства Республики Казахстан в Германии. Открыли проект роман Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» (в блестящем переводе Аннелоре Ничке), увидевший свет в Берлине, в издательстве Дагиели, и роман Абиша Кекилбаева «Конец легенды». Изданы произведения Мухтара Ауэзова, Тахави Ахтанова, Олжаса Сулейменова, Герольда Бельгера, Мориса Симашко и др.

Первые переводы Абая на немецкий язык Л. Кошута, лауреата премии Казахского ПЕН-клуба (2003) за выдающийся вклад в пропаганду казахской литературы и развитие творческих взаимоконтактов, с предисловием Г. Бельгера появились в немецком журнале «die horen» (основанном еще в 1795 году Фридрихом Шиллером, но просуществовавшем тогда недолго). Интерес к творчеству Абая пробудился у Л. Кошута после прочтения романа-эпопеи М.О. Ауэзова «Путь Абая». В контексте сравнительного литературоведения важно обратить внимание на высказывание А. Карлюкевича, называющего в ряду своих учителей М.О. Ауэзова. Он пишет о востребованности казахской ли-

тературы в мире: «Давно прочитав «Путь Абая», сейчас перечитываю новый перевод великой эпопеи, осуществленный Анатолием Кимом. Энциклопедия казахской жизни – пожалуй, из тех книг казахской литературы, которые нельзя не прочитать, нельзя не осмыслить. Вот как раз этого всеобъемлющего представления о других народах, их своеобразии, отличительных чертах нам сегодня не хватает. Постигание себя, утверждение себя – это и открытие мира» [9, с.6].

От М.О. Ауэзова, его богатейшего творческого наследия у немецких и белорусских исследователей, издателей, переводчиков пробудился интерес к поэзии великого Абая. В весенний визит 2003 года Леонарда Кошута в Алматы Герольд Бельгер подарил своему другу в числе других книг «Buch der Worte» Абая с дружеской надписью: «Ну, должен же быть у казахстанца Лео Кошута Абай. Иначе Лео не поймет казахов, а Абай – Лео. А это было бы досадным недоразумением».

20 сентября 2003 года Герольд Карлович получил из Германии первый перевод стихотворения Абая «Ғашықтың тілі – тілсіз тіл» («Язык любви – язык без слов»), а Лео Кошут ждал «сурово и без скидок» написанных критических заметок по поводу первых попыток перевода. Они последовали незамедлительно: «Получилось мило, прочувствованно, адекватно. Дыхание, мелодика, ритм, размер вполне созвучны с оригиналом... Можно придраться к неполному созвучию рифм «gut» – «buch», «beherrscht» – «versperrt», но такова природа немецкого языка. На рифмы немецкий язык, в отличие от казахского, не очень-то богат, что признано многими немецкими поэтами».

Второе стихотворение Абая «Когда умру, не стану ли землей?», привлекшее внимание Л. Кошута, – сложное, исповедальное, программное, но переводчик успешно преодолел лексические, стилевые и версификационные преграды. При переводе «Тихой ночью при луне» Абая, лирической зарисовки с точными деталями кочевой жизни, запоминающимся пейзажем Л. Кошут следует за русским текстом Ю. Нейман старательно, бережно, аккуратно. В одном из писем к Г. Бельгеру Лео Кошут признается, что он, по матери – украинец, а по отцу – австриец, как «настоящий немец» хотел создать такой перевод, который бы немецкому читателю разрешил услышать Абая и по смыслу, и по форме... При всем стремлении к адекватности оригиналу должна была все же получиться поэзия и в немецком воспроизведении.

Герольд Бельгер неоднократно подчеркивал, что степь за многие века выработала свои поэтические каноны, свой эстетический вкус, свои прочные традиции, своеобразный культ устной речи, ритмизированной, с устойчивыми рифмами, густо перемешанной пословицами, поговорками, ловко или не очень сплетенной из псевдовозвышенных, мнимокрасивых словес. Абай сознательно разрушает эти каноны,

ломает сложившиеся традиции, отвергает былые, тысячекратно воспетые на все лады «восточные» темы, привносит в казахскую поэзию свежие краски, новые слова, насыщает их многозначным, глубинным смыслом.

Абая переводить трудно. «Поэзия переводится поэзией, судьба – судьбой, – высказывал точные наблюдения над переводом Г. Бельгер в исследовании «Властитель – слово». – Душа переливается в душу. И лишь так достигается высшая гармония».

Л. Кошутом переведено на немецкий язык 20 стихотворений Абая, созданных великим казахским поэтом-мыслителем в период с 1886 по 1902 годы. В немецком издании стихотворения Абая представлены на трех языках – казахском, немецком и русском. В процессе работы над переводами Абая Л. Кошут советовался с сотрудниками посольства Республики Казахстан в Германии, с известным специалистом в области художественного перевода Зигрид Клейнмихель и своей супругой Шарлоттой. Но главным соратником в процессе перевода Абая на немецкий язык был его друг и единомышленник Г. Бельгер. Переписка двух соратников и сподвижников – Г. Бельгера и Л. Кошута по проблемам перевода поэзии Абая на немецкий язык хранится в архиве Академии искусств Германии.

Очень трудно добиться соответствия в немецком варианте дыхания, мелодики, ритма и размера стиха оригиналу Абая. И только Л. Кошут сумел услышать оригинал, передать интонацию и близость лексики, настрой стихотворения.

В один из визитов Л. Кошута в Казахстан (всего их было – 8), в мае 2003 года Г. Бельгер познакомил своего друга из Германии с деятельностью нашего отдела – отдела аналитики и внешних литературных связей. Бережно хранится визитная карточка Leonharda Kossutha с надписью на русском языке: «Светлане Викторовне Ананьевой с уважением и с благодарностью за интересную книжку «Время – пространство – автор», Лео Кошут». На память о встрече Л. Кошут подарил свою книгу «Volk und Welt», в которой отражена его более чем 30-летняя деятельность в этом издательстве. Книга особенно ценна главой о Казахстане, краткими отчетами о немецких изданиях литературы из Казахстана, собственными публикациями ее автора произведений Олжаса Сулейменова и Герольда Бельгера, заметками о встречах с Абдижамилом Нурпеисовым, рецензиями на издания Мухтара Ауэзова, Тахави Ахтанова, Абиша Кекилбаева.

Новое издание двадцати стихотворений Абая Кунанбаева на немецком языке украшает портрет Абая, читающего книгу. На внутренних сторонах обложки даны портреты Л. Кошута и Г. Бельгера, краткие сведения о творчестве. Отличительной чертой берлинского издания

стала библиография статей, посвященных исследованию переводов произведений Абая на немецком языке, увидевших свет в Казахстане, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Вьетнаме, Германии, России. Это статьи, рецензии, информации, доклады на Международных научных конференциях Леонарда Кошута, Герольда Бельгера, Зигрид Клейнмихель, Вилли Бейтца, Бейбута Мамраева, Айнур Машаковой и автора этих строк. Новое берлинское издание завершает Послесловие Л. Кошута, благодаря личному вкладу которого Абай зазвучал на немецком языке, а поэтический сборник «Abai. Zwanzig Gedichte» дважды увидел свет в Германии. Л. Кошут пишет о своем пути к Абая.

Известный художник, поэт, переводчик Гао Ман (КНР) в стихотворении «Абая» рассказывает о казахском поэте как о поэте-философе, выступавшем за родной народ против порабощения, как о живом человеке, черпающем силы в природе, которую он так живописал в своих стихотворениях.

Твоя мечта – это справедливость,
доброта и красота.

Голос поэта разбудил степь. Но он ушел, оставив потомкам и всему человечеству «стихи, музыку и гаклия». Лучшая награда Абая – улыбающиеся свободные лица, ибо справедливость побеждает.

Абай, слышишь, как ветер
разносит твоё имя.
Как род людской живет
Думами о тебе.

Рукописный вариант стихотворения Гао Мана в авторском переводе на русский язык бережно хранит М.М. Ауэзов, дорожа личным знакомством с выдающимся китайским деятелем культуры и литературы.

Особо актуален в современном мире диалог культур и литератур. Директор Института грузинской литературы имени Шота Руставели Ирма Ратиани уверена в том, что «межлитературный диалог логично трансформируется в диалог межкультурный. Стремясь к благоденствию родных народов, Илья Чавчавадзе и Абай Кунанбаев осмысливали значение свободы, заботились о насаждении верных ориентиров, повышении национального самосознания, сохранении национальной культуры и языка» [11, с.101].

16 июля 2020 года «Слова назидания» Абая Кунанбаева презентованы в музее Тараса Шевченко в Каневе. Перевел философскую прозу А. Кунанбаева на украинский язык доктор филологических наук

Н. Васьков, подчеркнувший в своем выступлении на презентации новой книги А. Кунанбаева в Каневе, которую открыл Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Казахстан в Украине Д. Калетаев, патриотизм казахского поэта и ответственность за нацию. Директор музея Т. Шевченко И. Лиховой говорил о схожести творчества Абая и Кобзаря, о двух поэтах-мыслителях, совершивших революцию в сознании своих народов, призывая к саморазвитию, справедливости и милосердию.

Гений XIX века «говорит с нами категориями XXI века» [1, с.1]. Мировое литературное пространство продолжает обогащаться глубочайшими философскими идеями выдающегося поэта-интеллектуала Абая Кунанбаева, эстетикой его классического литературного текста, по-прежнему актуального и современного.

Литература

1. Токаев К. Абай – Рухани реформатор // Казахстанская правда. 10.08.2020. С.1.
2. Абай. «Свою судьбу от мира не таю...» / Отв. редактор А. Нурпеисов. – Алматы: Издательство «КРАМДС – Ахмет Яссауи» Казахского ПЕН-клуба, 1995. – 299 с.
3. Абай. Тандамалы өлендер. – Сеул: Интербукс, 2010. – 275 с.
4. Канапьянов Б. Истоки поэтической реки // Щербаков Ю. На разбуженной земле. – М.: ИД «Литературная газета», 2017. – С.3-5.
5. Щербаков Ю. О, пламя слов родного языка! – Астрахань, 2019. – 36 с.
6. Абай. Стэпавы прастор. Выбраныя вершы. – Мінск: Літаратура і Мас- тацтва, 2011. – 158 с.
7. Смирнов А.В. Мысляр, асветнік, гуманіст // Абай. Стэпавы прастор. Выбраныя вершы. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – С.5-6.
8. Гниломедов В. Абай Кунанбаев и белорусская литература // Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции. – Алматы: Эдебиет Әлемі, 2016. – С.29-33.
9. Карлюкевич А. «Откуда мы пришли и куда путь свой вершим?..» // Не ведая границ. – Минск: ИД «Звезда», 2013. – С.5-6.
10. Abai. Zwanzig Gedichte. – Berlin: NORA Verlagsgemeinschaft, 2019. – 147 p.
11. Ратиани И. Илья Чавчавадзе и Абай Кунанбаев // Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции /Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Эдебиет Әлемі, 2016. – С.100-102.

Николай Степанович Васькив

*Профессор Киевского университета
имени Бориса Гринченко*

Mykola Vas'kiv

Professor, Borys Grinchenko Kyiv University

**ЛИТЕРАТУРА КАК НЕСКОНЧАЕМОЕ РЕЧЬ-ОБЩЕНИЕ
В ТЕОРИИ И ТВОРЧЕСКОЙ «ПРАКТИКЕ»
ВЯЧЕСЛАВА МЕДВИДЯ**

**LITERATURE AS ENDLESS SPEECH-COMMUNICATION
IN THEORY AND CREATIVE PRACTICE
BY VYACHESLAV MEDVID**

Замысел романа Вячеслава Медвидя «Кровь по соломе», удостоенного самой высокой в Украине Национальной премии им. Т.Г. Шевченко (2003), вынашивался долго, осмысление его структуры и «наполнения» годами происходили параллельно с процессом написания его частей. Первые фрагменты романа были опубликованы в 1994 году (№ 1 журнала «Золотые Ворота»), завершённое произведение было напечатано в 2001-м (Львов : Кальвария. 400 с.). Но начало этого эпически широкого произведения приходится на более ранний период, возможно, даже не на 1988 год, когда «в доме творчества в Дубултах (Латвия)» за 20 дней В. Медвидь написал «чуть более тридцати страниц – неслышанный до сих пор для меня объем» [4, с. 58]. После этого писатель периодически «забывал» о романе и возвращался к нему опять, дополняя его новыми фрагментами и частями. Так постепенно формировался текстовый корпус романа «Кровь по соломе».

Но до этого было и стремление идти дальше в творческом росте, не останавливаясь на выработанном в сборниках рассказов «Разговор»

и «Заманка» собственном стиле, по-ремесленнически каждый раз воссоздавая то, что, как чувствовал сам писатель, было сильным, оригинальным и весомым в тогдашней украинской литературе. Стремление роста, изменений проявилось и в постижении более крупных по объему эпических форм. В далеком прицеле виделся роман-эпопея, который на более высоком уровне обобщил бы предыдущие достижения, дал бы панорамную картину не столько украинского села XX века, сколько украинского бытия минувшего века, а заодно – трансцендентного бытия украинцев, историософии украинского прошлого, современности и будущего.

Об этом еще до первых упоминаний о «Крови по соломе» сам В. Медвидь писал так: «Заметил, что очень легко переступить черту, когда написание рассказов становится ремеслом и мы уже не чувствуем потребности в новых открытиях себя и мира; мы просто описываем то, что знаем; возможно, страх привычки вынудил меня взяться к вещам большим; Заманка; а потом на протяжении нескольких лет писать краткие романы, которые романами так и не стали <...>» [6, с. 52]. Но большой роман, возможно, роман «всей жизни», после двух знаковых и одновременно «подготовительных» («Тайное сватанье» и «Собиратели камней»), все-таки был завершен.

Многие украинские читатели-интеллектуалы считали за необходимое приобрести книгу В. Медвидя «Кровь по соломе», хотя значительная их часть так и не сподобилась полностью прочитать текст романа. Объясняют они это сложностью наррации, запутанностью сюжетных и бессюжетных перипетий, невозможностью четко разграничить «голоса» персонажей и т. д. Чтобы все-таки упорядочить рецепционные читательские недоразумения, лучше всего, кажется, обратиться к эссеистике самого писателя. Вячеслав Медвидь считает собственным творческим поражением, если в тексте своих произведений будет прибегать к объяснениям или самообъяснениям, эссеистическим или, тем более, публицистическим вкраплениям. Должно быть только изображение, вос-создание, без каких-либо намеков на самоинтерпретацию в произведении. Однако писатель становится прекрасным интерпретатором собственных текстов, собственного видения художественного творчества, истории украинской и мировой литературы, перспектив ее развития, собственного места в этой истории в эссеистических текстах, «вне» художественных произведений. Касается это и размышлений В. Медвидя относительно его «Крови по соломе».

Можно в эссеистике писателя также найти и авторскую трактовку нарративных особенностей «Крови по соломе». Во-первых, читателей впечатляло большое количество текста без каких-либо конкретных,

тем более – значимых событий. Создается впечатление, что персонажи ведут какие-то долгие бессодержательные или малосодержательные разговоры, пересказывают какие-то мелочи, повторяют повседневные слова, повседневные мелкие дела, которые и делами назвать сложно. Или же рассказывают собственные или чужие биографии, которые сводятся преимущественно к обыденным фактам жизни, которые так или иначе повторялись в биографиях многих других односельчан или не-односельчан, а между этими обыденными фактами скрывались незаметно события эпохальные, индивидуальные трагедии, однако упоминались они «по касательной», отдельными деталями, как «общее место», хорошо известное реальным и представляемым читателям.

Однако именно такой эпос – бессобытийный, описательный – Вячеслав Медвидь считал настоящим эпосом, наивысшим проявлением мастерства, стилистического совершенства, наивысшим уровнем мимезиса, реализма. «Классики иногда раздражают нашествием прозаписи, хитроумным сюжетным плутовством, и так мало бессюжетных бессобытийных страниц, составляющих истинную правду» [6, с. 288]. Это о «Моби Дике» Г. Мелвилла, но и о своих романах также, прежде всего – о «Крови по соломе». Именно в воспроизведении повседневности без видимых, значительных изменений, в сведенных к привычке действиях и словах открывается настоящая сущность человеческого бытия.

Поэтому В. Медвидь создает собственный канон эпической, романной классики, который существенно расходится с общепринятым. В него, кроме уже упомянутого Германа Мелвилла, входил и прозаик, которого почти никогда не упоминали среди самых известных и популярных романистов, только во втором-третьем десятке (может, потому, что представлял «малую» исландскую литературу), – Халдор Лакснесс. В. Медвидь соглашается с мыслью Дж. Голсуорси о том, что для писателя очень важно иметь собственное мировоззрение и что формируется оно после тридцати лет, но настаивает: не менее важно умение излагать в развернутых деталях интересный или «неинтересный» материал (сейчас это называется умением сторителлинга). «Но, знать, есть еще какой-то вершинный уровень, над-мировоззренческий. Знать и то, где искать такие откровения. Вот через силу одолеешь Лакснессов эпос Самостоятельные люди, как и каждый длительный до изнеможения прозаический пласт, и аж вконец заплачешь. Не веришь, и по каком-то времени вороватохватишься к этим страницам – опять задушит до слез <...> Величественный эпос непокоренности человека среди исландского диковатого пейзажа <...>» [6, с. 277]. Обстоятельное, обложенное мелкими деталями, будто «отстраненное»,

«безэмоциональное» изображение вызывает глубокую взволнованность, настоящий душевный катарсис. Что-то похожее стремится достичь Вячеслав Медвидь в «Крови по соломе».

Во-вторых, для писателя было очень важным воспроизвести народное умение «сторителлинга». Тут обращаемся к такому важному для В. Медвидя понятию – «разговор»: «в селе разговор обязательно имеет скрытую философию; то о ком-то там, то ли он добрый или плохой <...> также можно увидеть, каков и тот, кто разговаривает; разговор в украинцев свелся на нет; что засорен, это такое, что культура речи утрачена, еще так-сяк, что словарь обеднел, еще не горе большое, но вот то, что мнутя, чешутся, руками больше показывают, по полслова выговаривают, наверстывая отсутствие нужных слов или и бранью сдобрив, или мычанием, или эканьем; <...> редко теперь услышишь обустроенный, необрывистый, неспешный разговор; а там уже думай, как знаешь; или что народа нет, так нет и языка, или что нет языка, так нет и народа» [6, с. 51–52]. Значит, непринужденный рассказ персонажей является своеобразным мериллом целостности крестьянского мира и крестьянского мировоззрения, шире – украинского этноса, истоки которого – в селе и органической связи с украинским языком, которая реализуется в разговорах-монологих или разговорах-диалогах, полилогах, каждый из них является отдельной историей, отдельным текстом, произведением. Сюжет может быть отсутствующим или пунктирным, но связным текстом их делает нарративная последовательность, искусность. Поэтому едва ли не главными образами в «Крови по соломе» становятся образы разговора, самоценного в своем развертывании, протекании. Соединяясь, переплетаясь, разговоры создают единый невероятно развернутый нарратив Кодни, украинского села, этноса XX века и даже нескольких веков.

На этом своеобразии романа В. Медвидя, которое не воспринимается часто читателями, акцентировал внимание Павел Загребельный: «Когда-то я где-то сказал или написал о нем (о В. Медвиде, по образованию и первой профессии – библиотекаре. – Н.В.): “Библиотекарь, пишущий без начала и конца” <...> Медвидь с тех пор не может выбраться на волю из лабиринтов описанной аргентинцем Борхесом всемирной библиотеки <...> Действительно, какая-то словесная замороченность, такой себе Семюэль Беккет с его Моллоем (и Нобелевской премией!), но Медвидь “переплывает” даже Беккета, ибо не дает, как тот в своих писаниях, никакого передыха читателю и немедленно после “дерева” запускает в наше сознание похожие пассажи о песке, тогда о смерти, тогда о нашем военном и послевоенном, тогда... Конечно, Медвидь может сказать, что это не он, а герой его книги Юрка-философ, но никакого (живого) Юрки здесь нет, как вообще нет так назы-

ваемых героев во крови и плоти, а есть только их слова, написанные Вячеславом Медвидем, который господствует и властвует на всех 400 страницах этой почти сумасшедшей книги (без начала и конца – как я угадал 25 лет тому назад!), заполняет все страницы беспорядочной, почти артикулированной речью (The Sound and the Fury Фолкнера), раздражает, эпатирует, издевается и насмехается над нами, бросает в наши насиженные гнезда шипы, колючки, ежей и гадье, зажженные головешки и новейшие взрывные устройства... Кто это вытерпит, кто простит, кому это может понравиться? А мне нравится...» [1, с. 79–80]. Значит, то, что не воспринимает большинство читателей, для Загребельного становилось одной из самых больших добродетелей «Крови по соломе». Однако укажем, что и за четверть века до этой цитаты, и во время ее провозглашения (2004 год) старший классик так и не сумел принять «бессюжетность», отсутствие «сверхзадания», четких сюжетных элементов в прозе В. Медвидя.

В первой изданной книге произведений, сборнике рассказов «Разговор» (1981), Вячеслав Медвидь предстал зрелым мастером украинской прозы, с ее публикацией о писателе сразу заговорили как о знаковом явлении, о больших ее перспективах («Своей книгой рассказов “Разговор” Вячеслав Медвидь входит в литературу порывисто, как и должно молодому писателю, входит со своей темой, своими творческими наставлениями» [8]). Немало признанных к тому времени литераторов и критиков давали высокую оценку сборнику, указывали как на продолжение лучших традиций украинской литературы, так и ее несомненное новаторство, прежде всего – нарративное, стилистическое и в сюжетостроении. «В. Медвидь пытается осторожно обойти традиционные образно-стилистические формулы новеллистического характеростроения. Читаешь его рассказы – и будто спотыкаешься, сколько он понаставлял уточнений, двоеточий, скобок. Будто вынуждает не торопиться, не увлекаться сюжетом, не надеяться на появление метафорических пространностей, среди которых можно было бы убаюкать нашу сентиментальную душу. Это своеобразный “тихий бунт” против нашей сентиментально-патетической иногда псевдофилософской величавости» [3]. Очень высокую оценку первому сборнику рассказов В. Медвидя давали многие признанные на то время авторитетные литературоведы и критики.

Правда, в каждой хвалебной рецензии, оценке почти всегда были определенные предостережения, критические нотки, иногда достаточно острые. Почти исключительно негативной была первая оценка произведений Вячеслава Медвидя со стороны Игоря Михайлина [7], определенное «непонимание» прозвучало в статье Галины Гордасевич [2] и т. д. Так у многих критиков, литераторов, мягко говоря, не-

понимание вызывали «отсутствие» тенденции, выстраивание сюжета вокруг определенного конфликта, «отсутствие» доминирования единственной проблемы в произведениях «малой прозы» В. Медвидя. В его рассказах «разговоры вполне жизненные: долгие многословные, со многочисленными “отскоками” от основной темы, со своей манерой высказываться у каждого собеседника <...> Но читаешь этот разговор до конца, и тут возникает неминуемый вопрос: вот это все? Для чего меня заставили быть свидетелем этого разговора? Что я из него вынесла, что изменилось бы в моем отношении к героям, если бы разговор был в два раза короче? Или если бы его совсем не было? <...> В. Медвидь пытается показать жизнь такой, как она есть, во всей сложности, с несчетным количеством ассоциаций, но он забывает, что читателю эти ассоциации могут ничего не сказать. Разговаривает немало людей – к читателю доносятся отдельные фразы, которые практически невозможно повязать. Люди долго спорят о ком-то <...> а читатель не знает того человека и никак не поймет, чего тут спорить <...> большинство рассказов хорошо написаны, легко читаются, даже запоминаются. Хотелось бы, чтобы они несли еще в себе глубокие чувства и мысли – не просто показывали жизнь, но и приобщали к думанью» [2]. Тогдашняя эстетика, прежде всего «соцреалистическая», требовала, чтобы произведение было «о чем-то», чтобы можно было вычитать идейное содержание, а в рассказах уже раннего Медвидя этого не было.

У писателя во всех произведениях нет ни одного намека на деление персонажей на позитивных и негативных, повествование разворачивается ради повествования, как это еще велось от «Илиады» и «Одиссеи», без выстраивания сюжета вокруг «идейного содержания». Действие было весомо само по себе, как и персонажи. Повествователь (тем более – автор) почти полностью устраняется от какой-либо оценки изображаемого и изображаемых, и невозможно выделить среди них позитивных и негативных. Чаще всего каждый из персонажей высказывался сам за себя. Уже от «Разговора» В. Медвидя предстает мастером речевой индивидуализации персонажей, воспроизведения их «разговоров», именно разговоров, а не диалогов, потому что реплики «голосов» персонажей разворачиваются в последовательности разложимых монологов. И от «Разговора» на все дальнейшее опубликованное творчество накладывается единый хронотоп – местечко-село Кодня и его околицы XX века.

В-третьих, существует иллюзия, что писатель как можно точнее воссоздал речь своих односельчан, авторское «вмешательство», мол, ограничивается лишь отбором необходимых фрагментов из огромного массива зафиксированных текстов. Такой иллюзии способствовали

реальные факты скрупулезной записи разговоров сельских жителей. Об этом есть упоминания в эссеистике писателя, опосредованно о таких записях ведется речь в «Собирателях камней». Персонаж романа, прототипом которого является сам автор, подкрадывался в темное (да и не в темное) время суток к кодьянцам, преимущественно женщинам преклонного возраста, которые вели между собою нескончаемые разговоры – воспоминания о прошлых временах, и записывал их беседы на магнитофон. Пусть и не очень качественные, эти записи потом были основой для того, чтобы воспроизвести как можно точнее лексические, морфологические, интонационные, ритмические и т. п. особенности речи земляков.

Возможно, тут «указателем» для писателя был В. Стефаник, содержание произведений которого неразрывно связано с языковыми особенностями региона, и этого гений Покутья придерживается не только в речи персонажей, но и в речи нарратора. Однако проза Стефаника из-за насыщенности диалектными формами, которые часто непонятны или малопонятны для большинства украинских читателей (тем более – иностранных), побудила литераторов искать такое соотношение диалектизмов с литературным языком, которое бы воспроизводило колорит региона, персонажей, их быта, мировоззрения и т. д. и одновременно не порождало трудностей в восприятии текста. Единого рецепта не существовало и не существует, тем более что надо учитывать разный уровень подготовленности каждого конкретного читателя. Но в общем можно отметить удачное или не очень удачное употребление диалектизмов в творчестве того или иного автора.

Кажется, Вячеслав Медвидь очень искусно справился с такой нарративной проблемой. Поэтому на отдельных страницах «Крови по соломе», других произведений В. Медвидя диалектных лексем или морфологических, фонетических форм немало, на других страницах – меньше, но всегда присутствуют. Однако трудностей с их восприятием для читателей почти не возникает.

Однако значительно важнее для В. Медвидя было схватить то, на что нечасто обращают внимание исследователи, – на интонацию и ритмику речи кодьянцев, как и речи украинского крестьянства. Поэтому, по воспоминаниям родни писателя, он очень часто читал вслух фрагменты произведений, пытаясь «попасть» в мелодику сельских разговоров, монологов и диалогов. С одной стороны, такая молодика, ритмика предусматривала паузы, логические, ассоциативные или просто хаотичные переходы, перепрыгивания с темы на тему, определенные синтаксические «неумелости» речи (что присуще в устной речи не только для крестьян, а очень часто – и для важных интеллек-

туалов). С другой стороны, эти паузы не совпадают с привычными для нас точками после обычных «средних» предложений.

«Меня беспокоит одно; чтобы предложение не было расщеплено, как атом» [6, с. 21]. Как видим, предложение, его строение и длина очень важны для писателя. Можно было бы подумать, что В. Медвидь решал какие-то оригинальные проблемы, прибегал к неповторимым авторским исканиям, однако он и здесь опирался на традиции отечественной и зарубежной классики. «Всегда, когда слово хотело легковесить, или становиться вверх тормашками, как в нашей журналистике, или тексты как при поносе, чувствовал на себе укоризненные взгляды Стефаника, Тесленко» [6, с. 21]. «Нам, украинцам, фраза никак не дается, емкое художественное предложение, за которым бы чувствовалась многовековая культура; кажется, уже найдено ее основу, XIX в. Тебе все; но вот снова приходится начинать с алфавита» [6, с. 21]. Но традиция чуть ли не безвозвратно утеряна («тем временем художественная стилистика уж так зачахла» [5, с. 109]), так что приходится то ли восстанавливать ее, то ли создавать наново: «Каждое свое предложение я мог бы написать теперь в десятках вариантов; это вынуждает меня думать, какая это трагедия, когда разрушается структура языка <...> ведь история общества это прежде всего история языка; какие-то элементарные языковые структуры, усвоенные в школе и сохраненные в народной речи, получаются хорошо, но дальше стоишь, будто над пропастью в космосе» [6, с. 74]. И опять в центр внимания ставится не столько лексика, диалект/литературный язык, поиск нужного и уместного именно здесь слова или фразы (над этим на самом деле В. Медвидь работает очень напряженно, часто – уж слишком долго, за нудно), сколько структура предложения, которая бы воспроизводила и интонацию, и образность, эмоциональность, экспрессивность речи, и ее плавность, и темпоритм и т. п.

Для В. Медвидя длина предложений была определенной проблемой, ибо должна была воспроизводить особенности народной речи в единстве с содержанием, которое излагалось, мастерство речи крестьянства, о котором уже велась речь и которое теперь отходит все больше в небытие, теряется украинцами, а также должно было сохранять интонационно-ритмическую специфику. «Когда существует в природе литературы краткое предложение, то неминуемо возникнет как противопоставление и длинное; усовершенствование того или иного приема ничего существенного тут не прибавит; мировой литературе был присущ умеренно-повествовательный тон среднего размера предложения, которое вмещало конкретную мысль, то есть эта конкретная мысль соответственно оформлялась языковым рядом» [6, с. 46]. Но такое «среднего размера» предложение не коррелирует

с речью персонажей или нарратора В. Медвидя. Именно поэтому писатель уже в первом романе «Тайное сватанье» экспериментирует с длинными предложениями, привычные для читателя «средние» предложения со сборника «Разговор» переносит в роман дословно, но объединяет их в длиннющие, как для традиционных представлений, предложения (тут можем указать, что длинные-длинные предложения частенько можно встретить и в романистике П. Загребельного, поэтому и к нему частично можно применить определение – «пишет без начала и без конца»).

Однако эти эксперименты не совсем удовлетворяли В. Медведя. На помощь приходит точка с запятой как пунктуационный знак: она указывает на определенные паузы, большие, чем при запятой, но меньшие, чем при точке, обеспечивает сегментирование и определенную плавность, непрерывность речи. Точки с запятой писатель ставит значительно чаще, чем точки в обычных «средних» предложениях, размывая грань между словосочетанием и предложением, воспроизводит ритмику неспешного разговора, хотя темпоритм может часто варьироваться в зависимости от «контента». Своеобразными дополнительными паузами и как бы итогами отдельных сегментов в разговорах-монологах или диалогах становятся короткие предложения, которые будто лишены какой-либо семантики: «да и», «вот и все», «вот же так» и другие. Но и эти небольшие итоги не останавливают речь, она, с несметным числом точек с запятыми, распространяется одним длиннющим предложением, одним абзацем на целые страницы, иногда – на десятки страниц.

Но возвращаемся к тезису, что, при всей достоверности, скрупулезности воспроизведения речи персонажных прототипов – от диалектных вкраплений и до интонационно-ритмических особенностей, – диалоги, монологи, «разговоры» персонажей не являются дословным воспроизведением магнитофонных записей. Как и не являются исключительно речью «коднянцев», потому что они поддаются существенным дополнениям «голоса» нарратора, эстетической обработки со стороны автора. Несмотря на отмеченное В. Медвидем совершенство бывших говорящих крестьян, он таки в значительной мере нормирует речь персонажей, прежде всего с точки зрения синтаксиса, более того – очень часто стилистически усложняет настолько, что эти сегменты текста ну никак нельзя соотнести с речью односельчан, даже с «голосом» сельского высокообразованного философа Юрки Бильмовича, на что указывал в приведенной выше развернутой цитате П. Загребельный.

Вот, для примера, воспроизведение образа ужаса, каким он представляется обычной сельской женщине очень пожилого возраста:

«потому что до сих пор страх трещал по дороге, перепугивал насмерть, гнал мокрым платом, пересовывал полотном; а еще-ж-то и не так – ехал на коне, ехал на телеге, кричал и ехал верхом, скакал через забор, ловился на колья, колыхался на жерди; да где вы видели – сыпал огнем, летел и сыпал огнем, светил свечку, светил лампу, бросал в хату камнем, искал по воде, драл дерево, бил лопатой, молот жерновами, шумел как машина и светил глазами; и уже оно-во – пел, визжал, проклинал, стирал, переворачивал скамьи, толкал телегу в ров, гнался за санями; аж вот – хватал шляпу, сбрасывал шапку; когда же – останавливал жандарма, еще и стонал, да и не просто, а стонал на кладбище, тормозил во сне, набивал шишку на лбу; а то уже бросал человека оземь, выбрасывал человека с кладбища, толкал женщину на нечистом месте, парализовывал человека, делал немым, забивал скот; а еще же и так – шагал, претворялся в знакомого, то рос, то мелел, обступал садовника, отбирал яблоки; смотрите-ка еще – становился голым страхом в коноплях, черным страхом, белым страхом на деревьях, невидимым страхом, становился столпом, став столпом, стаскивал с лошади, огненным столпом, столпом шел за бабой – вот так было извечно, не то что» [4, с. 624–625]. С одной стороны, большинство образов-проявлений страха, его нападений на человека коррелируют с жизненным опытом старой жительницы Кодни, с другой – мы осознаем, что такое длинное их нагромождение, требовательность в подборе и выборе глаголов, четкое синтаксическое строение нескольких сегментов по одной структуре может быть результатом настойчивой писательской работы, именно письменной работы, а не дословным воспроизведением устной речи не слишком грамотной женщины.

А еще в романе есть такие текстовые фрагменты, которые невозможно соотнести ни с одним персонажем, лишь с большой долей вероятности можно предположить, что их мог бы сформулировать Юрка-«философ». Такими являются краткие абзацы-предложения (но без ни одного знака препинания), соединяющие в себе черты и афоризма, и видения-предвидения, и подведения итогов личной, коднянской, украинской и мировой литературы, граничащие с бредом сумасшедшего и бессмысленным лепетом [4, с. 714]. «всепростительность греха при твоём зрении с заискиванием твоей ласки на совершение греха с выпеленанием самой женственной сущности что тебя обойдено чтобы потом опять с тобой суровой и жестокой и почему-то во сне и почему-то женщина очертевшее наказание сном за другие грехи за грех жить грех быть грех решения создавать грех отсутствия везде и присутствия вне-везде» [4, с. 714]. Автор проявляет мастерство наивысшего уровня в языковой игре, языкотворчестве, ничуть не уступая постмодернистам, насыщая текст окказионализмами, балансиру-

ванием на грани смыслов и бессмысленности, причудливо соединяя однокоренные слова, выпячивая разные их оттенки. Иногда эти языково-содержательные поиски-эксперименты доходят до предельной концентрации: «эти войны это похоть несостоявшейся самой мелкой повседневности неоправданий плача неоставляемость смеховизны в высказывании сна в наготове ко всевешности снения» [4, с. 714] и т. д. И все это после откровенно срамных диалогов об эротично-сексуальной жизни крестьян, о курьезах и анекдотических случаях в этой сфере экзистенции.

В романе предостаточно можно найти примеров разных форм синтетизирования «голосов» персонажа и нарратора, возможно, даже персонажа и автора, представляющих в результате мастерской искусности писателя в языкотворчестве. Вот обращение старой женщины, в котором угадывается скорее обращение нарратора ко всегда беспокойному, тревожащемуся за судьбы односельчан, родного края и мира сельскому интеллектуалу: «да и уже эта осень тычет в глаза, что и тогда какое что-то было, и потом ей осенничать, а вы этим одним воспоминанием хотите замарать всякую какая ни есть осенность и жить в воспоминании <...> потому что ты счастлив себе, что имел мысль среди ночи, а не мог записать, а другие мудрые еще-то и мысль не родится, а уже бежкой каракули вырисовывать да в мир пускать невидимые домыслы <...>» [4, с. 761]. А еще это и обращения автора к самому себе, а прежде всего – провозглашения читателям собственных соображений в духе Горация о необходимости вынашивать замысел, не спешить с публикацией того, что не отстоялось и всесторонне на рассматривалось.

Или вот определенное обыгрывание хрестоматийного утверждения о сладком дыме родного края в применении к коднянским жителям: «и дым отечества, этот картофельный дух, обволакивает убиенников и симренцев, гулящих и девственниц, будущих диктаторов и спасителей нации, всенгда пьяных и тех, кто будет прославлять словом этот уголок мира; становитесь-садитесь-пристанивайтесь-и-наслушивайте, это только-то конец века, а мы все тут не сбылись а-хоть в какой и подобе, и яви, и ни в добре преопределенном, а ни в тихости окончательной» [4, с. 798]. И опять языковые изыски, которые стоят над возможностями и желаниями персонажей, и воспоминания-обращения автора к себе лично среди «тех, кто будет прославлять словом этот уголок мира», и переход от конкретно-чувственного образа и аллюзии к нациософским и историософским обобщениям и пророчествам.

Если читатели примут ко вниманию указанные нарративные особенности романа «Кровь по соломе», то большинство рецептивных

проблем относительно текста произведения должны разрешиться. Возможно, останется одна из них: от имени кого конкретно из персонажей ведется речь в тот или иной момент. Частично на нарративный переход от одного «голоса» к другому указывают завершённые абзацы (но не всегда конец абзаца совпадает с концом предложения, то есть может завершаться точкой с запятой вместо точки), тем более если в конце абзаца еще и стоит точка. «Голоса» отдельных персонажей автор иногда берет в кавычки; соответственно закрытые кавычки тоже свидетельствуют о завершении конкретного речевого акта. Но кому принадлежат эти «голоса», от кого к кому переходят, читатель вынужден догадываться по отдельным намекам, обращениям, упоминаниям собственных имен, по контексту, интеллектуально-нарративному «контенту» (в этом плане прежде всего «голос» Бильмовича существенно отличается от «голосов» других крестьян). Это сделать иногда чрезвычайно тяжело, а в некоторых случаях кажется невозможным (предполагаю, что сейчас не всегда это различие может произвести и сам писатель). Может, в этом тоже проявляется авторский замысел, чтобы слить в единый речевой поток, в единый нарратив «голоса» разных персонажей. А возможно, это авторская своеобразная игра, когда читателя вынуждают разгадывать текстовые ребусы.

Именно в «Собирателях камней» и «Крови по соломе» окончательно выкристаллизовалась новаторская нарративная стилистика Вячеслава Медвидя: «голоса» персонажей, часто неназванных, рассказывают свои истории, монологи переходят в диалоги, собственно монологи тоже диалогичны в прямом и переносном, бахтинском, смысле. В голову приходит отдаленная аналогия разве что с «Поминками по Финнегану» Джеймса Джойса, но в произведении ирландского классика представлено свыше 300 «голосов», большая часть из которых никогда не повторяется. Роман Джойса представляется прежде всего нарративно-стилистическим экспериментом. В свою очередь, круг персонажей-«голосов» в романах Медвидя значительно более ограничен, каждый из них продолжает через определенный промежуток вести свою «партию».

Главной отличительной чертой произведений Вячеслава Медвидя является «возрождение» архаического типа наррации, когда изображение становится самоцелью. Писатель не ставит перед собой «сверхзадачи», он создает картины, преимущественно родной для него с рождения полесской Кодни, которые могут быть связаны между собой персонажами, причинно-следственными связями, хроникальной последовательностью, а чаще всего могут связываться лишь образом повествователя и хронотопом действия. Интерпретация произведе-

ний В. Медвидя – прерогатива исключительно читателя, любая самоинтерпретация в тексте – творческое поражение автора, по мнению писателя.

Обращение к «истокам» литературного творчества непосредственно связано с формированием собственного неповторимого стиля, с его языкотворчеством. Писатель воссоздает мир полесского крестьянства XX века, сложные, трагические перипетии истории сквозь призму индивидуальных маленьких и больших драм и трагедий, маленьких и больших радостей и счастья, прежде всего – сквозь призму повседневности, когда XX век – это XX век, но и идущие далеко вглубь века коднянской, украинской жизни, почти неизменной в своей основе. Поэтому язык его произведений – это столь же давний крестьянский язык, сам по себе несущий отпечаток, память спрессованных времен. «Он призывает вернуться к языку в его простолюдном варианте <...> демонстрирует фолкнеровскую любовь к диалекту и просоченности местной мудростью» [9, с. 68]. Ради полной достоверности, точности воспроизведения языка односельчан писатель даже производил магнитофонные записи.

В романах В. Медвидя представляет читателю совокупность «разговоров», которые могут быть монологами, диалогами, полилогами, но неизменно – с развернутыми репликами персонажей. В этих «разговорах» нет четкого сюжета, тем более – яркой интриги, они выхватывают более-менее понятные или малопонятные истории, события, эмоциональные воспоминания, ощущения, впечатления. Очень часто сложно определить, какой именно из персонажей ведет «разговор» в тот или иной момент, как иногда и идентифицировать персонажа вообще. Постепенно становится понятно, что не столь важно, о каких именно событиях, людях, эмоциях идет речь. «Голоса» персонажей и нарратора сливаются в единую языковую ткань, когда само течение речи становится главным образом произведения, обеспечивая коммуникацию автора, его текста и читателя. Язык, слово важны в произведениях Вячеслава Медвидя как денотат и конотат, но более важны самим фактом своего существования, звучания, приобщая читателя не только к миру изображенных персонажей, но и к миру десятков, сотен поколений своих предков.

Список использованных источников

1. Вячеслав Медвидя : біобібліографічний покажчик : до 65-річчя від дня народження. Київ : Видавничий центр КНУКіМ, 2015. 190 с. (Серія «Видатні постаті КНУКіМ»; вип. 3)
2. Гордасевич Г. Чого шукаємо у прозі? // Літературна Україна. 1981. 1 грудня.
3. Жулинський М. Здобутки й надії – ілюзія чи реальність? // Літературна Україна. 1982. 17 червня.

4. Медвідь В. Збирачі каміння : романи. Київ : Україна, 2006. 864 с. (Бібліотека Шевченківського комітету)
5. Медвідь В. Лови : вибрані твори. Львів : ЛА «Піраміда», 2005. 212 с. (Видавничий проект сучасної літератури «Приватна колекція»)
6. Медвідь В. Тоталітарні пси свободи : щоденники, есе, літературні мемуари. Кіровоград : КОД, 2009. 488 с.
7. Михайлин І. Вартість експерименту // Прапор. 1985. № 7. С. 87–94.
8. Тростянецький А. Істина і компліменти // Літературна Україна. 1982. 13 травня.
9. Шкандрій М. Постколоніальний складник у дискурсі України // Слово і час. 2004. № 7. С. 64–72.

Фатима Муминова

*Профессор Университета мировой экономики
и дипломатии Республики Узбекистан*

Fatima Muminova

*Professor, University of World Economy and
Diplomacy of the Republic of Uzbekistan*

**КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В КОНТЕКСТЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И
ВЗАИМОВЛИЯНИЯ**

**CULTURE OF UZBEKISTAN AND
CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT
OF THEIR INTERACTIONS**

Общее понятие культуры. Культура – широкое понятие, оно включает в себя многие сферы социальной жизни общества. Преимущественно в ней выделяют искусство, литературу, художественное и прикладное творчество, архитектуру, науку, образование, музыку, эстетику, этику, уровень жизни народа, экономическое состояние и т.д. Есть два основных разделения культуры – *материальная и духовная культура*. По структуре выделяют еще *статику и динамику культуры*, т.е. традиционные, устоявшиеся элементы национальной культуры, традиции, обычаи и нововведения, универсальные, всеобщие, присущие многим культурам мира нормы, которые проникли и стали частью образа жизни другой страны. По масштабам и формам определяют мировую, национально-народную, городскую, сельскую, субкультуру, молодежную, по видам деятельности – правовую, медицинскую, педагогическую музыкальную, информационную, культуру труда и производства, культуру общения и поведения и т.д.

Многие специалисты, ученые-философы, историки, социологи, политологи отмечают, что достаток, развитая инфраструктура, материальное богатство не могут сами по себе служить чистым показателем уровня культуры. При подходе и рассмотрении тех или иных ее составляющих необходимо обращать внимание на человека, на наличие и предоставлении ему обществом свободы действий, выбора профессии, свободы развивать свои таланты, способности, проявлять себя как активная, самостоятельная личность. При авторитарном режиме правления и закрытом обществе, человек не свободен в своем личностном развитии и действии, нередко он становится орудием, средством управленцев, чиновников и других, облаченных властью людей. Потому обеспечение равных прав в пользовании общественными благами, получении образования и достойном, гуманистическом образе жизни людей является основным условием и показателем высокого уровня человеческого существования и счастья.

Великий философ Абу Наср аль Фараби (872-950) в своем «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» писал: «всякий город может послужить достижению счастья. Город, в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, где люди помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество»¹.

Научные исследования о культуре.

В Узбекистане ведется большая научно-исследовательская работа по изучению истории, культуры, литературы и письменных источников, памятников архитектуры и цивилизаций народов центральноазиатского региона. Такие научные центры как Академия наук Узбекистана, университеты, институты, научно-исследовательские отделы при республиканских и областных музеях, научно-теоретические издания, специализированные периодические журналы, альманахи, культурно-просветительские центры, архивные, рукописные фонды постоянно ведут работы по обогащению и распространению материалов истории нашего региона. Благодаря проводимым ими работам и публикациям мы сегодня располагаем большим массивом материалов по этнографии, нумизматике, о межгосударственных взаимоотношениях, ведении экономической, хозяйственной жизни древних народов и государств Центральной Азии. Большой вклад в развитие науки о культуре внесли труды ученых Э. Ртвеладзе «Великий шелковый путь», «Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии»),

---

¹ Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города. // https://studme.org/42211/filosofiya/al-farabi_traktat_vzglyadah_zhiteley_dobrodetelnogo_goroda.

Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпель «История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIXв.», М.М. Хайруллаева «Ўрта Осиёда илқ уйғониш даври маданияти» (“Возрождение культуры Средней Азии”) Б. Ахмедова «Тарих сабоклари» («Уроки истории»), А.Кюмова, М. Искокова, А.Отахожаева, К.Содикова «Қадимги ёзма ёдгорлиқлар» («Памятники письменной культуры»), Н. Раҳмонова, Б. Матбобоева «Ўзбекистоннинг кўҳна туркий – рун ёзувлари» («Древняя тюркская рунная письменность»), А. Эркаева «Духовность и развитие» и др. Культура охватывает все стороны жизни человека, потому понятия культурность и духовность тесно взаимосвязаны.

Исследователь А. Эркаев в своих работах отмечает особенности культурного развития Узбекистана. Он приводит яркий пример из автобиографии Беруни. В предисловии к пятой главе «Фармакогнозии» Беруни пишет, что когда был подростком, в их краях поселился греческий лекарь. Беруни жадный до знаний, каждый день носил к нему разные семена и растения, расспрашивал, как они называются по-гречески, и записывал. Это был конец X в. н.э. Основываясь на подобных примерах, А. Эркаев пишет: «Мы являемся свидетелями возникновения в Центральной Азии, начиная с III в до н.э. до VIII в н.э., богатейшей духовной культуры на плюралистической основе. Этот период еще ожидает своих исследователей. От собирательства и описательного изучения наследия того периода, теперь следует переходить к глубокому аналитическому изучению его внутренней сущности и связей, а также места и роли центральноазиатской культуры в контексте развития общемировой культуры»¹. Далее ученый делает предположение о возможности пересмотра места и роли цивилизации региона в истории мировой культуры. Возможно, предполагает А. Эркаев, что даже сама эта плюралистическая ступень развития нашей духовности достойна называться Второй цивилизацией Центральной Азии. Если первая цивилизация формировалась в основном на идеологии раннего зороастризма, то вторая – на идейно- философском и религиозном плюрализме. Пожалуй, такого уникального явления нет нигде. Все древние цивилизации строились на основе какой-либо одной господствующей религиозно-философской системы.

Особенности развития культуры Узбекистана.

Памятники культуры Узбекистана имеют огромное познавательное и воспитательное значение, они позволяют расширить кругозор, наполняют чувством гордости, развивают эстетический вкус и глубокое понимание значимости национальной культуры как неотъемлемой части мировой цивилизации.

---

¹ Эркаев А. Духовность и развитие. – Т., 2008. – С 104-105.

Как свидетельствуют документы уже в эпоху верхнего палеолита, времени, когда появились люди современного физического типа – кроманьонцы, зачатки искусства и религии были тесно связаны с производственной деятельностью. В танцах, песнопениях первобытные люди рассказывали, иллюстрировали свои представления об охоте, опасностях, поджидавших их и удачном или неудачном исходе дела. Эти же стремления руководили ими при создании рисунков в пещерах, на скалах, при вырезании изображений животных на камне, роге или кости. В конце XX в. в неглубоких и труднодоступных гротах ущелья Зараутсай в горах Кухитанг Сурхандарьинской области обнаружено около 200 рисунков человека, самые древние из которых датируются периодом мезолита и неолита, а самые последние эпохой бронзы. Наскальная живопись Зараутсая, как отмечают исследователи, является уникальной и признана памятником мирового значения (XII-V тыс. лет до н.э.). На рисунках представлены сцены охоты на быков, здесь изображены люди, животные, а также некоторые знаки. Высказывается предположение, что эти знаки означают солнечный диск.

Большое количество наскальных изображений козлов, кабанов, коней обнаружено в урочище Текташ за Джизаком, в саях Сармич, Караунгар около г. Навои. На территории Узбекистана широко распространены рисунки, выполненные в технике выбивания. Таких наскальных изображений больше всего найдено в Сармышсае (начале II тыс. до н.э. – III-VIII вв. н.э.), находящемся в горах Каратау около г. Навои. Здесь археологами были скалькированы и сфотографированы более 300 изображений людей, животных и различных знаков. В Шахрисабзском оазисе обнаружены многочисленные следы обитания древнего человека – стоянки, каменные осколки, кости животных. В ущелье Паракандасая к югу от Алмалыка обнаружено около 500 наскальных рисунков – петроглифов V-I вв. до н.э. Ко второй половине I-нач. I тыс. до н.э. относятся выбитые наскальные рисунки в ущелье Каракия в Босталынкском районе Ташкентской области.

Особенно популярны в древнем прикладном искусстве изображения различных плодов, ягод, цветов, среди них часто встречаются гранаты, лотос, тюльпаны. Цветы тюльпана ассоциировались с пробуждением природы, приходом весны, праздником Навруз. Плоды граната символизировали обилие, плодородие и являлись поэтическим образом благополучия, достатка.

О степени развития культуры древних народов, проживавших на территории Узбекистана, свидетельствуют и различные погребения, курганы. Древние тюрки верили в загробную жизнь, в бессмертие души. С этим были связаны и различные церемонии, обряды. В погребальный инвентарь входила посуда, оружие, предметы, которыми

покойник пользовался при жизни, женщин хоронили с украшениями, клали рядом или одевали кольца, бусы, ожерелья. Одной из характерных черт обряда было и то, что в могилу клали кости жертвенного животного, чаще барана. В захоронениях поселения Сапаллитепе в Сурхандарье, относящихся к эпохе бронзы (II тыс. до н.э), была найдена посуда различных форм и качества, здесь была глиняная, деревянная, кожаная, мраморная, плетенная и соломенная посуда (блюда, чашки, вазы), зеркала, лопаточки, шила, украшения из бронзы и камня, кости животных.

Таким образом, создав из сообщества людей, человеческий коллектив, человек в последующих этапах своего развития начинает обобщать, хранить в памяти и передавать из поколения в поколение заповедь, мифы, заклинания, нормы, законы, накопленные предками.

В «Тускуланских беседах» Цицерон наставлял, что ум человека надо обрабатывать и возделывать почти так же, как земледелец обрабатывает и возделывает почву. Если ты не вспашешь поле, не очистишь его от сорняков, то оно не даст урожая. Человек тоже должен стремиться к обработке, очищению своего ума, очищению души от злых помыслов, от совершения преступления. По Цицерону, размышление, мысленное обозрение своих поступков, дел, самооценка и самопознание, помогают человеку стать более разумным и восприимчивым к высокому, духовному. Он писал: «Возделывание души – это есть философия: она выпалывает в душе пороки», тем самым душа готовится к принятию лучших зерен воспитания, образования, которые дадут в будущем обильный урожай, сделают человека духовно богатым и совершенным».

Общее культурное наследие народов Центральной Азии.

Культура народов республик Центральной Азии имеет много общего, можно даже сказать, что у них общие корни, общая история и генезис культурного развития. Историки утверждают, что культура воздействует на сознание и менталитет сильнее, чем политика, и режим правления, правители менялись быстрее и чаще, чем культура, она могла пережить их и долго сохранять национальную специфику, традиции. Это дает основание констатировать, что культура узбекского народа имеет свои глубокие корни, уходящие в глубь веков. По словам историка Э.Ахмедовой, исторический подход требует учитывать, что в разные периоды границы стран региона смещались, сужались или расширялись, и они не соответствовали современным границам. Поэтому важно изучить процесс сложения этнических пластов, который привел к формированию народов, наций и образованию государств в центральноазиатском регионе. Среднеазиатские народы, в том числе узбеки, как и их предки, в течение многих веков имели общую исто-

рию и общую культуру. Они жили в одинаковых природно-климатических, географических условиях, совместно воевали против общих врагов, занимались схожей хозяйственной деятельностью, вели торговлю, имели схожие верования, обряды и уклад жизни. Эта общая история, культура, уходящая вглубь тысячелетий, сегодня стала общим наследием народов Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана. Несмотря на то, что земля на которой они жили в разные периоды истории называлась по-разному (Согд, Бактрия, Туран, Туркестан и т.д.), но все жившие здесь имели много общего, чем различного. Именно это общее, схожее в быте, языке, образе жизни, мировосприятии и отношении к окружающей природе, людям и повлияло на возникновение такого феномена как – центральноазиатская цивилизация.

Культура народов Центральной Азии развивалась во взаимодействии и взаимовлиянии, поэтому к изучению ее следует подходить как к общему, целому явлению, так и частному, специфично национальному. В науке приемлемыми считаются оба подхода – региональный и частный, национальный. Общее, целостное воззрение преимущественно используется относительно исторического прошлого, а частное, национальное наиболее ярко проявляется при анализе самобытности культуры, выявлении художественно-эстетических, общественно-политических особенностей в жизни народа. Культура узбекского народа развивалась в единстве с культурой и жизнью многочисленных народов Центральной Азии.

Следует заметить, что национальная культура в своем обособлении, в приобретении специфично национальных черт, ментальности находится под сильным влиянием процесса становления, формирования национального самосознания. Осознание, с одной стороны, некоей стержневой основы этнической общности большой группы людей, племени, с другой стороны,- воздействие внешней среды, сопредельных и чужеземных культур, влияют на идентичность мировосприятия, мирозерцания народа, их ментальное и национальное развитие. Именно потому мы говорим, что национальная культура тесно взаимосвязана с формированием национального самосознания. Сюда входят и формирование национально-художественных, нравственно-ценностных, религиозно-мифологических, философско-созерцательных взглядов и устремлений людей. Хорошо известно выражение-убей в человеке веру в бессмертие, и он не захочет жить. Сильная вера, убежденность в лучшую жизнь, в лучшее мироустройство на протяжении многих тысячелетий существования человека- разумного помогали ему выжить, не сломиться духом, преодолеть препятствия, сохранить жизнь своего рода, племени и народа. Именно такое отно-

шение к жизни, мужество и стойкость народа, его героев, запечатлены в лучших образцах литературы, поэзии, мифологических и фольклорных произведениях, в искусстве, песнях, скульптуре и архитектурных сооружениях. Свидетельством тому служат многочисленные памятники литературы и искусства народов Центральной Азии

В глубокой древности у народов Центральной Азии переплелись и многие религиозные поверья, народные сказания, мифы. Наряду с чисто народными эпосами, легендами в среде тюрков широко распространялись переводы, интерпретации, обработки сказочных и мифологических произведений, сюжетов, притч древних народов Индии, Китая, Ирана, Греции. По прошествии столетий древние устные и литературные творения претерпевали изменения, подвергались художественно-идейной переработке, получали дополнения, иную интерпретацию и социально-политическое звучание.

До греческого завоевательного похода под предводительством А. Македонского в IV в. до н.э. жители прибрежных районов Амударьи и Сырдарьи имели своих богов, поклонялись и почитали небесные и природные силы, олицетворяющие солнце, небо, землю, звезды, воду. Для центральноазиатских народов также было характерно обожествление и воспевание мужества, героизма, самопожертвования человека ради народа, племени, рода. Любовь, человечность, доброта, созидательная деятельность человека составляли суть и содержание многих народных песен, сказаний, поучительных легенд и рассказов.

Обо всем этом повествуют дошедшие до нас памятники письменности, священные книги зороастрийцев «Авеста» (VII-VI вв. до н.э.), «Бундахишн», «Денкард» (V в. до н.э.), древнеперсидские и арабские переводы индийской «Панчатантры» («Пять книг»), она в Центральной Азии была больше известна под названием «Калила и Димна», а также произведения «Кудатгу билик» Юсуфа Хос Хожиба, «Девон луғоти турк» Махмуда Кашгари, «Кабуснома» Кайкавуса, «Хикматлар» А. Яссави, произведения А. Навои и др. О тюркских племенах, их жизни, культуре, обычаях и нравах писали также древнегреческие историки Геродот, Страбон, Ктесий, Полизи, Харес Митиленский, ученые средних веков Хамза Исфаконий, Табари, Маъсуди, Беруни, Саолиби и др. Китайский путешественник Си-Ма Цян (II-I вв. до н.э.) отмечал в своих описаниях, что все народы и племена, живущие на территории от Давани (Ферганы) до Парфии имеют много общего и говорят на понимаемых друг другом языках. С открытием во II в. до н.э. Великого Шелкового пути регион Центральной Азии становится одним из основных центров торговых отношений между Востоком и Западом. Развитие торговли, международное общение способствовали активизации различных сфер жизни Мавераннахра, повлияли на развитие экономики,

культуры, распространение информации, знаний. Социальная мысль развивалась через мифы, историко-героический эпос, литературно-реалистичное отражение действительности, и осуществлялось это не прямолинейно, а скорее архаично, синкретично, вкуче прошлого с настоящим, старого с новым. По сказаниям «Авесты», «Бундахишны», мир состоял из двух частей, мира добра, богом которого был Ахурамазда, и мира зла, который олицетворял бог Ахриман. Между этими двумя мирами группировались другие силы и божества, которые постоянно противоборствовали между собой. Под влиянием бога добра находились такие божества, герои и предводители, как Митра, Анахита, Каюмарс, Йима (Джамшид), Эликбек, Гершасп.

Вот как представлялся Митра в одном из сказаний – бог Солнца, вселявший в людей веру и мужество. Митре, готовящему войско к сражению, объединяющему воинов, выстраивающему ряды войска к бою, нагоняющему на ряды врагов страх, стоящему впереди воинов и бросающемуся в бой, самому первому, сильному, мужественному предводителю, мы преклоняемся. Митра, стоя на искусно изготовленной колеснице, из луков, перетянутых жгутами метает до тысячи стрел. Его стрелы-пули летят со скоростью мысли на головы демонов.

Богиня земли, воды и урожая Анахита, в мифах предстает вдохновительницей жизни и красоты, дарящей человеку силы и удачу. «Ее Анахиту, красивую, крепкую, миловидную, с высоко подпоясанным ремешком, в золотых украшениях и накидном одеянии из многих складок, можешь представить в лице девушки». Все эти герои, их образы и действия запечатлены на настенных изображениях, в скульптурных терракотовых находках, обнаруженных в древних захоронениях, архитектурных памятниках побережий Амударьи.

Для тюркоязычных народов в целом характерно воспевание героизма женщин – предводительниц войск. Наиболее ярким реалистичным сюжетом в этом плане является образ Томарис, воительницы и царицы из племени массагетов (VI в. до н.э.). В повествовании Геродота она представляется не только как мужественная предводительница тюркского народа, одержавшая победу над войском могущественного персидского царя, но и преданная племени женщина, мать, любящая и глубоко переживающая смерть сына.

В других героических эпосах «Зарина и Странгия», «Зариадар и Одатида» рассказывается о военных сражениях между медийцами и народами Прикаспия, тюркскими племенами, о том, как персидские вожди влюблялись в героических мужественных женщин-тюрчанок. И если в первом эпосе предводитель мидийского войска Странгия, не добившись согласия царицы Зарины из племени шаков выйти за него замуж, кончает жизнь самоубийством, то во втором мифологическом

сказании мидийский царевич Зариадар, правивший владениями от Каспийского моря до реки Сырдарья, сумел завоевать сердце дочери скифского шаха Омарта – Одатиды. Правда, для этого ему потребовалось прибегнуть к различным ухищрениям и уловкам.

История народов Центральной Азии, Мавераннахра, Туркестана тесно связана с историей и жизнью народов близлежащих государств – Ирана, Турции, Индии, Китая, а также России, в особенности ее мусульманских, тюркоязычных регионов (Закавказье, Крым, Поволжье, восточное побережье Урала). Общность этих народов была обусловлена в первую очередь взаимообменом товаров, продукцией ремесел, художественно-швейного мастерства, сельского и животноводческого хозяйства.

В мифах героизм тесно переплетен с проявлениями высоких человеческих родственных, материнских чувств. Героические проявления показываются в сопоставлении с другими, противоположными наклонностями человека. Например, в легенде «Баракта» (III-IV вв.) рассказывается как шах Баракт, живший на пограничной территории Казахстана и Каракалпакстана, безразлично отнесся к встрече своего охотничьего орла Бургута со своей матерью-птицей Анко, которая прилетела издалека навестить сына. Разозлившись на шаха, Бургут набросился на него, схватил когтями и, подняв высоко в небо, сбросил на землю. Крепость, где был захоронен шах, стала называться «крепостью Баракта», она олицетворяла смерть, наводила на людей ужас, потому ее обходили стороной не только путники, но и птицы, животные. В этом сказе сыновья преданность, добрые чувства хищной птицы Бургута к своей матери противопоставляются злу и черствости человека – шаха.

Интересным примером в этой связи является легенда о Хубби, созданная хорезмийским народом. Легенда повествовала о боге Хубби, который жил 700 лет и охранял чистоту вод Амударьи. Во времена героя-бога Жамшида он вдруг неожиданно исчез. Люди предполагали, что его украли молодая богиня небесных вод. Вскоре к водам Амударьи приходит мать Хубби. Она стала помогать людям, следить за водой, обучила их изготавливать лодки, плавать на них и вести сражения с врагами на воде. Обучив людей всему этому, она тоже исчезла. Но люди, став защитниками земель, вод, не забыли своих первых богов-героев. Они на своих кораблях запечатлели образ матери Хубби, сохранили о ней и ее сыне память в сказаниях и легендах.

Благодаря устному народному творчеству, сохранившимся преданиям, легендам появилась возможность выделить их основные идеи, темы, содержательно-смысловые компоненты и очертить круг актуальных вопросов в жизни народов Центральной Азии. Позднейшие

научные исследования в области литературы, истории, этнографии, археологии явились новым материалом для уточнения и более полного раскрытия картины, специфики формирования и развития государств в Центральной Азии.

Литература

1. Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города. // https://studme.org/42211/filosofiya/al-farabi_traktat_vzglyadah_zhiteley_
2. Эркаев А. Духовность и развитие. –Т., 2008.
3. Раҳмонов Н. Кўҳна битикдошлар. – Т., 1991.
4. Ғуломов Я. Ғ. Қадимги маданиятимиз изларидан. – Т., 1990

Рахмон Фармонов

Профессор Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан

Rahmon Farmonov

Professor, University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ,
КУЛЬТУРНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АЛИШЕРА НАВОИ**

**SOME ASPECTS OF POLITICAL,
CULTURAL AND STATE ACTIVITIES OF
ALISHER NAVOI**

Аннотация. В статье показана культурно-общественная и политическая деятельность известного узбекского поэта, гуманиста, Алишера Навои (1441 – 1541). А.Навои является основоположником узбекского литературного языка, он вел активную государственную деятельность в качестве визиря, а как меценат поддерживал таланты молодых, творчество начинающих литераторов, поэтов, музыкантов, художников. Навои играл большую роль в благоустройстве окружающих местностей, был организатором строительства дорог, мостов, медресе, мечетей, каравансараев и многих других сооружений средневековых городов Востока.

Ключевые слова: меценат, гуманизм, Алишер Навои, искусство миниатюры, Хусейн Байкара, «Хамса», «Пятерица», управление, каллиграфия, мударисс, визирь, Хорасан, Герат, Тимуриды.

Об известном узбекском поэте, литераторе эпохи мусульманского Ренессанса имеются многочисленные труды, многотомные издания его произведений, диссертационные и монографические работы. К его творческому наследию постоянно обращались и продолжают глубоко изучать поколения узбекских поэтов и писателей, научных исследователей-филологов, историков, лингвистов, искусствоведов. Постоянно

большой интерес проявляют к творчеству известного гуманиста, поэта Алишера Навои и зарубежные ученые, творческие деятели, тюркологи. Однако государственно-политическая, дипломатическая, культурно- организаторская деятельность Алишера Навои еще ждет своих глубоких и разносторонне образованных исследователей. Данная статья направлена в некоторой степени на восполнение имеющегося пробела в изучении биографии столь яркой и незаурядной личности, каким являлся Алишер Навои.

Алишер Навои (1441-1541) родился в Герате в семье служащего. Его дед и отец служили в качестве чиновников при дворе правителя Амира Тимура и Тимуридов. Навои получил прекрасное воспитание и образование. По принятой тогда традиции подрастающий Алишер прекрасно овладел тремя языками: тюркский (узбекский), персидский и арабский. С пяти лет он посещал мектеб (школу), учился в одном классе и был близким другом будущего правителя Хорасана Темуридом – Хусейном Бойкара (1438-1506). По мнению ученика Навои, историка и биографа поэта Хондамира, с раннего детства и до конца своей жизни Алишер Навои все свое основное время посвящал изучению наук и приобретению новых знаний. Он еще в молодости прочел все лучшие произведения, собранные в Герате, с особым рвением штудировал книги известных авторов своего времени¹.

Творческой деятельностью Навои начал заниматься с 7-8 лет. Он одинаково хорошо писал на двух языках – тюркском (узбекском) и персидском языках.

В возрасте 10-11-лет он поступил на службу к правителям султанов Абдулкасима Бабура, Ахмада Мирза. С 1469 года в связи с переходом власти в Герате к Хусейну Байкары Навои служит у него вначале в качестве начальника канцелярии – мухрдор, затем становится его визирем и позднее- главным визирем.

Детство и отрочество Навои протекали в сложное политическое время. Тимуриды вели между собой постоянную борьбу за власть. И семья его вынуждена была переезжать из одного города в другой. Поэтому Алишер вначале обучается в Герате, потом в Мешхеде, оттуда они возвратились в Герат. Его друг и соратник Хусейн Байкара рано начал вести борьбу за власть, стал на этом пути главным соперником другого Тимурида, правившего Мавераннахром,- султана Абусаид Мирзо, последний 1457 году после смерти Абул Касыма Бабура завладел Хоросанским тронem. К этому времени Навои стал известным поэтом, но его личная судьба осложнилась, так как в 1453 году умер его отец Гиясиддин, правитель города Сабзавара и Алишер Навои фактически

---

¹ Гиясиддин Хондамир. Макорим ул-ахлоқ. Т., 2015. С-30.

стал главой семьи. С другой стороны, с приходом к власти в Хорасане Абу Саида начались гонения на свободномыслящих людей. Жесткий политический режим Абу Саида, который господствовал ранее в Мавераннахре, распространяется и на Хорасан. До 1457 года в Герате существовали относительно благоприятные условия для развития литературы, искусства, науки и культуры. Более того Абу Саид Мирза перенес столицу из Самарканда в Герат. Позднее Навои об этом писал: «Население Хорасана стало заложниками самаркандцев (речь идет о проявлениях насилия в управлении политической элиты Самарканда по отношению к хорасанцам – Р.Ф.), именно хорасанцы стали жертвами насилия и гнета»¹. Таким образом, по мнению Навои, в Герате не было условий для творческой деятельности, так как установились гонения за свободу мысли. Сам Навои был самым близким другом и саратником Хусейна Байкары, который завладев Астрабадом, вел неустанную борьбу за власть в течение десяти лет с Абу Саидом. Потому Алишер находился в опале у существующих правителей. Для Абу Саида и его окружения нахождение Навои в столице было нежелательным. У Навои в свою очередь также была личная неприязнь к Абу Саиду. Двое его дяди по материнской линии Кобули и Гариби, которые служили в качестве военно начальников в войсках Хусейна Байкары были пойманы и убиты сторонниками Абу Саида, как выяснилось позже это произошло по его личному указанию. Навои посчитал необходимым переехать в Самарканд. Заметим, точная дата его отправления в Самарканд до сих пор не установлена. Неизвестно и сколько времени Алишер Навои находился в Самарканде – 2, 3, 4 года или 5 лет. По высказыванию Захриддина Бабура «Навои из Герата выслал Султан Абу Саид Мирза, потому тот отправился в Самарканд. Навои в Самарканде находился в течение нескольких лет»².

Период жизни в Самарканде составляет важную веху в жизни и творческой деятельности Алишера Навои. В течение двух лет он брал уроки по фикху у знаменитого исламского правоведа Хаджи Фазлуллоха Абуллайса. Сам Навои об этом писал с почтением к знаменитому ученому: «В течение двух лет я брал у факира уроки. Он относился ко мне с большой благосклонностью и называл меня сыном»³.

Обучаясь в медресе Мирзо Улугбека в Самарканде Алишер Навои познакомился со многими учеными, поэтами, принимал активные участие в литературных, поэтических состязаниях. Все это прекрасно изложено в его широко известном произведении «Мажолис ун- нафоис»

---

¹ Алишер Навоий. Асарлар. 20 -жилдлик мукаммал асарлар тўплами. Т;1999. Т 15.С.114

² Бобурнома. Т, 1989.С.153.

³ Алишер Навои . Асарлар. 15 томлик. Том.12. Т, 1966. С. 32

(“Изящные меджлисы”)¹ Свои газели, масневи, рубайи, касыды Навои писал на узбекском и на персидском языках. Именно в Самарканде у Навои созрела мысль о создании на узбекском языке произведения “Хамса” (“Пятирица”). Он подружился с сыном правителя Мавераннахра Абу Саида – с Султон Ахмад Мирзо и хакимом города Самарканда известным поэтом Ахмад Хожибеком. В Самарканде Навои также служил в воинской части города, за что получил звание “Эмир Чагатая” (по современным меркам это соответствует званию капитана – Р.Ф.). О его военной службе в Мавераннахре рассказывал и историк Хондамир.²

Возвращение Алишера Навои из Самарканда в Герат состоялось в марте -апреле 1469 года. Оно было связано с приходом к власти Хусейна Байкары. Хусейн Байкара специально обратился к властям Самарканда, чтобы они обеспечили безопасную поездку Навои в Герат. С прибытием в Герат Алишер искренне и безкорыстно стремился помочь Султану Хусейну в государственном управлении своими мудрыми советами, что повлияло на успехи правителя. Навои видел, как высшие сановники жестоко враждуют между собой, соперничают за обладание чинами, порочат друг друга и каждый из них желает навязать падишаху свое мнение.

Первоначально Навои стал хранителем печати, т.е. начальником канцелярии. Он посчитал, что если не будет занимать определенной должности, тогда его советы будут восприниматься как действительно безкорыстные и искренние, и никто не станет враждовать с ним, выступать против него. Потому он попросил падишаха освободить его от занимаемой должности хранителя печати и большую государственную печать передать эмиру Шайхиму Сухайли, который был его старым другом. Султан Хусейн принял просьбу и вручил печать Сухайли, но при этом решил назначить Алишера эмиром и визирем. Алишер воспротивился этому, однако султан не принял отговорок Навои, так в начале 1472 года он стал эмиром и был назначен главным визирем. Султан Хусейн повелевал, чтобы никто из сановников не ставил свою печать выше печати Алишера. Визири считали себя оскорблёнными тем, что молодому Алишеру отдается предпочтение ставить свою печать выше, чем их. В тот же день Алишеру принесли на подпись правительственный указ. Но вопреки повелению падишаха и своему положению Алишер поставил свою печать внизу, в самом конце листа, ниже чего уже не оставалось никого места. Потому другим визирям пришлось ставить печать выше его печатного штампа. Этот удивительно разумный поступок Алишера Навои несколько смягчил

---

¹ Там же.

² Гиясиддин Хондамир. Макорим ул-ахлоқ,Т., 2015. С-93-95.

отношение к нему правительственного окружения, все увидели его неподдельную скромность и многие его полюбили

Но все же при дворе Султана Хусейна после падишаха всегда первым человеком оставался Алишер Навои. Его замечания, предложения исполнились беспрекословно. В диване (совете министров – Р.Ф.) были еще Хаджа Абзал и Ходжа Абдулла Марварид, верные ученики Навои, которые вели имущественные дела. Они строго выполняли указания главного визиря. Алишер Навои управлял правительственным аппаратом на основе принципов справедливости, отменил чрезмерные налоги, ввел строгий контроль над бюджетом государства. Алишер использовал часть доходов, которые оставались после покрытия основных нужд страны на ее благоустройство. Таким образом, он где-то пресекал самоуправство местных правителей, чиновников, которые прежде грабили население.

Алишер Навои был меценатом, покровительствовал развитию науки, литературы, искусства, культуры. Он заботился о материальном положении тех, кто создавал духовные ценности. Навои определил размеры зарплаты мудариссов, назначил трёхуровневую стипендию студентов по их успеваемости. По указанию Навои каждая группа студентов не должна была превышать одиннадцати человек, иначе мударисс не сможет уделять обучению студентов достаточное внимание¹.

В Хорасане, как и в других странах мусульманского Востока, одним из важных источников прибыли были вакфы, доходы от которых направлялись на нужды науки, культуры и просвещения. До Навои управляющие вакфами – садры, большую часть доходов присваивали себе, а государству отдавали лишь часть. Будучи визирем Мир Алишер привел дело вакфов в систему и установил порядок, при котором вакфные доходы использовались по требованию завещателя, на науку и просвещение.

Известный исследователь творчества Алишера Навои проф. Ш.Сирождидинов утверждает, что поэт занимал пост главного визира при дворе Султана Хусейна с 1472 года по 1476 год². Это был период расцвета экономики, культуры науки, духовности страны. Под покровительством Мир Алишера сотни людей стали последователями и любителями науки, искусства, литературы, живописи, каллиграфии, развивались различные стороны творческих дарований молодых.

В качестве главного визиря Мир Алишер руководил ремонтом дорог, построением мостов, строительством хонак, зданий, заботился об орошении новых целенных земель, озеленении и развитии садов.

---

¹ П.Қодиров. Тил ва эл. Т; 2010. С.146.

² Ш.Сирождидинов. Алишер Навои. Т; 2011. С.67.

Историк Хондамир проводит данные, касающиеся организаторской деятельности Навои в Герате. За свой счет Навои построил 12 Хонакох (комнат для жилищ студентов медресе), зданий, 54 рабата, возвёл 14 мостов и отремонтировал два моста, возвёл две плотины, построил девять бань. Также Мир Алишер построил нескольких медицинских зданий, мечетей и медресе¹

Примечательно, что построенных зданий, учреждений, возведение мостов и плотины по числу было больше, чем имелось у самого Султана Хусейна. Навои был один из богатейших людей Хорасана, но все свое богатство он направлял на поддержки бедных людей, для развития науки, культуры, литературы и искусства.

Алишер Навои не раз писал, что великие дела осуществляется великими людьми. Он искал талантливых людей среди простого народа, приближал к себе достойных учеников. Его всегда окружали талантливые люди различных профессий, поэты, музыканты, художники, архитекторы, историки, живописцы, деятели культуры, искусства, ученые, предприниматели. Уже в ту пору он подчеркивал, что завистники, люди без талантов, являются непримиримыми врагами известных творческих лиц. Они стараются всячески помешать им, преграждают путь к росту таланта. Навои часто задавал вопросы людям своего окружения: вот вы были в поездке, ездили в разные места. А кого из талантливых молодых людей вы встретили? Кого из них вы хотели бы привести ко мне на беседу? Навои говорил, что редкий дар таланта проявляется у человека уже с детства, молодого возраста, их надо находить. Именно они смогут в будущем возглавлять общество, стать поэтами, философами, художниками, учеными. Навои говорил, что человек без развития таланта, природных данных и в сороко-летнем возрасте может не стать личностью. Один из приближенных по службе к Алишеру Навои чиновник Сахиб Доро привел к нему 15-летнего одаренного юношу. В результате правильного воспитания и наставнической работы этот молодой человек вскоре стал знаменитым поэтом. Его звали Зайниддин Восифий. Всемирно известный основатель школы миниатюры Востока Камолиддин Бехзод поступил в качестве ученика к Алишеру Навои в таком же возрасте. Именно Навои обнаружил редкие качества каллиграфа и у Султан Али Мешхеди. Совсем молодым человеком поступил на службу к Навои Гиясиддин Хондамир, ставший впоследствии знаменитым историком. Он написал прекрасную книгу под названием «Макорим ул-ахлоқ» («Высокая нравственность») посвященную жизни и деятельности Алишера Навои. В течение 30-40 лет в период правления Хусейна Бойкары (1469-1506) Герат стала одним

---

¹ Гиясиддин Хондамир. Макорим ул-ахлоқ, Т., 2015. С-65-68.

из красивейших городов и центров культуры мира. Навои в своей «Хамсе» писал, что Герат превзошел по своей красоте и привлекательности в несколько раз такие города как Каир и Самарканд¹.

Алишер Навои занимал во дворе Хусейна Байкары самое почетное место. Ему было присвоено звание «Мукарриби Хазрати Султони» – «Самый близкий человек Султана». Хорезм тогда входил в состав государства Хусейна Байкары. Под влиянием недругов- чиновников Алишера Хусайн Бойкаро издает указ об отправке трех тысяч семей из Хорасана в Хорезм. Такое решение было направлено для укрепления связи между Хорасаном и Хорезмом. Однако эти регионы отделяло друг-от друга несколько тысяч километров, выполнение такого решения требовало огромных материальных затрат и главное, как говорится в узбекской пословице- «Йўл азоби – гўр азоби» («Длительная поездка равна смерти»). Речь шла о судьбе более 15 тысяч человек. Алишеру Навои пришлось одиннадцать раз обратиться к Султану, чтобы отменить или смягчить это решение, хотя, по принятым правилам Навои мог обратиться к падишаху только девять раз. После больших усилий было найдено компромиссное решение: в Хорезм вместо 3 тысяч семей отправилась только одна тысяча семей.

Алишер Навои был великим государственным деятелем, искусным дипломатом, успехи в этой сфере были связаны с огромным масштабом популярности его творчества. Как мы заметили выше, Навои писал на двух языках: под на тюркскими произведениями подписывался псевдонимом – Навои, а работы на фарси – Фони. Он избрал себе прозвище Навои, что означает – творить мелодии, песни, напевы. Известно, что под некоторые газелям и масневи – он сочинял музыку. На фарси Навои пользовался словом «фони», что в переводе с персидского означало -невечный, временный, преходящий.

Навои первый создал на узбекско-тюркском поэму «Хамса» («Пятерица»). По его словам, это произведение было написано для всех на тюркском говорящих народов и живших на территории от Османской Империи до границ Китая. Тимуридские послы той эпохи, отправляясь в дальний путь, брали с собой в качестве подарков «Хамсу» Алишера Навои. Низами Ганджавий работал над своей «Хамсой» более 30 лет, Хисрав Дехлеви свою «Хамсу» завершил в течение семи лет. Они оба писали на персидском языке. Алишер Навои создал «Хамсу» на тюркском языке за два года.

Навои был не только хранителем печати, визирем и главным визирем, но и в трудное для страны время правитель Хусейн Байкара в 1487-1488гг. назначает поэта правителем Астрабада. Астрабад был

---

¹ Алишер Навои. Хамса. Т., 1960. С.133.

стратегическим городом, расположенным на Западе Хорасанского государства. За короткое время Навои восстановил порядок внутри вилоята и обеспечил стабильное развитие региона. Навои так же установил дипломатические контакты с соседними государствами. В Астрабаде и других соседних государствах современники называли Навои мудрым правителем. Поистине, исторической была заслуга Навои в области языка. До Алишера Навои делопроизводство, правительственные указы, фирманы, распоряжения составлялись на арабском и персидском языках. Алишер Навои и здесь оказался новатором. Он выработал нормы, формы, стиль и составление содержания текстов, введение узбекского языка во все сферы общественной, политической и военной жизни.¹

Профессор Ш.Сирожиддинов отмечает три беспримерных качеств Алишера Навои: во-первых, благодаря чрезвычайному дару Навои написал великое произведение, во-вторых, он был знаменитым государственным деятелем и дипломатом, в-третьих, его высокая нравственность, все это сделало Алишера Навои честью и совестью народа²

Алишер Навои был близким другом, соратником, советником известного государственного деятеля Хусейна Байкары. В качестве знаменитого государственного деятеля и искусного дипломата в самое сложное для страны время он поддерживал Султана, правителя государства. Пребывая на должности визиря и главного визиря Навои способствовал стабильному развитию страны и благосостоянию населения Хорасана. Одновременно он из среды молодых подбирал, воспитывал и поддерживал сотни талантливых людей. Когда велись войны между Тимуридами за власть Навои постоянно заботился о предотвращении этих войн, он глубоко осознавал, как страдало от них простое население. Как мудрый государственный деятель и искусный дипломат Навои дорожил добрым словом, придавал большое значение разрешению противоречий и противоборства с помощью переговоров, взаимопонимания и совета.

Литература

1. Алишер Навои. Хамса. Т., 1960.
2. Хондамир Гиясиддин. Макорим ул-ахлоқ.Т., 2015
3. Сирожиддинов Ш Алишер Навои. Т., 2011.
4. Бобурнома. Т, 1989.

---

¹ Турсунов.Ю. «Муншаот» асарининг матни тадқиқи. Т.,2016.

² Сирожиддинов Ш Алишер Навои. Т., 2011.С.70.

**Александр Шайдатович
Кадырбаев**
*Ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН*

Aleksandr Kadyrbaev
*Leading researcher at the Institute
of Oriental Studies RAS*

**«АКТАБАН ШУБЫРЫНДЫ» –
«ГОДЫ ВЕЛИКОГО БЕДСТВИЯ».
(К ИСТОРИИ КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

**«AKTABAN SHUBYRYNDY» –
«YEARS OF THE GREAT DISASTER».
(TO THE HISTORY OF KAZAKH-JUNGAR RELATIONS)**

Наиболее драматичный период в истории казахов связан с монголоязычными ойратами – джунгарами и их прямыми потомками калмыками, причем, и в казахских эпосах и преданиях, и в русских документах, называемых общим тюркским словом «калмак» или «калмык». Также в русских источниках для джунгар использовались названия «зенгорцы» или «зюнгорцы». Столкновения с ойратами или западными монголами, в этногенезе которых, в отличие от восточных или халха-монголов, значительна тюркская струя, начались еще в XV веке, почти одновременно с выходом казахов как народа и государства на историческую арену Евразии. Ойраты еще во второй половине XIV столетия вышли из-под власти всемонгольского хана и стали управляться своими предводителями – тайши, хунтайджи. В середине XV века ойратов возглавил энергичный Эсен-хунтайджи, объединивший основные ойратские племена и поколения, известные как чоросы, дэрбэты, хошоуты и торгоуты, в один союз и распространивший свою власть на халха-монголов, претендуя даже на восстановление

государства Чингис-хана. Ойраты покинули свою прародину Халху – Восточную Монголию, двигаясь на запад в поисках свободных плодородных земель, которые они нашли к северу от Тянь-Шаня, в современной Джунгарии, постепенно отвоевывая их в течение XV века у своих тюркизированных «родичей» – моголов. Уже в это время ойраты неоднократно прорываются к озеру Иссык-Куль и даже к Сыр-Дарье. Мощь созданного ойратами, называемых в китайских источниках «вала», кочевого государства была настолько велика, что они в 1449 году нанесли сокрушительное поражение китайской империи Мин, взяв в плен ее императора, и это было беспрецедентным случаем за всю историю Китая. «Вала сильные варвары»¹, – свидетельствует китайская династийная история «Мин-ши».

Первым из казахских ханов в войну с ойратами вступил хан Тахир, построивший у подножья одной горы «крепость Джанатан» для отражения их набегов. В конце XVI века часть ойратов после ряда поражений от казахов попала в зависимость от хана Таваккула.

Но, не только войны были характерны для ойрато-казахских отношений. Известно, что хан Ишим (Есим), к которому казахи «доныне имеют особое уважение», в течение двенадцати лет, когда его отстранил от казахского трона узурпатор Турсун-хан, едва ли не большую часть этого долгого времени находился в бегах среди ойратов в Западной Монголии, у киргизов и в оазисах Кашгарии – государстве Моголов, где казахи активно участвовали в династийных распрях за могольский трон, поддерживая как претендентов из Турфана, так и из Яркенда, поскольку в элите Казахского ханства не было единства по этому вопросу. И там, в положении изгоя, он заслужил уважение. Вот подлинные слова источника: «Ишим-царевич живет ныне в Колматцкой земле и кочует с колмаки. А колматцкие люди его почитают».² В 1627 году Турсун-хан решил лишить Ишима жизни и напал на него по возвращении из похода. Однако Турсун-хан был разбит, бежал в Ташкент, где был убит своими же приближенными. Ишим вновь стал ханом. С его именем предания связывают создание свода законов «Есим ханнын ески жолы» – «Древняя дорога хана Есима», до нашего времени не дошедшего. Он умер в 1628 году и прах его покоится в городе Туркестане около мечети Ходжа Ахмада Яссави.

В борьбе с джунгарами прошла вся жизнь Джахангир-хана (Джангира, Янгира, Янгара), сына и наследника Ишима. Он принял смерть в бою с джунгарами и погребен рядом с отцом. К числу его ратных подвигов относится победа над джунгарами в 1643 году. На исходе зимы указанного года многотысячное войско джунгар вторглось в пределы Казахского ханства. Нападение было столь внезапным, что Джахангир-хан успел собрать лишь 600 человек. Но он умело восполь-

зовался гористой местностью и так искусно распорядился своим отрядом, что одержал блистательную победу. Половине своих людей «с огненным боем» (т.е. с огнестрельным оружием) он велел окопаться в узком проходе между горами, а «сам с тремястами стал в прикрытой за камнем». Когда ойраты напали на окопы, их встретил шквал огня из ружей, а Джахангир-хан ударил с тыла. Противник был смят и, потеряв «на тех двух боях людей тысяч десять»,³ отступил.

Противоборство казахов с ойратами непосредственно затронули киргизов Прииссыккуля, которые под их давлением переселялись в горы и предгорья Восточного Туркестана, периодически вступая в союз с казахскими ханами против хунтайджи. В битве при Орбулаке плечом к плечу с воинами Джахангир-хана с ойратами сражались киргизы и узбеки. На помощь Джахангир-хану из Бухары прибыло 20 тысяч воинов во главе с батыром Жалантосом (Ялантушем), казахом, служившим бухарскому хану. По преданию он был уроженцем низовьев Сыр-Дарьи, откуда его семья откочевала в район Бухары. В 1612 году был назначен правителем Самарканда, эмиром которого оставался до своей кончины. Он оставил заметный след в истории искусства и архитектуры Самарканда, где во время его наместничества были возведены величественная мечеть Тилля-Кори и медресе Ширдор – шедевр зодчества Самарканда, на внутренней стороне портала которого в надписи увековечено имя Жалантоса. Но, в казахскую историю он прежде всего вошел как военачальник, победитель джунгар в 1625 и 1640 годах. Хотя его ратные подвиги этим не ограничиваются, в 1649 году Жалантос во главе бухарского войска разгромил армию шаха Персии, как тогда назывался Иран.

К середине XVII века меняется ситуация на границах Казахстана. Если, до этого времени угроза шла с востока от ойратов, то теперь, после распада в 1627-1628 годах ойратского союза и откочевки части ойратов – племени хошоутов из его пределов в Тибет, а торгоутов, численностью около четверти миллиона человек, во главе с Хо-Урлюком в Нижнее Поволжье и создания ими в 30-х годах XVII века под российским протекторатом Калмыцкого ханства, положение становится угрожающим для казахов и на западе. Калмыки Поволжья, опираясь на поддержку Российского государства, тревожат своими набегами ногайские и казахские кочевья между Уралом и Волгой, оттесняют ногаев в предкавказские степи. В свою очередь ногаи и казахи, теснимые с запада калмыками, усиливают проникновение на Мангышлак, заставляя его жителей – туркмен покидать эти земли и перекочевывать на юг, на территорию нынешнего Туркменистана, и на запад в предгорья Северного Кавказа, где и сейчас живут их потомки ставропольские туркмены (трухмены). Оставшаяся на Мангышлаке часть

туркмен интегрировалась в состав ногаев и казахов. Отголоски этих событий сохранились в казахской народной памяти, в частности, в эпосе «Козы-Корпеш и Баян-сулу», повести о казахских «Ромео и Джульетте», где есть слова, посвященные происхождению одного из казахских родов: «Их род из страны туркменов был...»

После распада Ногайской Орды носители этнонима «ногай» вошли в состав почти всех соседних тюркских народов. Ногаями называли северную группу крымских татар, для башкир и казахов в прошлом «ногай» – сибирские татары, для калмыков – башкиры и карачаевцы с балкарцами, а ныне казахи называют ногаями поволжских татар и башкир. В результате нескольких волн переселений в XVI-XVII веках ногайский элемент прочно закрепился в составе казахского народа. Присутствие этого элемента было особенно заметно на западе Казахстана, где до начала XX века сохранялись группы ногай и мангытай. По некоторым поздним казахским преданиям, казахи происходили от подразделения волжских ногаев, бежавших от русских после завоевания теми Астраханского ханства. Несомненным стимулом для ассимиляции ногаев в казахской среде послужило и то, что Младший жуз казахов целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Полное «растворение» части потомков ее жителей среди казахов произошло, видимо, в конце XVII- начале XVIII веков, когда казахи под натиском ойратов-джунгар хлынули с востока в приуральские степи. Но этому предшествовала консолидация ойратов в последнюю кочевую империю в истории Центральной Азии – Джунгарское ханство.

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири, ойраты стали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 году под предводительством Батура-хунтайджи создали Джунгарское ханство. Джунгарское ханство стало притяжением всех земель Монголии. В сентябре 1640 года по инициативе правителей обновленной Джунгарии в Тарбагатае собрался всемонгольский съезд – чулган, где был принят в качестве всемонгольского ойратский свод законов «Их Цааз» – «Великое уложение», призванный усилить единство монгольских народов под главенством ойратов перед лицом внешней опасности и уменьшить вероятность усобиц. Объединительные меры Батура-хунтайджи, правовой основой которых в строительстве джунгарской государственности был «Их Цааз», сопровождалось развитием городов, буддийских ламаистских монастырей, земель, ремесел в подвластных Джунгарскому ханству с XVII века оседлых областях Восточного Туркестана и Прииссыккуля [Златкин, 1963.; Моисеев, 1991]. К концу XVII века положения «Их Цааз» стали основой монгольского правового памятника «Цааджин Бичик», принятого маньчжурской династией Цин, в 1644 году завоевавшей Китай и подчинившей Халху – Монголию, для

управления халха-монголами, а позднее, после разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками в 1759 году, и ойратами. Объединительные меры Батура сопровождались развитием городов, ремесел в подвластных джунгарам с XVII века областях Восточного Туркестана и Прииссыккуля. Но, после смерти в 1653 году Батура-хунтайджи, ханство джунгар охватила многолетняя смута, что стоило им потери Халхи и земель в Кобдо, на Алтае и Урянхае (современная Тува), подчинившихся маньчжурам – повелителям Китая с 1644 года. Эти обстоятельства заставили джунгар сплотиться и обратить свои взоры на запад, на казахские земли. А по времени эти события совпали с эпохой царствования в Казахском ханстве хана Тауке.

Всю свою жизнь Тауке-хан вел активную внешнюю политику. Еще при правлении своего отца он возглавлял посольство в Кашгарию, предотвратил большую войну между Казахским и Бухарским ханствами, способствовал сближению Казахского ханства с Россией. Только в 1686-1693 годах Тауке-хан отправил в Россию пять посольств. Сохранилось письмо Тауке-хана Петру I от октября 1694 года с предложением о поддержании дружественных связей между двумя странами. Вместе с тем, попытки российских властей превратить уже в это время Казахское ханство в вассала Российского государства и добиться, хотя бы частично, российского подданства казахских жузов, не находили тогда должного отклика в правящей казахской элите. Это видно из реакции окружения Тауке-хана на русское посольство, доставившего грамоту губернатора Казани от 29 марта 1717 года с предложением казахскому хану быть «в верности» России. Русские послы под разными предлогами задерживались при ханском дворе почти до конца 1718 года. Кроме того, в 1717-1718 годах казахско-каракалпакские отряды во главе выходцев из России казанских татар Сеита и его племянника Абдрахмана Таукина, доверенных лиц казахского хана совершили ряд нападений на российские земли, дойдя до Казанского уезда. А ранее, в 1715 году Абулхаир – хан Младшего жуза совершил набег на башкир – подданных России.

При правлении Тауке и после его смерти в 1718 году казахские владельцы не стремились поначалу в российское подданство, в какой-бы то ни было форме, а выражали заинтересованность в союзнических отношениях с Россией, прежде всего, против джунгар, и в сохранении с ней вечного мира. Так, казахи изъявляли готовность «идти на хунтайджи», обращаясь к России с просьбой «силы прислать». И все же, несмотря на заинтересованность в российской военной помощи, казахское общество, сплоченное правителем Тауке-ханом, было в состоянии защитить себя без помощи извне. В сражениях с ойратами Тауке-хан умело командовал своим 80-тысячным войском, приобрел славу

знатока военного дела, человека отважного в бою, за что был удостоен своими подданными почетного титула «батыр» («герой, храбрец»).

Тауке был последним ханом, власть которого признавалась во всем государстве. После его смерти подняли голову «келте ханы» – «мелкие ханы», и во всех трех жузах появились свои властелины. Тауке-хан был государем от природы: он превосходил всех окружающих умом, отвагой, и в то же время отличался мягким нравом и справедливостью. Все это создало Тауке-хану огромное уважение при жизни, великую славу в потомстве. В российском документе, датированном 1748 годом, говорится: «Тевке-хан (Тауке-хан) был человек умной». Тауке прожил долгую, богатую событиями жизнь и был у своего народа «в великом почтении». С его именем связано создание законодательного памятника казахов «Жеты Жаргы» («Семь уложений хана Тауке»), дошедшего частично до наших дней. Текст «Жеты-Жаргы» во многом перекликается с ойратским «Их Цааз», что, несомненно, свидетельствует о культурных связях между казахами и калмыками Джунгарии. Время правления сына Джангир-хана Тауке ассоциируется в казахской народной памяти с «золотым веком» казахской государственности, когда «народ жил в покое, существовал порядок, были законы и правосудие», олицетворением которых были суд биев и «Семь уложений» хана Тауке. При всех ратных достижениях Тауке-хана, снискавшего славу знатока военного дела и получившего за храбрость титул «батыра» в боях с ойратами и калмыками, все же главная его заслуга в казахской истории состоит в том, что он был вдохновителем законотворчества и в этом качестве строителем Казахского государства. Неудивительно, что ко времени правления хана Тауке относится деятельность самых знаменитых представителей суда биев – глав родов и племен в Казахской степи. По преданию, Тауке-хан собрал для совета трех биев – Тюлябия из Старшего жуза, Казбек-бия из Серединного жуза, Айтек-бия из Младшего жуза, этнополитических объединений, из которых состояло Казахское ханство, называемых в русских источниках ордами, составил и обсудил с ними некоторые законоположения, регулировавшие жизнь казахского общества. По другому преданию, Тауке-хан собрал семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Еси-ма в новые обычаи, называемые «Жеты-Жаргы». Можно утверждать, что идея создания «Жеты-Жаргы» относится к 70-годам XVII века и явилось ответным действием казахского Тауке-хана и его окружения на законодательную инициативу противника Казахского государства правителя Джунгарского ханства Галдана-хунтайджи, когда казахи вели изнурительную борьбу с джунгарами. Появление «Жеты-Жаргы» обусловлено стремлением приспособиться к новой военно-политической ситуации, сплотив казахов для борьбы с внешним врагом

– джунгарами, война с которыми была неизбежной. Создание «Жеты-Жаргы», в определенной степени, было обусловлено и правовыми традициями, существовавшими к тому времени в казахском обществе. В истории казахов до появления «Жеты-Жаргы» известно два правовых памятника, создание первого из них народное предание связывает с именем казахского хана Касыма (1511- 1518 или 1511-1524) и эти узаконения носят название «Касым ханнын каска жолы» («Чистая дорога хана Касыма»), которые, очевидно, никогда не были записаны и до нашего времени не дошли. Появление второго памятника права у казахов связано с законодательными инициативами Ишим (Есим)-хана (умер в 1628), к которому, по словам российского исследователя Г. Спасского, казахи «доныне имеют глубокое уважение». Народное предание связывает с его именем создание Уложения, известного как «Есим ханнын ески жолы» («Древняя дорога хана Есима»).⁴

Насколько известно, у самих казахов «Жеты-Жаргы» не было записано. Оно дошло до нашего времени в поздних записях российских ученых и известно в двух редакциях на русском языке. Одиннадцать фрагментов «Жеты-Жаргы», впервые записанные в 1804 году со слов «старшины яппасского рода» (т.е. рода жаппас) Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 году Г.Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника».⁵

Текст второй редакции памятника приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А.Левшина, видного российского ученого и государственного деятеля. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента «Жеты-Жаргы») запись А.Левшина не представляет памятник в первоначальном виде. Как Г.Спасский, так и А.Левшин, записали «Уложения» хана Тауке спустя более 100 лет после его составления, что отразилось на точности его передачи, в частности из-за публикации его не на языке оригинала. Тем не менее, именно Г.Спасскому и А.Левшину принадлежит честь открытия «Жеты-Жаргы» для мировой науки. Таким образом, история изучения памятника имеет давнюю традицию. К «Жеты-Жаргы» обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов.

Сходство между казахским и ойратским «Уложениями» объясняется и идентичными условиями хозяйственно-производственной деятельности кочевого образа жизни, который вели казахи и ойраты с калмыками и халхасцами, несмотря на то, что казахи оказались под влиянием исламской цивилизации, а ойраты и калмыки с халха-монголами – ламаистской или тибетской ветви буддизма. Несмотря на многовековые контакты с исламской цивилизацией, мусульманами стали лишь немногие ойраты, отюреченные потомки которых стали известны в Средней Азии позднее под названием сарт-калмак, ныне

представляющих одно из родоплеменных объединений киргизов. А из современных монголоязычных народов мусульманами стали многочисленные дунсяне (150 тыс. чел.) и баоань (10 тыс.чел.), живущие ныне в Северо-Западном Китае и в Восточном Туркестане или Синьцзяне.

Как и «Жеты-Жаргы», «Их Цааз» носил сословный характер, законодательно закреплял традиционные привилегии ойратского и калмыцкого обществ и деление их на «цаган» и «хара ясун» («белую» и «черную кость»). Если у казахов высшими сословиями были знать «белой кости» – потомки Чингиз-хана, они же султаны или «торе», из числа которых вышли все ханы Казахского ханства, и «кожа», или ходжи – потомки сподвижников пророка Мухаммада, представители мусульманского духовенства, то, как представляется, у ойратов и калмыков им соответствовали по властным полномочиям, но не по происхождению, хунтайджи-правители и нойоны. Нойоны принадлежали к «белой кости» и вели свою родословную от предков Чингиз-хана. Как и титул «султан» у казахов, звание «нойон» было наследственным, по праву рождения. Большим почетом в ойратском и калмыцком обществах пользовались ламаистские священнослужители, освобожденные от податей, военной службы и прочих повинностей, в подчинение которым хунтайджи и нойонами выделялись из простых кочевников люди, так называемые «шабинеры», освобожденные по закону от податей и несения воинской службы.

К ойратской знати «черной кости», подобно биям у казахов, вероятно, можно отнести зайсангов, которые часто по наследству управляли аймаками – административно-хозяйственными единицами, на которые делились Джунгарское и Калмыцкое ханства. Но, в отличие от биев, власть которых над своим родом-племенем всегда вытекала из наследственного принципа, зайсанги могли быть отстранены от власти по произволу нойонов и хунтайджи, лишиться этого звания и даже жизни. В казахском же обществе чаще ханы опасались биев, поскольку из-за трений с ними могли лишиться военной поддержки возглавляемых биями родоплеменных ополчений, из которых в основном формировалось войско Казахского ханства. Кроме того, ойраты и калмыки не знали такого явления как суд биев, освященного казахской народной традицией, поскольку зайсанги не обладали судебными полномочиями. Особое место в ойратской сословной структуре занимали дарханы и эркетени, где-то очень условно их можно сравнить с казахским сословием батыров. Они за особые заслуги освобождались от податей, повинностей и власти зайсангов, могли свободно кочевать в составе любого аймака или даже, вне его. По законам 1640 года дарханом становился тот, кто спасал жизнь нойона в бою. В Калмыц-

ком ханстве возможности стать дарханом значительно расширились, где от податей и повинностей освобождались не только они сами, но и члены их семей.

Основную массу населения Джунгарского и Калмыцкого ханств составляли простолюдины-кочевники, так называемые албату. Как и казахские кочевники, они несли воинскую повинность, платили подати на содержание хунтайджи и нойонов, однако, на этом сходство заканчивается. Если казахские кочевники были свободными, к тому же имевшими личное оружие, людьми, хотя и не обладали правами знати «белой» и «черной кости», то, в отличие от них, албату были полностью подчинены своим нойонам и зайсангам, которые могли их наказывать, освобождать, продать в одиночку или с семьей другому владельцу. Позднее, к XVIII веку у ойратов и калмыков была категория населения, сопоставимая с аналогичной в казахском обществе – рабами (по-казахски «кул» – авт.), называемыми по-разному – цоохоры, китады, цоохор мухулай, цоохор китады. Они были полностью зависимы от своего хозяина, которым мог быть не только представитель знати, но и простой кочевник. При этом, цоохоры составляли «исключительную собственность» хозяев, которой последние могли располагать «по своему усмотрению».⁶

Картина контактов казахов с ойратами, халха-монголами и калмыками в это время будет неполной, если не затронуть наряду с правовым и культурный аспект, в частности языки, на которых основывалась дипломатическая практика указанных сторон, в том числе и во взаимоотношениях друг с другом. К их числу относились монгольский, ойратский или калмыцкий, среднеазиатский тюрки или чагатайский, фарси или персидский языки. Интересно, что посольство хана Серединного жуза казахов Аблая, чье мусульманское имя Абиль-Мансур, в Санкт-Петербург во главе с Урусом, вело переговоры с российскими властями в 1762-1763 годах на монгольском языке. Первое послание цинского императора Цяньлуна к казахам в 1755 году. было переведено на монгольский язык в ставке командующего маньчжурокитайскими войсками в Джунгарии, а в состав цинского посольства к казахам были включены ойраты как проводники и переводчики. Сам Цяньлун знал монгольский, чагатайский и тибетский языки. Дипломатическая переписка его двора с казахскими и кокандскими ханами осуществлялась и на чагатайском (среднеазиатском тюрки) языке.⁷

Некоторые представители казахской верхушки, в частности, Аблай – хан Серединного жуза и его современник, хан Старшего жуза Жолбарыс, знали персидский и ойратский языки. Известен случай, когда им пришлось «толковать» цинским послам, чей переводчик плохо говорил по-казахски, «на колмацком и персидском разговоре». В 1759

году цинские власти «отправили обратно к Аблай-салтану с письмами на двух языках – калмыцком и мунгалском» его послов, побывавших при дворе императора Цинской династии. К тому же, русские источники сообщают, что «сам он Аблай по-китайски читать и писать умеет и разговор нарочито знает».⁸

Среди известных персонажей казахской истории хан Младшего жуза Абулхаир, возглавивший борьбу казахов с джунгарским нашествием, в молодости долгие годы провел в окружении калмыцкого хана Аюки, хорошо знал калмыцкий язык и традиции калмыков. К этому можно добавить, что одной из жен Абулхаир-хана была калмычка Баяна.

Таким образом, взаимоотношения казахов с ойратами-джунгарами, халха-монголами и калмыками, это не только войны, но и культурные связи, что нашло заметное отражение, как в дипломатической практике, «династийных» браках представителей знати этих народов, так и в памятниках права казахов и ойратов с калмыками – «Жеты-Жаргы» и «Их Цааз», а также халхасцев – «Цааджин Бичик», многие положения которых перекликаются друг с другом.

Вместе с тем, при всех параллелях между «Жеты-Жаргы» с «Их Цааз» и «Цааджин Бичик», они имеют и существенные отличия, поскольку в казахском обществе не было такой более всеобъемлющей власти государства над подданными, как в Джунгарском и Калмыцком ханствах, которые по этому признаку, хотя еще нельзя назвать государствами восточной деспотии, но, все же, можно признать, что ойраты и калмыки гораздо ближе подошли к этому образцу, чем казахи, не говоря уже о положении халха-монголов, подвластных маньчжурской династии Цин, правившей с 1644 года в Китае и Халхе – Внешней Монголии. Ойратский «Их Цааз», и, в особенности, халхасский «Цааджин Бичик», отличаются от «Жеты-Жаргы» чрезмерной регламентацией всех сторон общественной и частной жизни кочевников. Если в «Уложении» Тауке-хана есть понятие преступления против личности, но нет понятия преступления против государства, то в «Их Цааз» и «Цааджин Бичик» предусмотрена за преступления против государства целая система жесточайших наказаний – от крупных штрафов в виде взимания с виновного голов скота, ударов плетью или палками, до заточения в тюрьму и смертной казни путем удушения, отсечения головы, разрубания на куски, а также отдачи в рабство виновного и его семьи. А в «Жеты Жаргы», если, например, сын доносил на отца, совершившего преступление против государства или кого-либо, то наказанию подвергали, в первую очередь, сына за донос, ибо «на старшего нельзя доносить». К тому же, в отличие от хунтайджи, халхасских владетелей и маньчжурских богдыханов, казахские ханы и султаны не

могли наказывать преступников без согласия глав родов и племен – биев, в руках которых была законодательная и судебная власть, ополчения возглавляемых ими родов, формировавшие основные военные силы Казахского ханства, а если такие попытки предпринимались, то род, из которого происходил виновный, вставал на его защиту.⁹

Вышеизложенные обстоятельства обусловили более, говоря современным языком, конечно, с заметной долей условности, «демократический» характер «Жеты-Жаргы» сравнительно с «Их Цааз»¹⁰ и «Цааджин Бичик» в части прав и свобод всех сословий кочевого общества, каковыми были казахи, ойраты и калмыки, халха-монголы, но предопределили большую слабость казахской государственности по сравнению с джунгарской, и, тем более, с халха-монгольской под властью Цинской династии, на порядок более централизованных и эффективных в плане военной организации, что и проявилось в джунгарско-казахских войнах и столкновениях казахов с калмыками и цинскими войсками, кавалерию которых в немалой степени представляли халхасцы.

С начала XVII века усиливается джунгарский натиск на границы Казахского ханства, но укрепление казахской государственности, особенно при Тауке-хане, сдерживало захватнические замыслы джунгарских правителей. Однако, в конце XVII-начале XVIII веков ситуация начинает меняться не в пользу казахов. Война принимает жестокий и кровавый характер. Ойраты и калмыки были опасным противником. Смелые воины и отличные наездники, они прекрасно владелли оружием. Их отряды часто нападали на казахские аулы, убивая их защитников, брали пленных, угоняли скот. Казахи не оставались в долгу и вели себя аналогичным образом. Однако отсутствие единства среди казахов предопределило ратные успехи джунгар. Вот как описывал положение казахов в начале XVIII века казахский ученый Ч.Ч.Валиханов: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни киргизского (казахского) народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы и уводили в плен целыми семействами».¹¹ «Все те киргизкайсацкие орды, – писал российский чиновник И.К.Кириллов, – могли бы тех калмыков (джунгар) одолеть, ежели б, обще согласились. А у них один хан войной пойдет, а другой оставляет и так свое влияние у калмыков теряют».¹²

В это время казахи поддерживают отношения с врагами волжских калмыков – Османской империей, падишах которой в 1711 году отправил казахскому хану Каипу письмо с возвращающимся мусульманским паломником с предложением напасть на калмыков, но письмо было перехвачено ими в Астрахани и только слухи о нем дошли до адресата.

Так и не удостоверившись, что данное письмо действительно послано, Каип-хан совершил два набега на Калмыцкое ханство. Позднее он отправил посла к османам с сообщением о своих действиях и намерении продолжать набеги на калмыков. Предполагается, что вернувшиеся казахские послы привезли одобрение этих набегов османским падишахом, поскольку в это время наблюдается резкий всплеск нападений казахов и каракалпаков на волжских калмыков.

На востоке же казахи чаще находились в состоянии обороняющейся от джунгарских набегов стороны. Если нападения джунгар в 1710-1711 и 1713 годах удалось успешно отразить, возвратить утраченные ранее казахские кочевья, захватить много пленных и даже вторгнуться в пределы Джунгарского ханства,¹³ то в 1717 году 30-тысячное казахское войско во главе с ханами Каипом и Абулхайром потерпело жестокое поражение от джунгар на реке Аягуз.¹⁴ Как свидетельствуют источники, весной 1718 года джунгарские войска вновь «рубят казахов» близ Туркестана на реках Бугунь, Чаян и Арысь. Джунгары были в это время настолько сильны, что вступали в военное противоборство с великими империями – Россией и Китаем. В 1715 году по приказу царя Петра I три тысячи российских солдат из города Тобольска на 60 плотках и дощаниках двинулись вверх по Иртышу в поход на город Яркенд в Восточном Туркестане, подвластный джунгарам, с целью захвата его «золотых россыпей». Царские послы предостерегали правителя джунгар от противодействия этой экспедиции, оспаривали принадлежность некоторых пограничных с Россией земель Джунгарскому ханству, оказывали давление на хунтайджи, чтобы он присягнул на «верность» России. Но это дипломатическое давление, подкрепленное демонстрацией военной силы успеха не возымело. Российская военная экспедиция, усиленная 1500 конниками в городе Тары, в феврале 1716 года была атакована и окружена 10 тысячами джунгарского войска. Спаслось лишь 700 человек, остальные полегли под ойратскими саблями. Отступив через Восточный Казахстан, они и основали Омскую крепость, где тогда находились казахские кочевья.¹⁵

Ойраты обладали заметным военным преимуществом в сравнении с казахами, особенно по таким параметрам как вооружение и единая военная структура.⁹ Такое соотношение было в определенной мере обусловлено удобным географическим и природным месторасположением Джунгарии и, тем самым, выгодной военно-стратегической позицией ойратов. Относительно меньшая, по сравнению с Казахстаном, территория Джунгарии, плотность концентрации людского потенциала, объективно делали более сплоченным ойратское общество. Собственное независимое производство вооружения и военного снаряжения, милитаризация практически всех сторон жизни общества,

жесткое военно-административное управление способствовали созданию жизнеспособной военной системы в Джунгарии.

К XVIII веку появляется собственная джунгарская артиллерия. В 1726 году в подвластных Джунгарскому ханству землях в районе Иссык-Куля был построен завод по производству артиллерийских орудий, который возглавил бывший сержант шведской армии Ренат, попавший к русским в плен во время Северной войны, а затем захваченный в 1716 году ойратами. Из записок российского посла Л.Д.Угрюмова, находившегося в Джунгарии в 1732 году, известно, что «оной Ренат между разговоров объявил, я де здесь и всех пушек сделал токмо 15, да малых 5, да мортир десятифунтовых 3... И от других пленников российских было известно, что имеетца больше, токмо за подлинно числа сказать не знают». Ренату также принадлежит авторство в создании подробной географической карты Центральной Азии, дошедшей до нашего времени. В 1745 году беглый русский Михайлов имел «медный завод около Урги, он же лил пушки».¹⁶ Известны другие русские мастера, беглые с сибирских заводов – Иван Бодяга, Зеленовский, Васильев, которые помогали джунгарам добывать руду и лить металл, изготавливать предметы вооружения, в том числе и пушки. У джунгар были особые чиновники, контролирующие производство ружей и пушек, называемые «бучинэрами», а собственно пушек – «бучинами». Джунгары стреляли из пушек с верблюдов. У казахов же в первой половине XVIII века, кроме ограниченного числа ружей, не было других видов огнестрельного оружия. «В бытность в киргизкайсацкой орде переводчик Тевкелев (1731 год) мог усмотреть, что киргиз-кайсаки пушек не льют, у них нет и не употребляется».¹⁷

В 1723 году джунгары заключили мир с маньчжурской династией Цин, правившей Китаем, тем самым обезопасив свои тылы с востока, и двинули свои войска в пределы Казахстана. Этот год и считается годом начала «Великого бедствия», в устных казахских преданиях именуемый «Актабан шубырынды», «Алкаколь-сулама». Застигнутые врасплох, казахи вынуждены были отступить, бросая скот, кибитки, имущество. Немало народу полегло под клинками джунгарских воинов, многие погибли при переправе через реки Талас, Боролдай, Арысь, Чирчик, Сыр-Дарью. Казахские роды бежали к Сыр-Дарье, считая, что только за ней можно чувствовать себя в безопасности.

Внезапность, численное превосходство на направлении главных ударов, наличие артиллерии, лучшая по сравнению с казахским ополчением военная организация джунгар, находившихся под единым командованием, обеспечили успех первоначального натиска ойратов. К тому же джунгарские военачальники выбрали удобный момент для нападения, когда казахские аулы находились на «кыстау» – зимовках

на значительном удалении друг от друга и связь между ними была затруднена по сравнению с другими временами года. Удар был рассчитан таким образом, чтобы уничтожить сразу наиболее боеспособную силу казахского ополчения, избежав затяжной войны. Не желавших выразить покорность, джунгары истребляли физически. «Такая же участь ожидала всех остальных киргиз-кайсаков (казахов). Стесненные и преследуемые с трех сторон, они могли бы быть совсем истреблены, если бы не удалились на юг»¹⁸, – писал знаток казахской истории А.И.Левшин.

Казахи Серединного и Старшего жузов, говоря о годах «Актабан шубырынды», употребляют выражение «Алкаколь-сулама», что означает «в полном изнеможении от голода и усталости бросились на землю и залегли пластом у озера Алкаколь».

На запад хлынула новая волна беженцев. Как красноречиво свидетельствуют донесения подданных России – калмыцких правителей российским властям, «кайсаки (казахи) от утеснения хунтайджи со своих мест сошли и пришли к реке Эмбе, которая не далее 300 верст от Яика». В дальнейшем казахские роды уже приближались к самому Яику. «Меньшая Орда, дойдя до Эмбы, где была прежняя граница ее, не остановилась, но перешла на правый берег реки... достигла до Урала»,¹⁹ – писал А.И.Левшин. Массовое передвижение казахов на запад вызвало большую тревогу среди кочующих между Уралом и Волгой калмыцких тайшей. Например, калмыцкий правитель Доржа Назаров и наместник Калмыцкого ханства Черен Дондук писали губернатору Астрахани А.Волынскому: «И, собрався, идут на них, калмык войною в 30 тысячах и хотят их завоевать и теми местами, где они, калмыки, кочуют, завладеть». Астраханский губернатор, в свою очередь, докладывал в Военную коллегия Российской империи, что, «ежели то правда, не надеются ни по которому образу, чтобы калмыки против кайсаков могли устоять».²⁰ Новая волна пришедших на Урал казахов была настолько значительна, что под вопросом находилась сама судьба Калмыцкого ханства. Об этом свидетельствует просьба калмыцких владетелей к российскому правительству о военной помощи для охраны своих летних кочевий на левой стороне Волги. Лишь с помощью российских войск калмыки сохранили свои кочевья между Волгой и Уралом. В середине XVIII века Яик стал границей между владениями казахов и калмыков.²¹

Во время джунгарского нашествия, в «годы Великого бедствия» обострились отношения казахов с Бухарой и Хивой. «Потеряв города в провинции контайше (хунтайджи, джунгарскому правителю)... оною Большою ордою подошли к самой Бухаре и всех их, узбеков, разорили...»²² Самарканд в течение семи лет, с 1723 по 1730 годы был совер-

шенно покинут жителями, а в Хивинском ханстве в эти годы были заброшены все селения и пашни. В самой Хиве оставалось не более сорока семейств и город совсем обезлюдел. В это же время из Самарканда в Ферганскую долину пришло большое число беженцев. Сопоставляя эти сведения с изложенными выше фактами всеобщего разорения и обнищания казахов, нетрудно придти к выводу, что беженцы, наводнившие Самарканд, Бухару, Хиву, Фергану и другие регионы Средней Азии, ввергли в голод и оседлое местное население. Это привело к дестабилизации среднеазиатских государств и к хаосу в регионе. Положение казахов осложнялось еще и тем, что их передвижение под давлением джунгарских отрядов на запад, привело к столкновениям с туркменами и ногаями, нарушению традиционных взаимоотношений с каракалпаками.

Огромные потрясения, вызванные джунгарским нашествием, массовая потеря скота, главного богатства кочевников, привели к обострению хозяйственного кризиса, что еще более усилило противоречия среди правящей верхушки казахских жузов. Выходом из создавшегося положения мог быть лишь организованный отпор врагу, который в дальнейшем остановил бы экономический и политический распад казахских жузов.

Но казахские Чингисиды, ханы и султаны, на первом этапе освободительной борьбы против джунгар оказались неспособны организовать отпор. Борьбу за независимость возглавили представители военного сословия, знати «черной кости» – батыры. Так было положено начало объединенными действиями народных ополчений. По данным источников, казахи предпринимали попытки организованного сопротивления джунгарам уже в 1724 году. Об этом, в частности, свидетельствует донесение астраханскому губернатору от 8 февраля 1725 года: «Из Бухары к Дорже Назарову прибыл караван и сказывали, что... понеже де прошедшим летом кайсаки, разделясь на четыре партии, ходили под калмык, под башкирцев, под Бухары, под хунтайшу (хунтайджи) и во всех четырех партиях побиты». Этот документ также показывает, что причиной военных неудач казахов было распыление их сил, когда необходимо было мобилизоваться перед лицом наиболее опасного врага – джунгар. Другой документ конкретно сообщает: «Каракалпацкий и кайсацкий Абулхаир-хан, собрав войск своих пятьдесят тысяч, бился с хонтайшою (хунтайджи) и хонтайша де десять тысяч кибиток их разорил, и оставшиеся де сорок тысяч кибиток идут сюда для взятия калмыцких войск, а ныне де оные на реке Эмбы».²³

Организованный отпор захватчикам казахи начали с 1726 года, когда воины всех трех жузов стали действовать сообща. В юго-восточной части Тургайской степи, на берегах рек Буланты и Белеуты, к запа-

ду от реки Сарысу, в местности Кара-сиыр, получившей впоследствии название «Калмак кырылган» – «Место гибели джунгар», произошло большое сражение между казахским ополчением и джунгарскими войсками. В предании сообщается о том, что джунгарские воины «бежали на Белеуты – Буланты, понеся полный разгром, причем самая блистательная победа одержана киргизами (казахами) в местности Кара-сиыр». Эта первая крупная победа над джунгарами подняла настроение народа, боевой дух казахских воинов, вдохновила на дальнейшую борьбу. Но главная задача, освобождение казахских земель от джунгарских завоевателей на юге и востоке страны, не была снята с повестки дня. Этим объясняется направление ханом Серединного жуза Семеке 6 ноября 1728 года посольства к волжским калмыкам для мирных переговоров. Обезопасив свой тыл, казахские предводители намерены были направить главный удар против джунгарских войск.²⁴

Серьезное положение на восточной границе настоятельно требовало объединения сил трех жузов. На народном собрании главным полководцем ополчения был избран хан Младшего жуза Абулхаир. Точная дата события неизвестна, но можно предположить, что это произошло после 1728 года.

Велика была роль хана Абулхаира, возглавившего объединенные силы трех жузов. Он был одним из немногих лидеров казахского общества, который, во время «стонов и рыданий», сохранил присутствие духа в годину тяжелейших испытаний. Волевой и смелый, обладавший военными и дипломатическими качествами, Абулхаир-хан и своим внешним обликом внушал доверие людям, вверявшим свои судьбы ему как вождю. Рослый, плотного телосложения, красивый и мужественный, он обладал огромной физической силой и был весьма искусен в физических упражнениях и джигитовке. Никто из батыров, например, не мог превзойти его в натягивании тетивы самого тугого лука, подобно герою Гомера Одиссею. Под стать героическому образу своего хозяина был и знаменитый скакун Абулхаир-хана, о выучке и резвости которого ходили легенды не только в Казахской степи, подаренный им с щедростью, свойственной широкой натуре степняка, английскому путешественнику Джону Кэстлю. Велика была роль батыров Букенбая, Кабанбая, Тайлака, Саурыка, Малайсары, Джаныбека, сплотившихся вокруг Абулхаир-хана, именно их мужество и самопожертвование позволило выстоять в этой жестокой борьбе. И летом и зимой, в раскаленный жар, когда от солнечного удара гибли кони и люди, и в жестокую стужу, в степях, выцветших от жары или покрытых снегом и льдом, разыгрывались жестокие бои у хана Абулхаира с джунгарским хунтайджи. В отчаянных степных атаках, в рубке на всем скаку сходились здесь джигиты казахского ополчения с джунгарски-

ми воинами. А во главе конных лав, атакующих боевые порядки джунгар, на бешеном карьере, рубя клинками направо и налево, неслись батыры... Особенно примечателен в этой связи образ батыра Букенбая (или Богенбая), знаменосца казахского войска. По свидетельству современников: «Слабые души... обнаружили свой страх... предлагали искать безопасность от милосердия хантайши (джунгарского правителя). Другие хотели оставить жилища свои и спастись бегством за реку Волгу, а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны и поколебали было постоянство многих, но известный в то время по храбрости Букенбай уничтожил сии предприятия». Он призвал «употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови».²⁵ Согласно данным топонимики (т.е. науки, которая изучает названия местностей) избрание Абулхаир-хана главным военачальником всего казахского ополчения произошло у горы Орда басы (Главная ставка), расположенной к западу от современного Чимкента. Следы дальнейшего маршрута воинов Абулхаира можно видеть в названиях урочищ «Улкен орда конган» и «Киши орда конган» в верховьях рек Боролдай и Кошкар-ата, а также в названии лога «Абулхаир». В казахских народных преданиях сохранились воспоминания об Анракайской битве в 120 км к юго-востоку от озера Балхаш в местности Анракай («Место стонов и рыданий джунгар»). Победа в Анракайском сражении была следствием объединения сил трех жузов и произошло это событие в 1729 или весной 1730 года.

Джунгары после поражений были вынуждены отойти на восток в пределы собственно Джунгарского ханства. Но угроза нового вторжения джунгар не была устранена. После Анракайской битвы произошел раскол между казахскими владетелями, причины которого не освещены в источниках. Известно, что вскоре после сражения Абулхаир-хан спешно отступил на запад, к российским границам, а хан Абулмамбет, представлявший Серединный жуз, откочевал к ставке казахских ханов – городу Туркестану. Есть основания предполагать, что основной причиной раскола между казахскими ханами и султанами явилась борьба за верховную власть в Казахской степи. Главными претендентами на трон хана Казахского ханства были: от Серединного жуза – Абулмамбет и Семеке, от Младшего жуза – Абулхаир. А поскольку ханом избрали Абулмамбета, Семеке и Абулхаир сочли себя обойденными и удалились в пределы своих владений, что негативно сказалось сразу же на военных усилиях казахов против Джунгарского ханства.

К этому времени, за короткий срок с 1730 по 1731 годы, ойраты в трех сражениях нанесли поражение маньчжуро-китайским войскам. В 1735 году джунгары после долгих переговоров заключили мир с маньчжурским богдыханом – повелителем Китая и вторглись во владения

Старшего жуза. Во второй половине 30-х годов XVIII века джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрэн вел подготовку крупного похода в Казахские степи с целью подчинения Серединного жуза, в котором возрастало российское влияние. Весной 1739 года 24 тысячи ойратских конников двумя ударными колоннами вторглись на земли Серединного жуза. Казахи, занятые подготовкой к набегам на волжских калмыков и башкир, оказались застигнутыми врасплох и не смогли отразить джунгарской атаки. Во время этого похода джунгары «вырубили киргиз-кайсацких пять волостей... и пятьдесят тысяч овец отогнали».

В конце 1739 и начале 1740 годов джунгары предприняли новое нападение. Одна колонна ойратов двинулась на север вдоль рек Ишим и Тобол, а другая часть джунгарского войска атаковала присырдарьинские степи. Общее число джунгарских воинов в этом походе составляло 30-35 тысяч человек. Их замысел состоял в том, чтобы отрезать казахов на юге от Средней Азии, а на севере от линии российских укреплений, то есть от их потенциальных источников снабжения оружием. Казалось, ничто не могло остановить наступление ойратов. Но суровая зима расстроила джунгарские замыслы и спасла Серединный жуз от разгрома.

Третий джунгарский поход против казахов состоялся во второй половине 1740 года. На этот раз предводители казахского ополчения встретили врага во всеоружии, заранее проведя боевую подготовку к отражению неприятеля. Упорные бои с переменным успехом между двумя сторонами продолжались до начала 1741 года. Получив заверения российских властей о невмешательстве в казахско-джунгарскую войну и о том, что отступающие под натиском джунгар казахские кочевья Серединного жуза не будут пропускаться за линию русских укреплений, в конце 1741 года тридцать тысяч джунгарских воинов повели наступление на казахов по трем направлениям: по берегу Ишима, на Ташкент и Туркестан. Джунгары оттеснили хана Серединного жуза Абулмамбета с его людьми за реки Илек и Урал, нанеся им ощутимое поражение. В ойратский плен попали многие султаны и батыры, в том числе, уже известный тогда военачальник султан Аблай, впоследствии ставший ханом. Но казахам удалось разбить правое крыло джунгарских войск и стороны, истощенные войной, отошли на позиции, которые занимали до начала боевых действий. Так, в мае 1741 года закончилась последняя джунгаро-казахская война, длившаяся три года.²⁶

Эти годы вошли в историю казахского народа как «годы Великого бедствия» – «Ақтабан шубырынды», оставив глубокий след в жизни и сознании казахского общества на долгое время. Ярким отражением и воплощением этих трагических страниц казахской истории стали кюи

домбриста и композитора Байжигита «Ақтабан шубырынды» – «Годы Великого бедствия», «Кайын сауған» – «Доение березы» (сок которой спасал от голода) и песня неизвестного автора «Елим-ай» – «Родина моя».

Лишившись в результате джунгарского нашествия богатых пастбищ в Семиречье, казахи понесли немалые материальные и людские потери. Предполагается, что после «Ақтабан шубырынды» казахи потеряли треть своего населения. Были нарушены веками установившиеся маршруты кочевков на всей территории Казахстана. Вытеснение джунгарами казахских родов на западные и северо-западные границы Казахстана осложняло вопрос о кочевых пространствах между Уралом и Волгой, привело к постоянным столкновениям с яицким казачеством и калмыками, за которыми стояла могущественная Российская империя. Нашествие джунгаров ослабило хозяйственно-политические связи между жузами. Такое положение способствовало дальнейшему усилению раздробленности Казахстана.

Джунгарское нашествие оставило глубокий след в социальных отношениях казахского общества. Опустошение и разорение страны увеличили число бедных. Многие из них бежали на север и запад Казахстана к русским границам. В эпоху непрерывных войн возросло влияние военного сословия, и могущество казахских ханов теперь, в первую очередь, определялось силой и числом преданных им батыров. Сложными оставались взаимоотношения казахов с российскими подданными – Яицким казачьим войском и Калмыцким ханством, башкирами. Добиться мира на западных границах Казахстана стало одной из главных внешнеполитических задач казахских ханов. Это было крайне необходимо, чтобы развязать руки в борьбе с главным противником – Джунгарским ханством. Таковы были предпосылки последующих событий XVIII века, в итоге приведших к потере независимости сначала Младшим жузом, а затем другими жузами, и превращению Казахстана в колонию Российской империи. Но, не только джунгарское нашествие подорвало обороноспособность казахских жузов, вынуждая их ориентироваться на «покровительство» России. Наступила новая эпоха и в развитии военного дела, порожденная европейской промышленной цивилизацией, которой была затронута и Россия, когда в XVI-XVII веках резко возрастает эффективность огнестрельного оружия, особенно артиллерии, что постепенно сводит на нет преимущества конницы – главной военной силы кочевых народов, в том числе, и казахов, вооруженной в основном луком и стрелами, холодным оружием.

Вместе с тем, не все было так однозначно. При всем сказанном, казахско-джунгарские и казахско-халхаские отношения характеризу-

ются не только военной конфронтацией. Наглядным свидетельством взаимовлияния их культур являются «Жеты-Жаргы», «Их-Цааз», «Цааджин Бичик» – творения законодателей степных кочевых народов Центральной Азии XVII-начала XVIII вв., которые позволяют оценить тот мир, в котором они появились, а их создатели кажутся ближе и понятней. Благодаря этим памятникам, видно, как они трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более совершенным...

Список использованной литературы:

1. И.Я.Златкин. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Москва, 1983; В.В.Трепавлов. История Ногайской Орды, Москва, 2002.
2. С.Г.Агаджанов. Ногайцы и туркмены. Исторические и этнокультурные связи. Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды, Махачкала, 1993, с.37.
3. А.И.Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.1-3, СПб, 1832, с.3.
4. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. А., 1992, с.276-303.
5. Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. «Сибирский вестник». Ч.9, СПб, 1820, с.185-188.
6. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. М., 1982, с.67-76; Горяев М.С. О состоянии калмыцкого общества и хозяйства в конце XVIII-XIX веков. VII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1997 г. Доклады российской делегации. М., 1997.
7. Бейсембиев Т.К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в Культурной истории Евразии.- Рух-Мирас – Казахстанский культурологический альманах. №2(2), 2004, с.64.
8. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). А., 1995, с.252-253
9. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII-XVIII вв. А.-А., 1991. с.90.
10. Галстунский К.Ф. Монгольско-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. Калмыцкий текст с русским переводом. СПб. 1880; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1983; Их Цааз («Великое уложение») – памятник монгольского феодального права XVII в. **Ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструируемый монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарии** С.Д. Дылыкова. М., 1981; Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. М., 1968; Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.2, СПб, 1832; Султанов Т.И. Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана. А., 2001.
11. Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений в 5 томах, т.1, Алма-Ата, 1961, с.426.
12. А.И.Добромыслов. Материалы по истории России, т.1, Оренбург, 1900, с.35
13. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (**Сборник документов и материалов**), Алма-Ата, 1961, с.24, 86.
14. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный Архив, 1-8, дело 12, лист 1253.
15. Б.П.Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVIII-первой половине XIX века, Москва, 1983, с. 56-57.

16. Ч.Ч.Валиханов. О хонтайше. Собрание сочинений в 5 томах , Алма-Ата, 1985, т.2 , с.324-325.
17. П.И.Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с.37.
18. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках , с.86.
19. А.И.Левшин, с.69.
20. Там же, с.71.
21. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в 5 томах, Алма-Ата , 1979, т.3, с.19.
22. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, с.110-111.
23. В.В.Бартольд. К истории орошения Туркестана. Санкт-Петербург, 1914, с.20
24. Материалы по истории каракалпаков. М., -Л., 1935, с.183-184.
25. А.Диваев. Мавзолей Крк-Кесене – Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, год 10, Ташкент, 1905, с.41.
26. А.И.Левшин. с.76; В.А.Моисеев. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998, с.52- 121.

Михаил Акулов

*PhD, Ассистент профессор
Школы естественных, социальных
и гуманитарных наук
Назарбаев Университета*

Mikhail Akulov

*PhD, Assistant Professor at the School
of Natural, Social and Human Sciences,
Nazarbayev University*

**ПАРАДОКСЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ВЕЧНОЙ АРХАИКИ МОДЕРНА**

**PARADOXES AND DAILY LIFE
OF ETERNAL ARCHAIC MODERNITY**

Как известно, модернистские проекты постоянно апеллируют к историческим мифам, вдохновленным традицией, заимствованным из традиции, или же, на худой конец, приписываемым традиции. В этом одна из центральных, если не центральная проблема бинарной схемы, в которой «Модерн» выступает, как качественно отличное условие существования – *condition* – **новый режим в самом полном смысле** этого слова. Даже не обращаясь к Джону Армстронгу или Энтони Смиту, мы знаем, что традиции, мифы, символы – культурный багаж прошлого – легко прочитываются в дизайне главных продуктов, носящих торговую марку «модерна» – в т.ч., конечно, и в нации. Кажется, что иначе и быть не может.

Но, утвердив присутствие архаики в модерне – или модерна в «вечной» архаике – мы должны задаться центральным вопросом всех современных академических изысканий – **so what? В чем, условно, практическая ценность критики заключенного в миметический цикл модерна?** Требуя настоящей «модернизации» от проектов нациестроительства или десоветизации – модернизации, якобы не испытывающей притягательную силу традиции – не возвращаемся ли

мы к исходной позиции о существенно ином состоянии модерна, не становимся ли мы, по наивности своей, жертвами обещаний, запечатленных в идеологиях, «измах», модерна? Что же действительно можно представить в качестве альтернативы доступным и действенным версиям модерна хотя бы в наших, региональных, условиях?

И все же, мне бы хотелось выступить в защиту – модерна ли пост-модерна – но исключительности момента времени, в котором мы пребываем; этот момент, если и поддается «логике мимесиса», то лишь частично и с искажениями.

У Броделя в его классической работе, посвященной структурам повседневности в эпоху раннего нового времени, мы постоянно сталкиваемся с европейской страстью к переменам. На фоне, как утверждает Бродель, относительной статичности обществ Китая, Индии, «исламского мира», европейское общество, вернее, самые его верхи, казались подвержены вспышкам безумия – folie – заставляющей их отказываться от общепринятого и унаследованного в пользу нового и экстравагантного. Это проявилось, пожалуй, самым наглядным образом, в моде, ставшей, по словам историка, к началу 18 века вопросом «сезона, дня, часа». Перемены, пусть и не такие скоропалительные, но от этого не менее показательные, наблюдались в других сферах повседневной жизни: в практиках потребления пищи, в строительстве домов, в оформлении интерьера, и, конечно, в технике изъятия и использования энергии, положившей конец «биологическому старому режиму».

Насколько представленная Броделем картина динамичной Европы и статичного остального мира соответствует действительности имеет для нас второстепенное значение. Важно то, что сами европейцы начали себя отождествлять, кто-то с радостью, а кто-то с сожалением, с переменами, происходившими на континенте – в противовес с якобы «застывшими» ориентальными цивилизациями. Не думаю, что будет большим преувеличением сказать, что такая определяющая модерна идея, как 'прогресс', была, по сути, только лишь идеологическим оформлением этой осознанной страсти, жажды перемен во имя перемен. Оставив далеко позади курьезы «Великого века» с его спорами «древних» и «новых», «авторитета» и разума, Прогресс вписал эту страсть в картезианскую систему координат – другой новаторский символ рождающейся эпохи.

В Модерне идеология прогресса, однако, сталкивается с постоянством общественных структур – институциональной религией, сословными и классовыми делениями, культурными иерархиями, паттернами в восприятии и понимании действительности. Сопротивление, оказываемое структурами реформаторам-модернизаторам,

придает Модерну характер незаконченности, незавершенности, и тем самым, предоставляет главное обоснование, *raison d'être*, раскрывающегося во времени и пространстве проекта.

Таким образом, модерн можно описать посредством взаимодействия двух диалектических моментов – унаследованных и более-менее стабильных структур, вдохновленных страстью к переменам дискурса; при этом, под дискурсом мы можем понимать то, что он первоначально означал – а именно, форму публичного сообщения, чаще всего политического характера, произнесенного перед мобилизованной, ангажированной публикой. Напряжение, создаваемое этими моментами, оказывается крайне плодотворным, приводя к неожиданным, с точки зрения заявленных намерений, результатом. Консерватизм, к слову, поэтому и является одной из многих идеологий модерна, поскольку, констатируя и признавая осознанную страсть к изменениям, к проектам, пытается огородить общественные структуры от явных посягательств на их целостность. Скорее, именно к видимым парадоксам следует отнести и обращение к мифам, взятым из традиционной культуры, для продвижения национальной, или националистической повестки. Диалектика, являясь источником жизнеспособности модерна, подразумевает как преодоление одного момента другим, так и, в краткосрочной, возможно, перспективе, поисками компромисса между ними.

В этой связи, модернизация, как процесс, направленный на обретение модерном «завершенности» – пусть и локализованной – означает постепенное ослабление этого напряжения между структурой и дискурсом. Вероятно, именно это и имел в виду такой тонкий и парадоксальный наблюдатель советской модернизации как Александр Зиновьев, утверждая, что по мере улучшения материальных условий жизни советских людей, слабела притягательная сила коммунизма. Другими словами, советское общество, сформировавшись, созрев к брежневской эпохе, осознало, что изменения, связанные с модернизацией, и обеспечившие удовлетворение базовых потребностей и есть «настоящий коммунизм» и большего не будет. Дискурсу, с его утопическими обещаниями, оказалось нечего предложить, кроме, собственно, слов и лозунгов (о чем пишет Алексей Юрчак в своей книге «Последнее советское поколение. Это было навсегда, пока не кончилось»). Диалектическое напряжение ослабло и исчезло, структуры изменились, но затем снова обрели стабильность, а вместе с ними обрела стабильность, окостенела, т.е. превратилась в комплекс мифологем изначально модернистская идеологическая платформа.

Пример Советского Союза показывает, насколько итог модернизации отличается от декларируемых в дискурсе целей. Не утопией, и

не антиутопией (что тоже было бы интересно) закончился советский проект, а новой, банальной повседневностью. В этом не стоит усматривать подлог, системную ошибку дискурса, доказательство лживости реформаторов и т.д. Непредсказуемость результата заложена в алгоритме взаимодействия диалектических моментов; она обусловлена целым рядом факторов, в частности, амбициозностью модернистского проекта и стойкостью традиционных структур.

Все, что было сказано выше – хорошо известно. Я обратился к понятиям структуры и дискурса – краеугольным как для социологов, так и антропологов – для того, чтобы подготовить почву для артикуляции своей гипотезы. Апологетами теории модернизации еще в 60-х и 70-х годах было замечено, что процессы перехода от традиционного к современному обществу занимают все меньше и меньше времени. Сейчас не будем говорить о том, что мы имеем в виду под «современным обществом» – речь идет о временной дистанции между двумя «стабильными» состояниями.

Сокращение этой временной дистанции, на мой взгляд, является следствием сокращения дистанции между упомянутыми моментами – структурой и дискурсом. Скорее, структуры теряют свою жесткость, почти материальную непоколебимость, превращаясь во все более податливые субстанции. С другой стороны, трансформирующая сила дискурса возросла многократно, пусть и ценой радикальной его децентрализации. Можно говорить о том, что изначально стабильные структуры стремятся к гибкости, присущей дискурсу, а дискурс, во многом неуловимый, не имеющий пространственного отображения, обретает твердое присутствие, подобно структуре. Мы имеем дело с возможным завершением модернистской диалектики в виде срачивания структуры и дискурса.

Наше с вами пребывание и общение в онлайн формате – то, что организаторами было обозначено «нарастающей деспотией цифрового пространства» – служит замечательной иллюстрацией этого срачивания двух главных моментов модерна. Как мысль, мы не занимаем с вами конкретного места в физическом пространстве, за которым бы скрывались действительно значимые практические последствия. Мы появляемся и обретаем в сознаниях друг друга, в интер-сознаниях, сливающихся, возможно, в единое, глобальное интра-сознание.

И если прежде значимость события определялась той ясностью, с которой оно – это событие – отражало или схватывало суть происходящих подземных структурных трансформаций, то теперь может сложиться впечатление, что «события» тождественны самим себе, и значимы в зависимости от занимаемого ими сегмента в информационном пространстве – вернее, в информационном потоке. Мы знаем,

что живем в эпоху пандемии из той роли, что последняя обрела в новостном, и не только новостном дискурсе, и мы чувствуем, что те изменения – структурного характера происходят прямо сейчас, перед нашими глазами вместе с переживаемой нами многосезонной драмой. Так, события, провоцируя изменения в некогда стабильных институтах и паттернах, сразу обрастают историческим измерением; это, наверное, можно назвать «вечный настоящим», но, учитывая глубину и сложность рисунка, лучше обозначить как историю-пойманную-в-моменте.

Модерн произвел состояние, в котором сфера проектов максимально близко соприкасается со сферой обжитого опыта – сферой унаследованных структур. Не отрицаю, что все это звучит абстрактно и схематично. Я хочу сказать, что одной логикой мимесиса, диктующего возврат элементов традиционной культуры – архаики – в современное общество, настоящий момент не описать. Безусловно, апелляции к мифам прошлого и мифам о прошлом имеют место, но не стоит терять из виду меняющиеся побудительные причины – во всяком случае, в связи в возрастающей податливости структур, необходимость достижения соглашения с ними, пусть даже временного, тактического постепенно отпадает. Что остается? Отчасти, связанная с отсутствием воображения привычка.

В этой реальности, где история активно проживается *hic et nunc* – здесь и сейчас – мифы скорее утратят часть своей мобилизующей силы, уступив место фантазиям. Нечто гибридное между опосредованными нарративами прошлого мифами и навеянными мечтами о будущем фантазиями мы наблюдаем в наших условиях – к примеру, в архитектуре столицы Казахстана. Обсуждение примеров таких гибридов не входит в мою задачу. Хотел бы, правда, поднять вопрос, что потенциально может стать главным источником диалектического напряжения в период сращивания структуру и дискурса. Ответа у меня нет, но рискну предположить, что разные формы утопии – утопии, обоснованной «наукой», и утопии, обусловленной представлениями о справедливости – будут играть не последние роли.

HALYQARALYQ
MÄDENIETTERDI
JAQYNDASTYRY
ORTALYGY
INTERNATIONAL
CENTRE FOR THE
RAPPROCHEMENT
OF CULTURES

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ
МИНИСТРЛІГІ

AUEZOV
INSTITUTE

**АБАЙ ҚҰНАНБАЙҰЛЫНЫҢ 175-ЖЫЛДЫҒЫНА ОРАЙ,
БІЛІМ МӘДЕНИЕТІН ҚОЛДАУҒА АРНАЛҒАН
«СӨЗ АРХЕОЛОГИЯСЫ: ТІЛДЕР, ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕР ЖӘНЕ
ТАРИХ» І ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АЛМАТЫ КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДАР ЖИНАҒЫНЫҢ ТЕЗИСТЕРІ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ І МЕЖДУНАРОДНОЙ
АЛМАТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ПОДДЕРЖКУ КУЛЬТУРЫ
ЗНАНИЙ, ПОСВЯЩЕННОЙ 175-ЛЕТИЮ АБАЯ НА ТЕМУ
«АРХЕОЛОГИЯ СЛОВА: ЯЗЫКИ, ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И
ИСТОРИЯ» (ТЕЗИСЫ)**

**PROCEEDINGS OF THE I INTERNATIONAL ALMATY CONFERENCE
FOR THE CULTURE OF KNOWLEDGE DEDICATED TO THE-175TH
ANNIVERSARY OF ABAI «THE ARCHAEOLOGY OF WORD: LANGUAGES,
WRITTEN MONUMENTS AND HISTORY» (ABSTRACTS)**

10 ҚЫРКҮЙЕК
СЕНТЯБРЯ
СЕРПЕНВЕР 2020 ALMATY

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас

(Алматы, Казахстан)

*Директор Международного Центра
сближения культур под эгидой ЮНЕСКО*

Вступительное слово

Уважаемые участники конференции, коллеги, друзья!

На самом деле тема конференции неожиданная, особенно сейчас, когда мы все заняты таким явлением как коронавирус. Необходимость объединения усилий лингвистов, востоковедов и историков в совместном исследовании нашей общей истории возникла давно. Однако ощущают ее не все. Археологи надеются на какие-то материальные артефакты, на археологию, но наши предки, к сожалению, не строили крепостей, городов – они в основном их разрушали. Поэтому воспользоваться этими обломками истории для воссоздания образа своего прошлого мы можем не всегда.

Поэтому вся надежда на артефакты слова, на язык, на словари, которые сохраняют следы прошедших тысячелетий, показывая не просто существование наших предков, но и историю контактов с другими народами, культурами, религиями, их возникновение и происхождение. Вот обо все этом расскажет только слово, никакой археологический материал не помогает так, как археология слова. Ведь слово – исторический артефакт.

Перед началом конференции я как раз рассказывал корреспонденту, что сегодня утром получил некоторые газеты, в частности, «Аргументы и Факты». В них, на первой странице, в московской версии газеты, российский лингвист отвечает на вопрос читателя: откуда происходит русское слово «Ура»? И он объясняет следующее: «Ура» – это вероятно эмоциональное высказывание, не более того. А «Ура» – это татарское слово, (звучащее, например, по-казахски – «Ора»). Это военная команда, раздававшаяся из центра войска, повторявшаяся хором, чтобы фланги услышали. Ора! – начинайте окружать, заворачивайте фланги. Вот пример археологии слова в действии, объясняющей нам такое загадочное лексическое образование, ставшее впоследствии боевым кличем. Применяя такие методы, лингвистика становится этимологией знания.

К сожалению, такой дисциплины не осталось в языкознании. Я помню, как в советское время было всего два или три этимолога, которые пользовались методом общим – фонетическим, фонетически-лексическим, зачастую вынужденно придумывая происхождение слов

и, путем логических сопоставлений, приходя к какому-то этимологическому результату. Конечно, это не научный подход, вернее, старо научный. Подлинно научное знание возникает лишь сейчас. И Казахстан может сделать этот вклад в мировое языкознание.

Слово удревяет нашу историю. Назову, например, слово – «Юй», которое датируется 4 тысячелетием до н.э. Можно представить мою реакцию, когда я вдруг обнаружил глиняную таблицу в библиотеке Вавилона, на которой изображена юрта. Четвертое тысячелетие до н.э., а юрта не изменилась: такой же контур, тундук, двухстворчатая дверь, кереге – все это сохранилось на протяжении шести тысяч лет, а наука об этом ничего не знает.

Поэтому Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО предлагает всем научным организациям прислушаться ко всему, чем мы занимаемся, ориентируясь на международное сотрудничество. Мы рады, что наша конференция состоялась сегодня. Надеюсь, что результаты конференции будут обсуждаться в виде предложений технологий этимологии слова, чтобы сформулировать выводы, важные как для отечественного, так и для международного научного сообщества.

Спасибо.

Приветственное слово

Құрметті әріптестер! Құрметті, конференцияға қатысушы қонақтар!
«Сөз археологиясы: тілдер, жазба ескерткіштер және тарих» атты І-ші Халықаралық Алматы конференциясына қош келдіңіздер!

Өздеріңізге белгілі, кез-келген қоғамда мәдениет, өнер және әдебиет саласы өркениеттің негізі, рухани қазығы.

Бүгінгі конференцияның тақырыбы ұлттық және халықаралық контекст үшін де өте маңызды. Министрлік елімізде мәдениет саласының бір бөлігі ретінде тіл саясатын дамыту ісіне баса назар аударып келеді.

Тілдерді дамыту мен қолданудың 2011 – 2019 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасын табысты аяқталып, 2020-2025 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарлама қабылданды (2019 жылғы 31 желтоқсандағы № 1045 қаулы).

ҚР Премьер-Министрінің қаулысымен 5 қыркүйек яғни Ахмет Байтұрсынұлының туған күні – Қазақстан халқы тілдерінің күні болып бекітілді. Мемлекет әр ұлттың ана тілдерін оқытуға да қолдау көрсетіп келеді. Мысалы, елімізде 2019 жылдың өзінде ғана

20 мыңға жуық ұлт өкіліне 27 этностың тілдері оқытылған.

Уважаемые коллеги!

Президент Касым-Жомарт Кемелович Токаев очень точно сформулировал современную культурную парадигму: «Для того, чтобы противостоять новым вызовам, необходимо, прежде всего, защищать национальные ценности. Если мы не можем сохранить родной язык, традиции, национальное самосознание, мир и согласие в обществе, то будущее поколение не простит нас за это».

Как Вы знаете, в программном докладе ЮНЕСКО «К обществам знаний» эксперты признают, что содержательный аспект образования неотделим от языков и знаний. В данном контексте следует уделять важное место в развитии казахского языка и национального лингвистического контента. Очень актуально развитие в мировом онлайн пространстве не только национальных образовательных платформ, но и научной дискуссионной лингвистической среды, где будут формироваться современные языковые стандарты. Хотелось бы отметить, что данное мероприятие занимает особое место в культурной жизни нашей страны.

Пользуясь случаем, выражаю огромную благодарность директору Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО Олжасу Омаровичу Сулейменову, а также всем гостям сегодняшней конференции.

Назарларыңызға рахмет!

ТҮЙМЕБАЕВ Жансейіт

(Алматы, Казахстан)

Заместитель Председателя Ассамблеи

Народа Казахстана

Приветственное слово

Уважаемые участники I Международной Алматинской Конференции «Археология слова: языки, письменные памятники и история»

Казахстан – многонациональная страна. Созданная в 1995 г. Ассамблея народа Казахстана на протяжении 25 лет проводит огромную работу по укреплению общенационального единства, стабильности и гармонии межэтнических взаимоотношений, интеграции народа Казахстана на основе межкультурного диалога и общественного согласия.

Важной стороной нашей деятельности является сближение культур народов, проживающих в нашей стране на основе общности наших исторических судеб.

Наше единство формировалось с глубокой древности, с момента первых цивилизаций. У нас общие архетипы в основе которых лежат древние пра-культуры и языки.

В данном контексте Ассамблеей народа Казахстана в течение ряда лет продвигается и поддерживается проект создания Национального корпуса казахского языка. Сегодня большинство развитых стран мира имеют национальные корпуса своих языков. Общеизвестным образцом является английский. Национальный корпус казахского языка представляет собой глобальный гипертекст, уникальный лексикографический труд новой формации. Это глубоко аннотированная открытая компьютерная система, включающая более 300 миллионов словоупотреблений казахского языка». И данный проект имеет прямое отношение к теме «Археология слова: языки, письменные памятники и история». Он является огромной источниковой базой для исследователей лингвистов. Кроме того, укрепление роли и развитие казахского языка как государственного должно проходить на глубоко научной теоретико-методологической базе. И в этом смысле идеи и мысли, которые будут озвучены на сегодняшней конференции, могут стать проекцией в современность, в область реальной политики

Спасибо за внимание.

ТОЛСТОЙ Владимир

(Москва, Россия)

Советник Президента

Российской Федерации,

Президент МАПРЯЛ

Приветственное слово

Глубокоуважаемый Олжас Омарович!

Искренне рад от имени Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы приветствовать организаторов и участников Первой Международной Алматинской конференции в поддержку культуры знаний «Археология слова: языки, письменные памятники и история».

Тема организованной Вами и Институтом языкознания имени А.Байтурсынова конференции исключительно важна именно сегодня, когда человечество переживает драматический процесс изменения мироустройства, формирования новых региональных центров развития.

Культуры и языки народов тысячелетиями аккумулируют и хранят память об общих истоках человечества, о тех основах, которые объединяют нас несмотря на все внешние различия и особенности. Именно язык сформировал человеческий коллектив как общество, сплотил народы, подарил нам удивительные примеры взаимодействия этносов, запечатленные в материальной и духовной культуре.

Предложенный Вами подход к разработке «археология слова» как целостной научной концепции, несомненно, позволит объединить достижения различных научных дисциплин и выстроить истинно научный путь к «евразийскому идеалу», который завешал нам Лев Николаевич Гумилев, когда «отношения между народами строятся не на войнах и распрях, а на мире и согласии».

От всей души желаю всем участникам сегодняшней конференции плодотворной работы, прорывов к новому пониманию духовной природы единства человечества!

Убежден, что научные инициативы возглавляемого Вами Центра сближения культур послужат формированию гуманного и разумного устройства современного мира.

PREIS Ann-Belinda

(Paris, France)

Chief, Intercultural Dialogue Section, UNESCO

Welcome speech

Excellencies, Distinguished experts, Ladies and Gentlemen,

It is a great honour to address this conference on the theme of “The archaeology of word: language, written monuments and history”. Let me extend my sincere gratitude to the International Centre for the Rapprochement of Cultures, and in particular Mr Olzhas Suleimenov, for inviting me to participate today.

Our presence here today underscores the long-lasting and valuable collaboration between UNESCO and the Republic of Kazakhstan to place intercultural dialogue at the heart of international cooperation.

The International Decade for the Rapprochement of Cultures – for which Kazakhstan is the instigator – and the many successes that have been achieved under its auspices since 2013, is testament to the fruitfulness of this collaboration.

We have come a long way and we have evolved together. The Decade has been – and still is – an important road of learning together through global projects and local initiatives, promoting Intercultural Dialogue as an ever-adaptable means of “building peace in the minds of men and women”.

Ladies and gentlemen,

The pandemic that the world is currently experiencing has reminded us of the fundamental interconnectedness and interdependence of humanity in our globalised world.

It has shown us that cooperation between people of different beliefs, backgrounds, identities, and cultures is essential for us to meet the many shared challenges that we currently face.

And it has reminded us of the timeless importance of promoting the values, attitudes and behaviors conducive to dialogue, non-violence and the rapprochement of cultures in line with the principles of the UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity.

This approach is at the heart of today’s conference that dives into the history of language structure. Today we will all be archeologists, archeologists of words and social constructs. We will add our contribution to the edifice of knowledge with the help of distinguished experts on linguistics. Because understanding language helps us to understand our shared histories, values, and common purpose, bringing us one step

closer to establishing dialogues, which can help to sustain peaceful and inclusive societies.

With over 7000 languages spoken in the world, 50% of them are estimated to be in danger in the coming decades. 90% of them could disappear by the end of the century. Christopher Moseley, researcher for the 2010 UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger, expressed that "Each language is a uniquely structured world of thought, with its own associations, metaphors, ways of thinking, vocabulary, sound system and grammar – all working together in a marvelous architectural structure, which is so fragile that it could easily be lost forever". And when a language disappears, culture is threatened, along with knowledge, thoughts and a sense of community. (A new version of the Atlas of the "World's Languages in Danger" will be published in 2021).

But the study of language goes beyond the lines of "speech". Speaking or writing a language is a very special experience involving a set of perceptions, values and culture. Indeed, languages and words are living pieces of art following the path of civilizations, and bearing with them traditions and history. They are to be celebrated for their heritage, which is what Abai Qunanbaiuly, Kazakh poet and philosopher honours in one of his major works *The book of words* inviting readers to embrace education and literacy as tools against poverty and enslavement.

Looking deeper into languages helps us understand the connections between cultures and people. For example, through our Writing Peace project we invite school-age learners to explore the interdependence of cultures through exercises to discover the histories of contemporary writing systems. By examining the word peace in different languages, participants come to understand the evolution of writing systems, and the many examples of cross-cultural sharing and inspiration over history.

Languages are also the prism through which we can see the world as it is : full of richness, cultures, traditions and people. It is for this reason that languages must be celebrated. This is why we celebrate UNESCO celebrates linguistic diversity at occasions such as the International Mother Language Day – celebrated every year since year 2000 on 21 February – and the International Year of Indigenous Languages, which we celebrated last year (2019) – showing the importance of safeguarding language as a means of promoting diversity and dialogue.

Ladies and gentlemen,

The challenges the world currently faces – social, economic, political and environmental – are fast paced and urgent. They require that we step up and respond, with relevance, sustainability, agility and courage.

Finding solutions to these challenges will increasingly require cooperation based on mutual respect, trust, and understanding. For this dialogue is essential, and I am convinced that the International Centre for the Rapprochement of Cultures will play its full role in this regard.

Today's conference, with its many eminent expert participants, will no doubt provide an opportunity to explore new means through which to advance such dialogue, recognizing the fundamental importance of language as a medium of shared culture, learning and heritage.

I wish you a very fruitful conference, and look forward to exploring how we can work further together.

Thank you.

МЯСОЕД Арина

(Алматы, Казахстан)

*Руководитель сектора социальных и гуманитарных наук,
Кластерное Бюро ЮНЕСКО в Алматы*

Приветственное слово

Добрый день, дорогие коллеги и участники конференции.

Благодарю Центр Сближения Культур за приглашение к участию в сегодняшнем важном заседании. Мы высоко ценим усердия и вклад Центра в продвижение межкультурного диалога и поощрение общего культурного наследия.

Сегодня я предполагаю мы будем делиться знаниями и выстраивать диалог о ценности слова, как главного атрибута взаимодействия различных культур. И исходя из нашей практики по внедрению пособия по **Написанию Мира**, которое предлагает юной аудитории открыть для себя современные письменные системы, позволяет мне утверждать, что история слова и история языков вызывает огромный интерес среди молодого поколения, для которого хочется сделать этот мир более близким и знакомым. Пособие по **Написанию Мира** побуждает детей (в возрасте от 8 до 18 лет) осознать взаимозависимость культур через знакомство с современными системами письма, их историей и взаимными заимствованиями.

Это пособие также отвечает на главные вопросы: Через шесть тысяч лет после появления письма, что мы знаем о других людях, их системах мысли и транскрипциях их систем письма? Как разные системы письма могут способствовать лучшему пониманию мира и нашего места в нем? Начав знакомиться с этими письменными системами и их завораживающей красотой, это пособие знакомит детей с культурным разнообразием, тем самым открывая им глаза на концепцию мира и наше понимание этого.

Нам очень близка тематика этой конференции, потому что ЮНЕСКО уделяет огромное внимание защите и сохранению языков, находящихся на грани исчезновения. Ведь если один язык исчезнет – нарушится целая система культурного обмена.

Еще одна область, которая нас особенно интересует, – это роль языка в межкультурном общении. Язык – это дверь в культуру. Он отражает ценности, присущие культурной группе, и описывает мир в его субъективной реальности. Наша культура, язык, идентичность и эмоции неразрывно связаны. Поэтому, когда мы говорим на родном языке, мы отражаем аспекты нашей культуры, которые составляют

нашу идентичность. И здесь же снова важно понимать истоки своей культурной идентичности, а именно языка.

С другой стороны, при разговоре на втором языке эмоциональная связь с чужой культурой и ощущение того, является ли она частью нашей идентичности, зависит от уровня владения языком и степени аккультурации.

То есть, какую часть новой культуры мы приняли и можем воплотить, потому что часть нас может идентифицировать себя с ней. Таким образом, спектр может варьироваться от использования языка просто как средства общения с людьми из другой культуры до языкового воплощения, когда говорение на этом языке заставляет нас принимать другую личность и передавать вторую культурную идентичность, которая была создана внутри нас.

Чем дальше мы находимся на первой стороне этого спектра, общение на втором языке может привести к недопониманию. Сообщение, которое мы хотим донести, может неточно отражать все нюансы, которые предназначены; поэтому сообщение, полученное другим человеком, может быть неполным или искаженным, что зачастую приводит к конфликтам и недопониманию.

Поэтому сегодня, нашим офисом активно проводится программа по развитию межкультурных компетенций среди молодежи Центральной Азии. Программа, в которой особое место занимает роль языка, как средство разблокировки диалога между различными культурами.

Совсем скоро мы запускаем безопасное онлайн пространство для бесплатного дополнительного обучения молодых людей, которое также оснащено программой изучения 6 официальных языков ООН. И мы будем рады сотрудничеству с заинтересованными сторонами по разработке онлайн курсов, которые помогут нам внести значительный вклад в сближение культур.

Я желаю продуктивного диалога всем участникам и развитию сотрудничества во благо мира и устойчивого развития.

Благодарю.

ҚАСЕЙІНОВ Дүйсен

(Анкара, Түркия)

Халықаралық ТЮРКСОЙ ұйымының

бас хатшысы

Құттықтау сөз

Мен Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігі, ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы ұйымдастырған «Сөз археологиясы: тілдер, жазба ескерткіштер және тарих» атты тақырыпта білім мәдениетін қолдауға арналған I Халықаралық Алматы конференциясына шақыруыңызды зор ризашылықпен қабыл алдым. Адамзат тілдерінде материалдық емес мәдени мұраны зерттеуге және сақтауға арналған конференцияның өтуі өте маңызды. Мен Түркі әлемінің тіл білімінің дамуына елеулі үлес қосатын бұл конференция Сіздердің арқаларыңызда жоғары деңгейде өтетініне өз тарапымнан шын жүректен құрмет білдіре отырып, бұл ауқымды шара мәдениеттерді жақындастыру процесіне елеулі үлес қосады деп сенемін. Мен барлықтарыңызды құттақтай отырып, осы конференцияның сәтті өтуіне шын жүректен тілектеспін.

ГҮЛСЕВІН Гүрер
(Анкара, Түркия)
«Түрік Дил Курум»
Түрік лингвистикалық
қоғамының президенті

Құттықтау сөз

Әлемді алаңдатып отырған вирустық індет бізді бір-бірімізге жақындатуға мүмкіндік бермесе де, мұндай кездесулер бәрімізді жақындататын бірліктің жаңа моделін ұсынып отыр. Осы кездесудің мүмкіндігін пайдалана отырып, барлықтарыңыздың бір арнаға тоғыстырған ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығына, Ахмет Байтұрсынов атындағы Тіл білімі институтына және оны қолдайтын барлық басқа мекемелерге алғысымды білдіремін.

“Тіл”, “жазба ескерткіштері” және “тарих” сөздері қатар болған кезде, әрине, “археология” ойға келеді. Себебі, олардың барлығы тізбектелген сақиналары секілді бір-бірімен жалғанады; бірі мәдениетті жеткізсе, бірі іске асырады, біреуі жазады, ал екіншісі жарыққа шығарады. Сондықтан конференция тақырыбының “Сөз археологиясы” деп аталуы өте маңызды, ол мақсатқа қол жеткізуге қызмет етеді. Мәдени ғылымның негізі осы тізбектелген сақиналарға байланысты. Мәдени мұралар бізді осы тізбекпен байланыстырады.

Алайда айтулы шараның Абай Құнанбаевтың 175 жылдық мерейтойына арналғаны өте маңызды. Себебі Абай Құнанбаев, бүкіл түркі әлеміне ортақ тұлға. Ақынның тұлғасы әр кезеңде есте сақталып, насихатталып ұрпақтан-ұрпаққа берілуі тиіс. Бұл тұрғыда сөз бен мәдениеттің археологиясына қызығушылық танытқан кезде біздің мәдениетіміздің маңызды кезеңдерін құрайтын тұлғаларды ұмытпау-адалдық парызы.

Мен осы кездесуді ұйымдастыруға ат салысқандардың барлығына алғысымды білдіре отырып, бұл жемісті кездесу болсын деп тілеймін.

МУТАНОВ Ғалымқайыр

(Алматы, Казахстан)

*Ректор Казахского Национального
университета им.Аль-Фараби*

Приветственное слово

Уважаемые участники и гости конференции!

Уважаемый Олжас Омарович!

Символично, что I Международная Алматинская научная конференция в поддержку культуры знаний, посвященная 175-летию Абая и проводимая Центром сближения культур под Вашим руководством, является доказательством Вашей гипотезы о том, что «...история казахов и большинства населения Земли закодирована не столько в археологии, сколько в слове...».

Интерес ученых разных стран к истокам жизни человека на Земле позволяет нам понять историю взаимоотношений людей через происхождение Слова, а проникновение в недра архивов исторической памяти дает возможность восстановить генезис любого древнего слова.

Поэтому я считаю, что научная конференция, посвященная археологии Слова, есть отличная возможность для демонстрации взаимодействия различных культур, объяснения причин переплетения исторических корней, выявления общих ценностей и традиций, что, в свою очередь, служит неформальному развитию толерантных отношений между народами всей планеты. Неслучайно Генеральная Ассамблея ООН в декабре 2012 года по инициативе Нурсултана Назарбаева провозгласила 2013–2022 годы Международным десятилетием сближения культур, приняв за основу утверждение, что «...культура – это искусство жизни человека в обществе, общества – в союзе с другими сообществами».

Полагаю, что ваша Конференция предоставит широкую площадку для обмена мнениями и знаниями по многим актуальным проблемам, посвященным происхождению языков, истории тюркских народов и культур, принципам реконструкции пра- и протоязыковых систем, интерпретации символов и знаков в сюжетах разных видов искусства.

Выносимые на обсуждение вопросы никого из нас не могут оставить равнодушными, ведь Казахстан, как и весь мир, сталкивается с внутренними и внешними угрозами и вызовами и осознает значимость и актуальность межэтнического и межнационального диалога в современном цивилизационном обществе.

Олжас Омарович и все, кто сегодня являются участниками этой конференции, – это те, кто понимает важность этого процесса и способствует объединению всех людей под эгидой служения Слову. Ваше бережное отношение к языку и культуре, ваша творческая энергия и плодотворный труд способствуют миру и взаимопониманию между народами.

Искренне желаю всем участникам Международной Алматинской научной конференции «Археология Слова: языки, письменные памятники, история», проводимой под девизом поддержки культуры знаний, успешной работы, интересных дискуссий и плодотворных решений!

СЫДЫКОВ Ерлан

(Нур-Султан, Казахстан)

*Ректор Евразийского Национального
университета имени Л.Н.Гумилева*

Приветственное слово

Уважаемый Олжас Омарович!

От имени Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева выражаю признательность за приглашение партнером I Международной Алматинской онлайн-конференции «Археология слова: языки, письменные памятники и история» проводимой совместно с Институтом языкознания им. А.Байтурсьнова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Проведение данного мероприятия имеет важное значение в привлечение внимания к проблемам исследования языка, истории происхождения и коммуникации в условиях глобализации в целом.

Примите искреннее заверение в заинтересованности дальнейшего тесного сотрудничества, в том числе, в рамках Вашей конференции.

БАЛЫКБАЕВ Такир

(Алматы, Казахстан)

*Ректор Казахского Национального
педагогического Университета имени Абая*

Приветственное слово

Уважаемые участники конференции!

Я искренне рад приветствовать вас от имени Казахского национального педагогического университета им. Абая. Тема конференции представляется мне действительно актуальной как в национальном, так и в международном научном контексте. Изучение языков и письменных памятников, позволяет ученым проследить генеалогию и эволюцию языков, оставивших «живые свидетельства мысли» в древних и современных культурах и запечатлевших результаты этого диалога культур в своих этимологиях. Язык всегда был и остается культурообразующим фактором, который нужно не только беречь, но и исследовать, ведь в нем закодирована историческая биография народа.

Символично, что конференция посвящена 175-летию великого Абая, именем которого назван наш вуз. КазНПУ открылся в 1928 году, став первым высшим учебным заведением в Казахстане. С самого начала здесь преподавали и работали знаковые представители казахской интеллигенции Санжар Асфендияров, Мухтар Ауэзов, Ораз Жандосов, Сакен Сейфуллин, Ахмет Байтурсинов, сыгравшие ключевую роль в популяризации наследия Абая. В настоящее время в стенах университета существует музей, архивы и кабинеты, посвященные поэту, активно ведётся воспитательная работа. Изучение курса «Абаеведение» обязательно для студентов всех специальностей.

В этом году 175-летие великого Абая широко отмечается на государственном и международном уровнях, в том числе и под эгидой ЮНЕСКО. В своей статье «Абай – рухани реформатор» Президент РК К.Токаев подчеркнул, что глубокое погружение в наследие Абая и реализация его намерений отвечают идеям, заложенным в программе Елбасы Н.А.Назарбаева «Модернизация общественного сознания». И здесь идеи Абая более, чем актуальны. Более века назад великий мыслитель призывал нацию именно к модернизации и обновлению. Абай не только искренне желал, чтобы казахский народ осваивал богатства мировой культуры, но и продолжал совершенствовать собственную самобытную культуру, развиваясь в диалоге с международным сообществом. Он внес огромный вклад в просвещение своих соотечествен-

ников. Его тексты стали важной составляющей исторической памяти всех казахстанцев.

Примечательно также и то, что конференция проводится в поддержку культуры знаний. В прошлом году Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО выступил с инициативой создания Евразийской Сети университетов в поддержку культуры знаний без границ «Аль-Фараби-Абай» под своим патронажем. КазНПУ им.Абая поддержал создание Сети, целью которой станет формирование в среде студенческой молодежи атмосферы стремления к знаниям, подготовка ее к вызовам завтрашнего дня, построение открытых, поликультурных, передовых и конкурентоспособных «обществ знаний», сохранению универсальных ценностей и культурного многообразия. Эта инициатива также является вкладом в реализацию программы «Рухани жаңғыру», выдвигающей идею «культы знаний». Как говорит президент РК Касым-Жомарт Токаев *«В эпоху экономики знаний возрастает роль обучения в течение всей жизни. Особого внимания требует ситуация в науке. Без нее мы не сможем обеспечить прогресс нации»*.

Культура знаний – отношение к окружающему миру, предполагающее высокий статус образования и научных знаний в системе человеческих ценностей. Она открывает новые возможности для молодых, расширяет их горизонты, делает их компетентными и ответственными гражданами как своей страны, так и мира. И это действительно так, потому что культура – прежде всего знание. В этом смысле миссия университета является фундаментальной, ведь то, как пройдет XXI век, зависит от того, как были подготовлены его педагоги. Согласно данным Webometrics, КазНПУ имени Абая вошел в топ-8 лучших вузов РК, заняв 8-ое место. Среди педагогических университетов мы занимаем 1-ое место. И мы не намерены останавливаться.

Надеюсь, богатство мысли, сконцентрированное в настоящей конференции привлечет внимание отечественных и зарубежных специалистов в области языкознания, истории, лингвистической антропологии, археологии, эпиграфики, представителей международного научного сообщества, международных организаций, преподавателей и студентов отечественных вузов. И верю, что эта конференция станет важным вкладом в формирование культуры знаний.

АЛДАМБЕРГЕНОВА Гаухар

(Алматы, Қазақстан)

*Қазақ ұлттық қыздар педогогикалық
университетінің ректоры*

Құттықтау сөз

Құрметті конференция қонақтары!

Қадірлі зиялы қауым!

Сіздерді Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігі ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығының бастамасымен адамзаттың ақылманы Абай Құнанбайұлының 175- жылдығына орай өткелі отырған білім мәдениетін қолдауға арналған «Сөз археологиясы: тілдер, жазба ескерткіштер және тарих» атты I халықаралық Алматы конференциясының ашылуымен Қазақстанда ғана емес, ТМД аумағында тек қыздарға арналған жалғыз педагогикалық жоғарғы оқу орны ретінде Қыздар университетінің ұжымының атынан құттықтауға рұқсат етіңіздер.

Аты айтып тұрғандай, бұл конференцияның мәні де, маңызы да жоғары. Себебі тіл- бүкіл бір халықтың жүрегі. Оның бойында ұлттық болмыс, ұлттық рух, дәстүр мен салт жатыр. Тәңірлік дүниетанымы мен төл жазуы, өзіндік күнтізбесі мен әскери құрылымы болған, ғажайып сәулет өнері мен ауыз әдебиеті, дала демократиясы мен моралі бар қазақ даласы да мұндай қазынаға бай.

Заман өзгеріп, дәуір мен дәуір, ғасыр мен ғасыр алмасып жатса да, құндылығын жоймай, мәні мен маңызы артқан глоттогенез мәселелері мен оның негізгі пайда болу себептері, шумерология, этрусскология, аккадология, авестология, гуннология және басқа да ілімдердің эмпирикалық мүмкіндіктері сынды қаузалатын тақырыптар – мәдениеттер тоғысындағы «алтын діңгек». Сондай-ақ көне жазба ескерткіштер – қазіргідей алмағайып кезеңде зерттелуді әлі қажетсініп тұрған өзекті мәселе.

Құрметті конференцияға қатысушылар!

Бұл басқосудың да әлемнің әр түкпіріндегі түркі этностарын бір тудың астына біріктіретін, ынтымағы күшейген, рухани дамыған, дүниежүзі мойындайтын, түркі халықтарының тарихы мен тілі, руханиятына қосар үлесі мол болар деген үмітпен конференция жұмысына сәттілік тілеймін.

ФАЗЫЛЖАНОВА Анар

(Алматы, Қазақстан)

ҚР БҒМ ҒК А.Байтұрсынов атындағы

Тіл білімі институтының директоры

Құттықтау сөз

Қадірменді зиялы қауым, қадірлі әріптестер!

Тіл – мәдени, рухани мұраларды жасаудың қуатты құралы. Ғасыр қойнауындағы мұраларды жаңғырту бүгінгі күннің ең маңызды мәселесі. Көне түркі дәуіріне жататын жазба мұралар – Білге қаған, Тоныкөк, Күлтегін, Мойыншор жазба ескерткіштерінің қазіргі түркі тілдерінің, оның ішінде қазақ тілінің бастау арналары екені айқын. Түркілердің ұлы жазу мәдениетінің болғанына жүріп өткен жолымыз, тарихымыз куә. Ғасырлар кеңістігіндегі тіліміздің бастау төркіні көне түркі дәуіріне, тіпті одан да арғы кезеңдерге барып тірелетіні ақиқат. Көне тарихтың құнды жәдігерлерін зерттеу арқылы қазақ тілінің түпкі түрін сақтаған байырғы тіл екеніне көз жеткіземіз. Біздің көне тарихымыз – қазіргі руханиятымыздың қайнары, өмір тәжірибеміз, білім-ғылымымыз, ұлттық менталитетіміз – ата-бабалар тарихымен үздіксіз жалғасып келе жатқан сара жол. Туған тілдің тамырлы тарихын құнды мұраларымыз арқылы жаңғырту, келер ұрпақтың санасына сіңіру, болашаққа аманат ету – тілтанушылардың асыл парызы.

Құрметті конференцияға қатысушылар! Бүгінгі алқалы жиында ғылым мен білімнің өзекті мәселелері сөз болады деп сенемін. Конференцияға қош келдіңіздер! Мәдениетіміздің жаңғыруының, ұлттық кодты сақтап, еліміздің алға дамуының айрықша көрінісі болып отырған бүгінгі іс-шараға – «Сөз археологиясы: тілдер, жазба ескерткіштер және тарих» атты халықаралық конференция жұмысына сәттілік тілеймін.

МАТЫЖАНОВ Кенжехан

(Алматы, Қазақстан)

*М.О.Әуезов атындағы әдебиет және өнер
институтының директоры*

Құттықтау сөз!

Қадірлі ұлт зиялылары, конференция қонақтары!

Ұлы ақынымыз Абай Құнанбайұлының 175 – жылдығына орай, білім мәдениетін қолдауға арналған І Халықаралық Алматы конференциясының өтуі Абайды танудың әр кезең ұрпақтары үшін рухани қажеттілік екенін тағы да дәлелдейді.

Алты жасында атасы Әуездің кеңесімен кемеңгер ақынның бүкіл өлеңдерін жаттап, сауатын ашқан Мұхтар Әуезов өзінің бүкіл саналы ғұмырын Абайдың шығармашылық әлемін әлемге танытуға арнағанын жақсы білесіздер.

Біздің М.О.Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының ғылыми қызметкерлері М.Әуезовтің суреткерлік шеберлігінен туындаған Абай жөніндегі көркем туындыларының жазба ескерткіштерін, сөз архитектурасын, әдеби тілдер әлемін зерттеу жұмыстарын бірнеше жылдар бойы жүйелі түрде жүргізіп келеді.

Ондағы ақын бейнесі әр заман талабына сай интерпретациялануы біздің жас ұрпағымызға ұғынықты болуы мен дүниетанымды кеңейтудегі философиялық құнарын жоғалтпаудың жолын танытары сөзсіз.

М.Әуезовтің ғалымдық қабілетінен туындаған абайтану мәселелері мен ұлы ақынның өмірі мен шығармашылығына қатысты деректер көзін айқындау (құнды тарихи құжаттар, архив қорлары, нарратологиялық мәтіндер, естелік жазбалар, әдеби нұсқалар), зерттеу жұмыстары әлі де зерттеуді, бүгінгі тәуелсіз ой сана тұрғысынан қайта қаралып, талдауды талап етеді. Сондықтан қазақ халқы барда, білімге құштар ұрпағы бар да Абай мұрасы өлмейді. Ол мәңгілік тақырып ретінде жазба ескерткіш ретінде зерттеле бермек.

Бүгінгі конференция жұмысына сәттілік тілейміз.

БАЙТАНАЕВ Бауыржан

(Алматы, Казахстан)

Директор Института археологии

им.А.Х.Маргулана МОН РК

Приветственное слово

Уважаемые участники конференции!

Позвольте мне поприветствовать вас от имени Института археологии им.А.Х.Маргулана. Настоящая конференция нацелена на подлинное сближение не только культур, но и наук, что закодировано в ее названии: «Археология слова». Мы приветствуем то, что конференция проводится в поддержку культуры знаний. Знаний о своем прошлом, об истории языков и народов в истории человечества.

Около 30 лет в Республике Казахстан продолжает развиваться процесс национального и государственного строительства. Несмотря на сложность модернизации, в своем главном направлении он ориентирован на формирование высоко интеллектуальной нации, консолидированной общей исторической и культурной памятью. Должен отметить, что важную роль в этом процессе играет археологическая наука и Институт археологии.

Археология является важной частью спектра гуманитарных наук, чье развитие позволило увидеть прошлое человечество во всей его глубине. Артефакты и фактография, появляющиеся в результате деятельности археологов становятся важной, формирующей, базовой конструкцией идентичности – чему подтверждение находка I Золотого человека, Иссыкской чаши или многочисленные артефакты и письменные памятники, обнаруженные в результате раскопок средневековых городов, позволившие углубить картину прошлого казахстанцев. В том числе, картину истории языков и письменностей, существовавших на территории нашей страны. Однако на настоящем этапе развития гуманитарных наук в Казахстане жизненно необходима не декларлируемая, а реальная междисциплинарность. Диалог наук, результатом которого станет новое знание, на основах которого вырастут будущие поколения образованных казахстанцев.

Значимость настоящей конференции в этом процессе трудно переоценить. Заявленные к обсуждению темы в мировом научном обществе актуальны и интенсивно изучаются. Уверен, полученные в ходе конференции верифицируемые и апробированные результаты составят фундаментальную научную базу для активной популяризации культурного наследия и формирования научной исторической

памяти казахстанского общества, а также, в значительной мере будут способствовать эффективной актуализации идей «Рухани жаңғыру». А использование казахстанскими археологами и историками, лингвистами и культурологами новейших теоретико-концептуальных моделей и методов междисциплинарного исследования повысит престиж гуманитарных наук и высшего образования в Казахстане в международном научном сообществе, что, в свою очередь, частично решит проблему с оттоком части студенческой молодежи из нашей страны.

Позвольте мне поблагодарить организаторов конференции и пожелать удачи всем нам на нелегком пути к подлинному научному знанию!

ҚАБЫЛДИНОВ Зиябек

(Алматы, Қазақстан)

*ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш.Уәлиханов атындағы
тарих және этнология институтының директоры*

Құттықтау сөз

Құрметті Олжас Омарұлы!

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының басшылығы мен ұжымы Сіздің бастамаңызбен өткізілуі көзделіп отырған, Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігі ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы «Мәдениеттерді жақындастырудың халықаралық онжылдығы» (2013-2022 жж.) аясында ҚР БҒМ ҒК А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтымен бірлесе отырып, Абай Құнанбайұлының 175-жылдығына орай «Сөз археологиясы: тілдер, жазба ескерткіштер және тарих» тақырыбындағы білім мәдениетін қолдауға арналған I Халықаралық Алматы конференциясына қатысушы алыс-жақын шетелдік және отандық ғалымдар мен мемлекет және қоғам қайраткерлерін, бүкіл зиялы қауым мен қадірменді қонақтарды айтулы шараға белсене қатысуымен ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ұжымы мен әкімшілігі атынан шын жүректен құттықтауға рұқсат етіңіз!

Біздің институттың ғалымдары Қазақстан тарихының сан түрлі қырлары бойынша зерттеулер жүргізе отырып, пәнаралық сабақтастық негізінде Сіздермен және А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтымен тығыз шығармашылық орнатқан. Парсы, араб және т.б. тілдердегі шежірелер, тарихи жазба деректерді талдауда бірлескен зерттеулер атқарылмақ.

Заманымыздың заңғар ақыны Абай Құнанбайұлының 175-жылдығы мерейтойы аясында өткізілетін конференцияның мақсаты – әлемдік өркениеттер жүйесіндегі жаңа сападағы «сөз археологиясын» әзірлеу және тіл білімінде бар тұжырымдамалық негіздерді, эмпирикалық материалды және лингвистикалық гипотезаларды пайымдау және осы саладағы жетекші мамандарды диалогқа шақыру. Міне бұл Қазақстанның тіл білімінің мүмкіндіктері мен жетістіктерін аша отырып, оның ғылыми негіздемесін тұрақтандыруға жол ашпақ.

Конференция жұмысына қатысушы алыс-жақын шетелдік және отандық ғалымдар мен мемлекет және қоғам қайраткерлерін, бүкіл зиялы қауым мен қадірменді қонақтардың баршасына денсаулық пен сәттілік тілейміз!

ШАМШӘДИН Керім

(Алматы, Қазақстан)

Нұр-Мұбарак университеті

Әбу Ханифа ғылыми-зерттеу

орталығының директоры

Құттықтау сөз

Аса қадірлі ұлы Абайдың 175 жылдығына арналған Алматы І халықаралық конференциясының ұйымдастырушылары, баяндамашылары құрметті қонақтары! Сіздерді осындай маңызды алқалы ғылыми жиынның басталуымен Нұр-Мұбарак университеті және өз атымнан атымнан құттықтаймын!

Қазақтың ұлы ақыны, ойшылы Абай Құнанбайұлы жайында өте көп айтылды, жазылды. Соған қарамастан ол туралы айтылатын сөз әлі тоқталған жоқ, айтыла бермек. Абай ұлт тағдырындағы сын кезеңінде өмір сүрді. Бұл патшалық Ресейдің отаршылдық қысымы күшейген, саяси-әкімшілік реформалар енгізген, қазақ халқы ғасырлар бойы қалыптасқан көшпелі өмірі отырықшылыққа ауыса бастаған уақыт еді. Осы өзгерістер туғызған келеңсіз жағдайлар дана Абайды толғандырды. Ақын екі өркениеттің тоғысында бір жағы шығыс мәдениетімен, екінші жағынан батыс мәдениетімен сусындаған. Семей кітапханасынан орыстың ақындарын, ойшылдарын, Еуропаның алдыңғы қатарлы философтарының еңбектерімен танысқан. Сонымен қатар шығыс мәдениеті мен өркениетінен қол үзбеген. Сондықтан Абай шығармаларында екі өркениеттің тоғысы бар деп айта аламыз. Абайдың әлемі исламмен тығыз байланысты. Абай діни медреседе білім алуымен қатар ислам туралы поэзия тілінде өрнектеумен бірге, қара сөздерінде де таңбалаған. Сол себепті Абайдың дінмен байланысты сөздерін ойларын, оның ұғымдарының терең астарларын аша талдау қажет. Бұл қабаттар ұзақ жылдар бойы байыпты таразыланбай келді. Ғұламаны бір жағынан қазақтың мәдениетін исламмен байланыстырып жатқаны оның айтылмыш терминдік ұғымдарды бойлап түсінуде жатыр деп айтуға болады. Абай шығармаларын араб әліпбиінің қадим түрінде қағазға түсірген. Бұл жазуды қазіргі қазақ оқырман түгел, мамандар да еркін оқи алмайды. Сол кездегі қолданыстағы жазу, құнды мұра қазіргі оқырманнан алыстап кеткен.

Абай туралы айтылатын сөз де тоқталмай, зерттеулер де жасала бермек. Осы басқосуда Абайды түсінуге жаңа қырынан ашуға қадамдар жасалады, ХХІ ғасырдың биігінен тануға мүмкіндіктер берілетініне кәміл сенімдімін.

Конференцияның жұмысына табыс, сәттілік тілеймін!

PUGH Daniel

(Nur-Sultan, Kazakhstan)

Dean School of Sciences and Humanities

Nazarbayev University

Welcome speech

Dear Dr. Suleimenov and colleagues at the Center for the Rapprochement of Cultures under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan, Dear conference participants

Thank you for inviting Nazarbayev University to address this distinguished group, I am speaking today on behalf of our President, Shigeo Katsu. President Katsu asked me to share this introduction because my academic background is in archaeology, and I have a particular interest in the ways that linguistic theory can inform our study of the past. My own research is focused on prehistoric people of the North American steppes. The groups that I study left no written record, but I have applied semiotics and other bodies of theory from linguistic anthropology to understand the prehistoric tribes of the region.

I am pleased that NU and the Center for the Rapprochement of Cultures have recently signed an MOU to create a formal partnership and I hope that we will work together on issues of common interest such as those under discussion today. At NU, we have a number of scholars working on issues related to these themes, particularly in our projects on the Sacred Geography of Kazakhstan and the endangered languages of Siberia. We also have projects focused on inter-faith and inter-cultural relationships within Central Asia, particularly around migration and state security issues, which may be of broader interest to the Center. In November, we will host a workshop for the Heritage Alliance for the New Silk Road, a group of archaeologists and professionals in heritage management who are interested in mitigating the impact of infrastructure development on the region's archaeological treasures. Information about that workshop will be available on our website very soon and I invite all who are interested to attend the discussions via Zoom.

As a scholar of cultures that left no written texts, I have long been fascinated by the intersection of archaeology and linguistics. Without written texts, it is very difficult to identify the language community of a past culture. We know from the study of modern communities that language can change quickly and phenomena as simple as multilingualism can complicate what we think we know. But Historic Linguistics teaches us that languages evolve in patterns that are largely predictable. So for example we can detect

culture contact in in ethnonyms, landscape change in toponyms, and shifting language preference in vestigial grammatical structures. From that we can develop models that assign linguistic identities to prehistoric communities with some degree of probability.

We also know that language is a great tool of deception and obfuscation. From Mayan inscriptions by competing chieftains, each claiming to have vanquished the other to the statements of competing political camps on the internet – written texts are just as likely to be misrepresentations of the past, or even wholesale fabrications, as they are to be faithful narrators of history. And for most of history, only a limited elite class had the means to record text, leaving the bulk of the human experience undocumented.

I often teach my students that the unique power of archaeology is our ability to move from written texts to patterns in the material world so that we can investigate critically what actually happened. Indeed, this is also the great responsibility of archaeology to the wider community of scholars – we are obligated to question the apparent truths of history by testing them with other records such as biology, material culture, and environmental history. This unique multivalent perspective is what makes our field unique and truly powerful.

I also find that the theories of modern linguistics provide insights well beyond what we traditionally consider to be text. The study of semiotics teaches us that meaning is imbued in every object that we use and every action the same way that it is for words and symbolic inscriptions. When we begin to understand not just what ancient people did, but the meanings that they ascribed to those actions and to the objects they used, we are transcending simple descriptive analyses and truly entering a study of cultures.

And finally we reach the role of language in our scholarly community. Language presents a fundamental paradox for scholars just as anyone else. Common language allows us to describe our work to each other and to record progress so that each generation can build on the work of those who came before, but at the same time inconsistent or even intentionally obfuscating language can create barriers between scholars and stunt work. Through events like this conference, we share our ideas and we create a common language to represent our accumulated knowledge. This kind of cooperation is the heart of the academic endeavor and I hope that this event will keep the conversation strong. I also hope that this spirit will continue for many years in the partnership between The Center Rapprochement of Cultures and Nazarbayev University.

I wish a productive and successful conference to all of you and once again I thank our hosts, particularly Dr. Suleimenov.

FUENSANTA Jesus Gil

(Madrid, Spain)

*Assistant Professor of the
Autonomous University of Madrid*

Beginnings of writing in the north Euphrates. The case of the middle Turkish Euphrates

The earliest evidences of writing in the North Euphrates areas old as some of the earliest temples in southern Mesopotamia (see Göbekli Tepe, Urfa, South-Eastern Turkey). However, we have not yet able to decipher and read cuneiform texts that were created before the beginning of the third millennium BC.

Throughout this millennium of the first dynasties and cities referred to in the texts, different cultures with different linguistic origins follow one another: Sumerians in the south, or Akkadians, Suberians and Eblaites in the north, among others.

Those mentioned civilizations lived in the midst of a technology and mentality proper of the Bronze Age of the region (III and IV Millennia B.C.).

The Late Chalcolithic of Northern Mesopotamia (late V and IV millennia B.C.) is a key period for the development of writing and administrative systems. This is a time when the whole Mesopotamia experiences a “world cultural system”: the post-Ubaid and Uruk cultures

This presentation focuses on recent findings in recent decades from some parts of the Northern Mesopotamia, such as southeastern Turkey, where some of the earliest legible writing texts appeared.

This study is particularly concentrated on the cuneiform scripts, both in Semitic languages and non- cuneiform scripts of other Semitic languages of Bronze Age that originated from the province of Urfa (mainly coming from the Tilbes Project evidence at Surtepe, or Tilbes Höyük), and surroundings, in Turkey.

ГОЛОВКО Евгений
(Санкт-Петербург, Россия)
Директор Института
лингвистических исследований РАН

Социальные и культурные следствия появления письменной традиции у народов Сибири¹

Уважаемые коллеги!

Благодарю Вас за приглашение на такую интересную конференцию. Тема конференции «Археология слова: языки, письменные памятники и история» оригинальная, редкая и очень правильная.

В Институте лингвистических исследований, который я возглавляю, мы занимаемся тем, что можно было бы назвать археологией слова. Это началось в советские времена и продолжается сейчас. Наши исследователи занимаются реконструкцией не только таких древних языков как шумерский или праиндоевропейский, но и современных (например, русского). Этимология как институционализируемая наука в РФ занимает важное место.

Интригующие темы этимологии вызывают интерес не только у ученых, но и среди широкой публики. Мы получаем множество писем, в которых люди предлагают свои лингвистические реконструкции тех или иных слов и языков. Однако, по большей части, все это можно отнести к «народной этимологии». Тем не менее, большое количество писем указывает на непреходящий интерес к языку и истории – двум главным факторам социокультурной идентичности, о чем уже говорилось на сегодняшней конференции.

История языка – это во многом история взаимодействия и диалога культур. В мире существует достаточно много вариаций немногих письменных традиций. На письменность народов Сибири оказали влияние миссионеры. И в первую очередь – переводом религиозных текстов на коренные языки.

---

¹ Из стенограммы выступления

ШАМИЛЬОҒЛЫ Юлай

(Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

Висконсин университетінің профессоры,

Назарбаев университетінің Түркология

кафедрасының меңгерушісі

Түркі тілдерінің пайда болуы алдындағы жағдай

Түркітанушылар түркі тілдері мен мәдениеттерінің тарихын көне түрік руникалық бітіктастарындағы жазбаларынан бастап зерттейді. Түркі тарихи тіл білімінің қазіргі жағдайына сүйене отырып, біз ертерек болған «алтай» тілдері тобы болғандығын дәлелдей алмаймыз, өйткені түрік, моңғол және маньчжур тілдері үшін «санскрит» тілінің баламасы жоқ.

Тағы бір тәсіл – тілдік топтарды жіктеу бойынша халықаралық зерттеулерге сүйену. Мен әріптестерімді халықаралық зерттеулерден алынған жаңа модельдерді («ностратикалық» теориядан бөлек) қарастыруға шақырар едім, әсіресе марқұм американдық лингвист Джозеф Гринберг (Joseph Greenberg) ұсынған тәсіл. Гринберг Африка тілдерін және байырғы американдық тілдерді қазіргі заманғы көптеген мәліметтер негізінде жіктеумен танымал болды. Ол бұл тәсілді Еуразия тілдері үшін қайталағанда, ол «Евразиялық» тілдік тобы болғандығының нәтижесіне келді: Түрік, тунгус, моңғол, чукчи-камчатка, эскимо-алеут, этрусск, үндіеуропалық, «корей-жапон-айну», нивх және орал-юкагир тілдері (*Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family*. 2 том. Stanford University Press, 2000-2002). Бұл ежелгі топтарының пайда болуы Африкадан қоныс аудару толқындарының уақыт ауқымына сәйкес келеді. Оның тұжырымдары туралы нәтижелі пікірталас бар.

Соңғы онжылдықта көне ДНК зерттеулерін, археологияны және тарихи лингвистиканы бірлестіру арқылы «адамзат тарихы ғылымын» зерттеудің жаңа қозғалысы пайда болды. Бұл түркі тілдерінің тобы туралы түсінігімізді контексттеу және хабарлау үшін қолдануға болатын тағы бір тәсіл.

ДУБРОВИНА Маргарита

(Санкт-Петербург, Россия)

*Доцент кафедры тюркской
филологии СПбГУ*

О связи письменности древних тюрков с другими древними письменными системами Востока

Кто такие тюрки? Каково их значение для истории человечества? Представляли ли древние тюркские племена созидательную или разрушительную для эволюции человеческого общества силу? Обладали ли эти этнические группы некими ментальными способностями, позволяющими говорить об их автохтонной значимости? Вот те насущные вопросы, которые продолжают беспокоить тюркское сообщество и на современном этапе исторического развития. Однако ответить на эти вопросы зачастую мешают не столько отсутствие источников и информации, сколько препятствия политико-идеологического толка.

Тем не менее, в научной парадигме дать ответы на эти вопросы необходимо без спекуляций, идеологических передергиваний и национальных искажений. Анализ современных и древних тюркских языков, а также памятников древнего тюркского рунического письма могут позволить внести свою лепту в понимании тюркского этноса как одного из духовно-развитых народов древнего мира. Основанием для такого вывода могут служить факты рунической письменности, того, как она была устроена и, самое главное, свидетельства того, что это письмо не было заимствовано, как предполагает официальная наука, а являлось самостоятельным, оригинально созданным самими тюрками. Ведь проблема письменности – это проблема культурной традиции человечества.

Орхоно-енисейские памятники интересны для исследователей как своей содержательно-внутренней стороной, так и внешней графической стороной. Руническую письменность по тем внутренним приемам, которые в ней обнаруживаются, оказывается возможным поставить в один ряд с древнейшими письменностями Востока, с такими как: шумерская, египетская, хеттская и китайская, так как она проходила те же стадии развития. О чем это может свидетельствовать? Прежде всего, о том, что тюрки не пользовались заимствованным письмом, а изобрели его сами. По нашему мнению, на основании анализа и изучения внешней стороны письма древних тюрков можно в-первых, оценить творческий потенциал, заложенный в недрах тюркского народа, а во-вторых, нащупать возможную связь этого этноса с живущими в предшествующие периоды истории народами. Связь эта естественно не является прямой и доказательно-наглядной. Тем не менее, она вырисовывается по мере поступления новых данных и применения новых концептуальных подходов.

КАЖЫБЕК Ерден

(Алматы, Казахстан)

Президент Международного общества «Қазақ тілі»,
Президент Международного тюркологического центра,
Заведующий Отделом тюркологии и алтаистики
Института языкознания им.А.Байтурсынова КН МОН РК

Принципы реконструкции пра- и протоязыковых систем: преимущества комплексного подхода

В компаративистике принято язык-предок (~ языки предки) живых или мертвых языков (~ языковых семей) обозначать термином с приставкой *пра-*. В свою очередь, праязыки восходят к *прото-*предкам. Каждый пра- и (~ или) протоуровень, соответственно, подразделяется, минимально, на ранний, средний и поздний этапы развития пра- и протоязусов всех элементов языковой системы.

Для каждого конкретного среза реконструируются соответствующие фонетические, семантические, лексические, морфологические и синтаксические правила и наиболее характерные маркеры-сигнализаторы.

Верхним обозримым пределом для истории собственно тюркских, а также других уральских и алтайских языков, является прото-урало-алтайская общность, точнее, – ее ранне-прото-урало-алтайское состояние, за пределами которого уже должны фиксироваться дотюркские, доалтайские и доуральские языковые формы, «отпочковывающиеся» от предыдущих стадий.

Последние десятилетия ознаменованы целой серией археологических сенсационных открытий, которые существенно изменили отношение ученых к возможностям учета данных материальной культуры при анализе палеоархаики. В итоге мнение о том, что археологические артефакты, в силу временной протяженности и естественного «износа», не могут служить надежными источниками для восстановления цельных фрагментов доисторических эпох – оказалось неверным.

Только сопряжение результатов языковой, антропологической, археологической, этнографической, культурологической, искусствоведческой, фольклорной, паремиологической, мифологической и палеографической реконструкций древнейшей архаики позволит ученым приблизиться к пониманию и более или менее достоверному восприятию главных этапов древнейшей истории человеческого глоттокультурно-этногенеза, основные пути которого, как линии на ладони одного и того же человека, скорее сходятся друг с другом воедино в связанной судьбе, чем разделяют и разводят нас на диаметрально противоположные участки обособленного развития.

ЕГОРОВ Николай

(Чебоксары, Чувашская Республика)

ГНС отдела языкознания

Чувашского гуманитарного НИИ

Этапы большого пути: проблемы поэтапной реконструкции прототюркского этнолингвокультурного универсума

«Археологией слова» непосредственно занимается компаративная историко-генетическая (генеалогическая) лингвистика, являющаяся основой новой науки – лингвистической палеонтологии культуры. Поскольку целью настоящей конференции заявлено «осмысление существующего в языкознании концептуального инструментария, эмпирического материала и лингвистических гипотез», а также «разработка такой “археологии слова”, которая смогла бы стать для современных исследователей “этимологией знания” и позволила бы воссоздать историю Homo Sapiens – человека мыслящего, стимулировав сближение культур», было принято решение посвятить настоящее сообщение проблеме разработки алгоритма последовательного использования методики компаративного историко-генетического анализа лингвистического материала тюркского этнолингвокультурного континуума и создания на этой основе репрезентативной эмпирической базы для разработки проблематики тюркской палеоистории. Алгоритм в диахронической лингвистической компаративистике – это последовательность аналитических процедур, которая нацелена на реконструкцию праязыка наиболее оптимальными и эффективными приёмами и методами сравнительно-исторического анализа репрезентативного эмпирического материала родственных языков. Язык, прежде всего его лексический фонд, как известно, является наиболее информативной источниковедческой базой для проникновения в сокровенные тайны архаической психоментальной «картины мира» наших далёких пращуров и важнейшим инструментом для реконструкции палеокультуры, дописьменной палеоистории, праэтноса и его прародины. В словарном фонде языка аккумулирована богатейшая и релевантная информация о самых ранних этапах палеоистории его носителей – лингвофоров.

Профессионально подготовленным лингвистам-компаративистам хорошо известно, что «археология слова» или, вернее, этимологический анализ слова, должна осуществляться по единой и достаточно жёсткой методике комплексного междисциплинарного исследования

дописьменных этапов эволюции языков, классификационных групп и этнолингвокультурных универсумов более высокого уровня. Считаю необходимым отметить уже на самых дальних подступах к реконструкции тюркского праязыка методологическую ущербность широко распространённых в наш информационный век попыток реконструкции таких отдалённых этапов эволюции языка, как праалтайский, праура-ло-алтайский, ностратический, бореальный и т.д., вплоть до «протобашенного» *турита*, якобы существовавшего до Вавилонского столпотворения «адамического» протоязыка, перескакивая при этом пра- и прототюркского уровни реконструкции. Всё это безумно интересно, но очень далеко от подлинной науки.

Только путём поэтапной ступенчатой реконструкции лингвистических фактов можно проникнуть в сокрытые пеленой времён тайны возникновения языковых семей и этнолингвокультурных континуумов, предыстории человечества, людских сообществ, этносов, народов, познать природное окружение, «вмещающую экологическую нишу» и духовный мир далёких пращуров, определить хронотопологические параметры прародины и реальные маршруты миграций прото- и пратюрков по ойкумене, установить истинные причины, вынуждавшие народы покинуть обетованные земли и предпринять полные опасностей переселения на неведомые территории, вступать в контакты с другими народами и т.д. Предлагаемый благонамеренной публике для критического обсуждения алгоритм компаративного историко-генетического (генеалогического) анализа лингвистической эмпирии необходимо обкатать сначала на диахроническом уровне групповых (пракыпчакской, пракарлукской, праогузской, прахонгорайской, праурянской, праогузской) реконструкций, а затем на более глубоких пра- и прототюркском диахронических стратах. И только после последовательного проведения всей процедуры поэтапной реконструкции прототюркского состояния перед исследователем истории тюркского этнолингвокультурного континуума открывается реальная возможность подступиться к разработке проблематики общности традиционно объединяемых в алтайскую семью языков. Однако в распоряжении исследователя алтайской проблематики должны быть протомонгольские, прототунгусские, протокорейские, протояпонские реконструкции, синхронные прототюркской диахронической страте. К сожалению, пока монгольская компаративистика буксует на уровне рубежа I – II тысячелетий нашей эры.

ГАРКАВЕЦ Александр

(Алматы, Казахстан)

Главный научный сотрудник

Отдела тюркологии и алтаистики

Института языкознания

имени А.Байтурсынова КН МОН РК

Тюркское прочтение надписи на золотой чаше иссыкского золотого человека

Новое чтение рунической надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана основано на тщательном анализе письменных, графических и случайных штрихов. Письмо в основном тождественно древнетюркскому. По содержанию это поминальная фраза, запись сделана на чаше покойного при захоронении: **Qiz-er, ičiŋ, oqu-süŋügü čezib, / köčü aŋsağ** “Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья, / будем поминать кочёвку”. Вариант: **Qiz, egir, ičiŋ, oqu-süŋügü čezib, / köčü aŋsağ** “Дева, выпей аир, когда мы, отторочив стрелы и копья, / будем поминать кочёвку”:

Вместо эпитета “герой” имеем название ритуального напитка из корня аира болотного, называемого еще татарским зельем, который шаманы использовали для достижения транса. По наблюдениям наркологов, доза корня аира в 5 см вызывает эйфорию и по действию равна амфетамину, а в 25 см – это уже психоделик, сопоставимый с современным наркотиком экстази. В результате – видоизменение сознания, в данном случае – иллюзия сверхъестественного контакта между мирами. Может нет, а может и да, если писавший обращался к этой девушке не как батыру и герою, а просто советовал испытать конкретный чудодейственный напиток в момент, когда близкие объединятся для общения с ней на границе бытия и инобытия.

НАРЫМБАЕВА Амангельды

(Нур-Султан, Казахстан)

*Специалист по истории
археологических комплексов*

К вопросу о прототюркском происхождении древнейших языков мира

Экономический взрыв произошёл в верхнем палеолите в урало-казахстанском регионе. Изобретение высокопроизводительных вкладышевых орудий труда. Г. Чайльд и Г. Кларк: “Те люди, которые делали такие микролиты, создали всю мировую цивилизацию”.

Отсутствие генетической связи и преемственности в развитии культур в других регионах мира в каменном веке и в эпоху металла. Расселение прототюрков в верхнем палеолите в Европу и Западную Сибирь. Мысовая (Башкирия) – древнейшая многослойная стоянка. В верхнем палеолите на Древнем Востоке регресс и уменьшение населения. Отсутствие на Древнем Востоке верхнепалеолитических и мезолитических культур.

В Юго-Восточной Азии до неолита существовали культуры раннепалеолитического облика. Наличие следов развитого тюркского пласта в языке индейцев, ушедших в Америку 25 тыс. лет назад. Значит развитый тюркский язык существовал уже в это время.

Эпоха бронзы зародилась в Центральном Казахстане. Зарождение цивилизации: возникновение металлургии, изобретение мышьяковой и оловянной бронзы, зарождение классов, государств, возникновение городов, письменности, зарождение религии.

Функционирование “Великого оловянного пути” в III-II тыс. до н.э. Расшифровка шумерских и аккадских клинописных текстов Тарием Азертюрк.

Расшифровка крито-минойской и этрусской надписей А. Айзахметовым.

Открытие Галиной Шукеевой тюркского субстрата в латышском и русском языках.

Праславянский и прабалтийский язык – это тюркский субстрат. На уровне генетики установлено:

- 1) скифская культура моложе сакской культуры и имеет восточно-евразийское происхождение;
- 2) генетический состав скифов и саков – это смесь ген ямной, андроновской, афанасьевской популяций;

3) генофонд скифских групп находится у их современных потомков на Кавказе и Средней Азии;

4) генофонд сакских племён более широко распространён, но почти исключительно среди тюркоязычных групп, особенно из кипчакской ветви тюркских народов.

5) современные тюркские народы – потомки саков и андроновцев.

6) опровержение евроцентристской гипотезы об ираноязычности населения Великой Степи.

Джусупов Маханбет

(Ташкент, Узбекистан)

*Профессор Узбекского государственного
Университета мировых языков*

Круг – солнце, круг – буква, круг – земля (эволюция знака)

В древности солнце обозначалось: кругом; кругом с темной точкой в середине; кругом полностью красно-багровым; кругом с крестом в середине; полукругом с крестом в середине; наконечником стрелы с крестом внутри; четырехугольником с точкой или с другим знаком в середине; и т.д. Таким образом, круг одно из древнейших изображений солнца наряду с другими его изображениями. Окраска круга солнца была и есть разноцветная (красный, багровый, желтый), потому что круг солнца разные народы на разных географических пространствах земли видели и воспринимали по-разному. Круг солнца в этих разных цветах отразился в гербах и флагах современных государств. Например, на государственном флаге Республики Казахстан изображены солнце и орел. Солнце изображено кругом, от которого расходятся солнечные лучи, цвет желтый. В казахском понимании солнце – греющий предмет, но не горящий, то есть не огонь. На государственном флаге Японии солнце изображено багровым кругом, как огонь, как горящий предмет. Для японца солнце – это пламя. Круг, как древний символ, отразился и в типах график (латиница, кириллица), обозначая некоторые буквы, например, <о>, полукругом <с>, часть целой буквы <д> и т.д. Таким образом, круг солнца, как древний рисунок, как символ света, огня, является государственным символом многих стран и начинает практически многие алфавиты современных народов в виде строчной буквы <а>. Эта связь времен, выраженная в кругообразных символах, подтверждает глубокую преемственность в процессе мышления древнего и современного человека, обозначающего кругом солнце, букву и земной шар (глобус).

САБЛИН Сырым

(Алматы, Казахстан)

*Научный сотрудник Центрального
Государственного архива научно-технической
документации Республики Казахстан*

Петроглифы Казахстана в личных фондах ЦГА НТД РК

Ввиду специфики архивных фондов личного происхождения в документах таких фондов откладываются самые разнообразные исторические источники, которые кардинально отличаются от основной сферы деятельности фондообразователя. В данном случае рассматривается личный фонд Мариковского Павла Иустиновича — доктора биологических наук, профессора, члена Союза писателей Казахстана, действительного члена Международной академии информации.

В большей степени он известен как энтомолог, писатель и популяризатор науки. Но помимо своей основной деятельности он также увлекался изучением петроглифов

При передаче документов личного архива Павла Иустиновича, наряду с другими документами была также представлена картотека копий наскальных рисунков, скопированных П.И.Мариковским в районах Центрального и Южного Казахстана за период 1947-2005 гг.

Всего Мариковским было перерисовано и отчасти сфотографировано более полутора тысяч наскальных рисунков. Составленный каталог хранится в личном фонде Мариковского, картотека включает в себя 9 дел в которых собраны копии наскальных рисунков, общее количество карточек составляет 2005 листов.

Учитывая тот факт, что среди опубликованных трудов Мариковского представлена лишь малая часть рисунков из его каталога, документы его фонда требуют дальнейшего изучения специалистами и могут представлять интерес для всех кто занимается изучением древней истории не только Казахстана, но и всего мира.

КАКИЛЬБАЕВА Энкар

(Алматы, Казахстан)

Исполнительный директор

научно-исследовательского лингвистического центра

им.Олжаса Сулейменова КазНУ им. Аль-Фараби

Интерпретация интертекстуальных кодов в дилогии А. Нурпеисова «Последний долг»

Поэтика дилогии А.Нурпеисова рассматривается мной в мифологическом аспекте, с точки зрения функции мифологем, позволяющих интерпретировать те или иные сюжетные ситуации при помощи параллелей из мифологии. Р. Барт утверждал, что «миф как живая память о прошлом способен излечить недуги современности». Практика интерпретации проблем мифопоэтики художественного текста позволила прийти к мнению, что Нурпеисов обращается к мифологическим сюжетам с целью моделировать современную жизнь по законам мифологического мышления.

Исследователи отмечают особый фаталистичный настрой писателя, страдающего от трагедии Арала, разворачивающейся на его глазах. Круг проблем бытийного плана также требует философского осмысления, что определяет особенности мифопоэтики романа: кто повинен в происходящем хаосе и несет ответственность перед историей? Поэтому «Последний долг» назван романом-катастрофой, эсхатологическим романом, предсказывающем конец света.

В романе-мифе передана боль писателя, оказавшегося невольным свидетелем гибели уникального творения природы – Аральского моря. Сюжетное действие в дилогии имеет пространственные и временные границы: оно умещается в одни сутки, что нашло отражение в заглавиях частей «Был день» и «Была ночь». Но внутренний сюжет неисчерпаем, пронизан работой памяти и интуиции, работой ума и сердца. В нем нашли место драма не только главного персонажа, но и каждого из героев, хронотоп не знает границ, отсюда постоянные выходы в небесные и запредельные миры.

В структуре дилогии особо явственно ощущается влияние Библии, особенно, мифов о сотворении мира: «И был вечер, и было утро». По мнению писателя, речь идет не только о судьбе Арала, а обо всех катастрофах мира. Писатель дает всем возможность рассматривать роман как мифологический, трагедийный, поэтому показывает «медленный процесс превращения Арала в некую самостоятельную субстанцию, необузданную, непредсказуемую.

В этом контексте особую функцию наделен эпитафия к роману, взятый писателем из «Книги мертвых», который есть констатация деяний смертного человека и в наше время воспринимается как укор всему человечеству:

Я не чинил людям зла... Я не убивал... Я не преграждал путь бегущей воде...

Сквозным образом-символом, порождающим главную мифологему, объединяющую пространство и время, является сам Арал, высыхающий, полный трагедий личных и общественных, он показан как обладающий памятью, живущий в воспоминаниях природы, людей, рыб и зверей, открыт людям и напоминает о былой красоте чуда природы, возникшего среди песков, теперь ставшего «жертвой человеческой алчности и безрассудства».

Пространство и время в диалогии утрачивают границы, происходит сдвиг в Вечность, и события, связанные с судьбой бель-аранских рыбаков происходят при свете вечности: «Sub species aeternitatis». Арал в сюжете диалогии выступает в разных ипостасях, из которых главной является символ жизни, поэтому в памяти людей живет воспоминание-легенда об Арале как синей чаше воды. Носители этой мечты – простые рыбаки во главе со своим председателем колхоза Жадигером Амиржановым противостоят смерти и моря, и своей собственной.

Неслучайно появление в сюжете образа льдины, ставшей по ходу развертывания повествования мифологемой: Жадигер, Бакизат и Азим оказались на оторвавшейся от острова льдине, сильный ветер уносит ее в открытое море, то есть в вечность. Происходящее на глазах людей безумие природы есть символ нарушения не просто бытия, а бытия существования человека, апокалипсис, случившийся и по вине людей, грозное предостережение природы, выражающей протест против людей. Льдина принимает вселенские размеры, уподобляется космосу, и в этом символе отражено мифологическое мышление самого писателя.

Анатолий Ким восхищался финалом сюжета: «Так просто, без какой-либо риторики, преодолен апокалипсический пессимизм». Н. Анастасьев считает, что «здесь действуют законы мифологического мышления. Например, закон тотемизма, согласно которому душа человека помещается в груди животного». А. Нурпеисов в диалогии об умирании и моря, и людей стянул в один сюжетный узел и быт простых аральских рыбаков, и жизнь Природы, существующей по изначальным законам Бытия.

СУЛЕЙМЕНОВ Олжас

(Алматы, Казахстан)

*Директор Международного Центра
сближения культур под эгидой ЮНЕСКО*

Заключительное слово

Хотел бы поблагодарить всех участников конференции, выступивших сегодня с докладами. Отвлеченность их от главной темы свидетельствует о необходимости в дальнейшем определить более конкретные темы для обсуждений. По итогам этих исследований вышел бы хороший сборник ответов на все важные для языкознания вопросы.

На конференции звучали смелые слова о том, что тюркский язык был основополагающим, что даже в Вавилоне, Египте и Шумеры говорили на нем. Хотя и это отчасти справедливо: занимаясь вопросом происхождения тюркских языков и тюркской письменности уже много десятилетий, я пришел к выводу о громадном влиянии, которое тюркские языки оказали в свое время на становление всех других языков Евразии. Но в то же время я не согласен с теми авторами, которые выпускают книги, где говорится о том, что матрицей всех языков были тюркские языки. Поэтому я призываю не забывать об уже существующих историко-лингвистических фактах: история письменности началась с Шумеров – это 4 тысячелетие до н.э. Далее нам следует изучать то, как эволюционировали письменные знаки, становясь основой не только многих языков, но и религий древнего человечества. Очень важно узнать – чем же был Шумер. В разгаре нашей сегодняшней дискуссии я даже предложил каждому участнику конференции разобраться, попытаться понять происхождение вот этих двух знаков – самых главных слов шумерских это – «УТ» – солнце и «УДУ» – бог солнца.

Если мы обратим внимание на подобные конкретные историко-лингвистические сюжеты, мы сможем ответить на все вопросы языкознания. Вот два слова УТ – солнце и УДУ – бог солнца. Тогда наш языкознание получит главные ответы на вопросы о происхождении не только, например, тюркских языков, но и многих религий, даже таких как иудаизм, христианство или ислам. Очень важные ответы, поэтому предлагаю участникам этой конференции прислать нам свои ответы на эти вопросы, и возможно, мы вместе могли бы создать настоящую сенсацию для языковедческой науки.

Спасибо!

КОММЮНИКЕ
I Международной Алматинской конференции
в поддержку культуры знаний,
посвященной 175-летию Абая на тему:

«АРХЕОЛОГИЯ СЛОВА: ЯЗЫКИ,
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ИСТОРИЯ»

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО в Алматы и участники Первой Международной Алматинской конференции в поддержку культуры знаний, учитывая важность диалога культур и выработки общей цивилизационной стратегии человечества в направлении духовного сближения и взаимопонимания, единодушно пришли к общему мнению о необходимости продолжать и интерсифицировать усилия в направлении генерации новых и стимулирования имеющихся инициатив по достижению прогресса в этом направлении.

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО в Алматы и участники Первой Международной Алматинской конференции в поддержку культуры знаний призывают к формированию серии научно-исследовательских проектов с различными источниками финансирования и соответственно разными задачами в зависимости от глубины охвата и продолжительности сроков реализации с привлечением возможностей грантового и программно-целевого финансирования по линии государственных ведомств и организаций отечественного и международного уровней, включая государственные и негосударственные структуры.

Особое внимание предлагается сконцентрировать на вопросах комплексного изучения глубинных генетических и гетерогенных связей на базе анализа данных лингвистической, палеографической, антропологической, мифологической, искусствоведческой, этнографической, археологической, культурологической и паремиологической реконструкции архетипов пра- и протосостояний, зондажа древнейших письменных памятников, изучения систем письма.

Для достижения поставленной цели step by step предлагаются обучающие и методические семинары, подготовка молодых специалистов, в том числе с активным привлечением международного опыта и зарубежных специалистов.

Председатель конференции,
Директор Международного Центра
сближения культур под эгидой ЮНЕСКО

Олжас Сулейменов

Секретарь и модератор конференции,
Президент международного общества «Қазақ тілі»,
Президент Международного тюркологического центра,
зав. отделом тюркологии и алтаистики
Института языкознания им. А.Байтурсынова
КН МОН РК

Ерден Кажыбек

Отпечатано в типографии ИП «WEST»
г. Алматы, ул. Потанина 109